

Людмила
МАРТОВА

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

КЛЮЧ от
НЕЗАПЕРТОЙ
ДВЕРИ

*Не бойся перемен.
Попробуй начать завтрашний день не так,
как обычно. И все получится!*

Людмила
МАРТОВА

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

*КЛЮЧ от
НЕЗАПЕРТОЙ
ДВЕРИ*

*Не бойся перемен.
Попробуй начать завтрашний день не так,
как обычно. И все получится!*

Annotation

Когда у Василисы Истоминой завязались бурные отношения с режиссером Вахтангом, она просто летала от счастья. Но через несколько лет от этого, казалось бы, идеального романа не осталось и следа из-за вздорного, непостоянного и собственнического характера Вахтанга. Василиса тяжело пережила расставание и постепенно пришла в себя, но известие о гибели бывшего возлюбленного все равно стало для нее страшным ударом. Вахтанга убили в глухом лесу близ селения Авдеево, и так случилось, что его тело обнаружила сама Василиса. Подозрения в совершении убийства в первую очередь пали на нее, однако вскоре следствие оставило девушку в покое. Но она уже поняла, что не успокоится, если сама не отправится в Авдеево и не узнает, что же на самом деле произошло с Вахтангом...

- [Людмила Мартова](#)
 -
 -
 - [Глава 1. Человек в лесу](#)
 - [Глава 2. Платочек в красный горох](#)
 - [Глава 3. Город, ставший чужим](#)
 - [Глава 4. Грехопадение у фонтана](#)
 - [Глава 5. Миг между прошлым и будущим](#)
 - [Глава 6. Дорога в безнадежность](#)
 - [Глава 7. Выстраданное счастье](#)
 - [Глава 8. Одинокая ветка рябины](#)
 - [Глава 9. Новые знакомства](#)
 - [Глава 10. Скелеты в шкафу](#)
 - [Глава 11. Навстречу судьбе](#)
 - [Глава 12. Рай в шалаше](#)
 - [Глава 13. На крутом вираже](#)
 - [Глава 14. Огненная ярость](#)
 - [Глава 15. Последняя просьба](#)
 - [Глава 16. Тайное становится явным](#)
 - [Глава 17. Грехи отцов](#)

- [Эпилог](#)

Людмила Мартова

Ключ от незапертой двери

© Мартова Л., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*Моему самому лучшему в мире папе Владимиру
Зарецкому, чью любовь я ощущаю с раннего детства
и до сих пор.*

*Моей подруге Ирине в память о ее
удивительном папе Людвиге Бенке.*

Все события вымышлены Любые совпадения случайны

*Две молодые головы
на «ты» шептались в прошлом счастье,
и поцелуй был как причастье...
Но я с тобою попрощаться
хотел бы все-таки на «вы».*

*В колодце плавает звезда
и хочет выбраться на небо,
а я не выберусь, наверно,
но грустно и благоговейно
благодарю Вас навсегда.*

*Боялись оба мы тогда
в избушке скрытной и скрипучей,
накрытой, как тулупом, тучей.
Вы – незаслуженный мой случай.*

Благодарю Вас навсегда.

*Мне камышами Ваше «да»
ночное озеро шепнуло.
Тень белая ко мне шагнула,
да так, что ходики шатнуло.
Благодарю Вас навсегда.*

*Туман баюкала вода,
и надвигались ваши очи,
которых нет смелей и кротче.
Сестра родная белой ночи,
благодарю Вас навсегда.*

*Не страшно Страшного суда.
Не страшно мне суда мирского...
Быть благодарным – так рисковно.
Ржавеет счастье, как подкова.
Готов к несчастьям – что такого!
Но я готов и к счастью снова...
Благодарю Вас навсегда.*

Евгений Евтушенко

Глава 1. Человек в лесу

Нужно уметь уживаться со своим прошлым.

Мадонна

Наши дни

В лесу родилась елочка... В лесу она росла... Почему-то строки именно этой старой, основательно забытой детской песенки вспомнились Васе при виде мелькающих за окном вагона елей, подкрадывающихся к самому краю железнодорожной насыпи и стремительно, будто в испуге, отбегающих подальше от грохочущего поезда.

На самом деле Васю звали Василисой. Таким чудным именем, заставляющим упражняться в остроумии всех без исключения знакомых, ее тридцать лет назад наградили мама с бабушкой. Имя досталось ей в наследство от деда, умершего задолго до ее рождения. Бабушка обожала мужа, а мама – отца, и оттого, что в их домике по-прежнему звучало нежное «Васенька», бремя невыносимой утраты становилось чуть легче. Именно поэтому дочка и внучка была не в претензии, что ее кличут, как соседского кота. Вася так Вася.

В конце концов с ней в одном классе училась девочка, которую звали Анжелика Егоровна, а на год старше – Инесса Степановна, что, на ее взгляд, звучало гораздо смешнее, чем Василиса Александровна. Какого Александра мама вписала в ее метрику, она не знала. Отца у Василисы не было. Сколько она себя помнила, они всегда жили втроем. Она, мама и бабушка.

За окнами промелькнули сказочные голубые купола Сергиева Посада. Эту часть дороги от своего города до Москвы Василиса любила больше всего. Поезд выезжал со станции, убыстрялся, набирая ход, и пассажирам открывался чудесный вид на зеленые лоцины, покрытые редкими перелесками. Рельеф здесь был холмистый. То высоко-высоко над головой, на верху отвесного котлована, по дну которого мчался поезд, оказывались деревья, то, наоборот, насыпь стремительно взмывала чуть ли не в небо, и теперь уже зеленые поля и

перелески виднелись внизу, уплывали под ногами, как в фантастическом фильме.

У-ух, и снова поезд оказывался в глубокой яме, устремляясь к центру земли и теряя последнюю надежду на спасение. А-ах, и снова взмывал вверх, открывая везде, куда хватало глаз, необъятную зелень простора. В какой-то момент холмы кончились, дорога выровнялась, следить за происходящим стало менее интересно, и Василиса предалась другой своей любимой поездной забаве – сквозь оконное стекло пыталась высмотреть в мелькавшей лесной чаще гриб на опушке.

Однажды, когда Вася была маленькая, они ехали на море, в Крым, и мама тоже как зачарованная смотрела в окно и вдруг закричала: «Гриб, гриб!» Василиса метнулась к окну так стремительно, что стукнулась с мамой лбом, ойкнула, схватилась за ушибленное место и вдруг тоже увидела толстый упитанный боровичок, спрятавшийся в траве у крайней березы. Это казалось невозможным на той скорости, на которой мчался поезд, но они это видели, и с тех пор, когда Василиса ехала куда-то по железной дороге в светлое время суток и летом, она всегда высматривала гриб, наверняка встречающий ее у насыпи, чтобы передать привет из детства. Правда, увидеть его во второй раз у нее пока не получалось.

Густой лес за окном поредел, готовясь смениться очередным лугом, посредине которого, как помнила по прошлым поездкам Вася, располагалась довольно большая и явно жилая деревня. Просветы между деревьями становились все больше, поезд немного снизил скорость, подчиняясь приказу неведомого пассажирам диспетчера, и между стволов Василиса отчетливо разглядела что-то большое и темное.

Вначале ей показалось, что это лось. Как человек, который родился и вырос в деревне, она прекрасно знала, что в начале июня у лосей гон. Появляются на свет маленькие лосята, им становится тесно в лесу, они выходят к насыпям автомобильных дорог и к железнодорожному полотну тоже. Правда, мчащиеся мимо поезда, грохочущие колесными парами, их не на шутку пугают, так что увидеть лосей можно только как сейчас, в промельке между деревьями. А вот автодороги, запах бензина и горящие фары машин привлекают их гораздо сильнее, так что и аварий, уносящих

человеческие жизни, в это время года довольно много. Гораздо больше, чем хотелось бы.

Об этом Василиса знала не понаслышке, потому что работала врачом-анестезиологом в областной больнице да еще подрабатывала на «Скорой», так что последствия этих самых аварий видела каждое дежурство.

Поезд снова увеличил скорость, разгоняясь, из окна вагона уже не видно было оставшегося позади леса, когда в сознании Василисы вдруг что-то щелкнуло, пазл сложился, и она поняла, что увиденное ею большое и темное на самом деле было человеком, ничком лежащим на траве, уткнувшись головой в ствол березы.

Василиса Истомина была врачом. Несмотря на ее молодость, понятия «врачебный долг» и «клятва Гиппократа» не были для нее пустым звуком, анахронизмом, давно вышедшим из обихода однокурсников и коллег и оставшимся в далеком прошлом, когда врачи еще действительно лечили, а не заполняли талоны статучета, чтобы отчитаться перед Фондом обязательного медицинского страхования.

Человек, лежащий в лесу, нуждался в медицинской помощи, а потому, вскочив со своей полки и бросившись к купе проводника, она даже не подумала о том, что увиденное грозит лично ей какими-то неприятностями. Впрочем, если бы и подумала, то все равно поступила бы точно так же.

– Вызовите начальника поезда! – бахнула она с порога, заставив пожилую и очень тучную проводницу посмотреть на нее в немом изумлении, тут же сменившемся подозрением.

– Что случилось? – лениво, но с зарождающейся агрессией спросила проводница, глядя на взволнованную блондинку с короткой стрижкой.

– Нужно сообщить на ближайшую станцию. Там в лесу человек. Ему плохо. Нужно «Скорую» вызвать или спасателей.

– В каком лесу, девушка? Вы что, белены объелись?

– Я видела в окно, что в лесу лежит человек. Предположительно без сознания. Я врач, я понимаю, о чем говорю, – нетерпеливо продолжила Василиса, начиная бояться, что ей не поверят. – Это было сразу перед последней деревней. Сообщите, пожалуйста. Возможно, ему можно помочь.

Несмотря на маленький рост и субтильную внешность, Василиса Истомина обладала решительным характером, доставшимся ей, как и имя, в наследство от деда. Благодаря ее железной воле был вызван начальник поезда, который выслушал историю про увиденного в лесу человека, позволил себе усомниться, что на такой скорости неумная пассажирка могла что-то рассмотреть, но все же связался по имеющейся у него связи со станцией и передал необходимое сообщение. Данные слишком активной пассажирки он тщательно записал в блокнот. Василиса послушно продиктовала, как ее зовут, дала номер телефона и указала место работы.

– Теперь все, – недовольно бросил начальник поезда шебутной пассажирке, из-за которой чувствовал себя довольно глупо. Врач она, видите ли. И чего не сидится спокойно?

– Спасибо вам большое, – вежливо сказала Василиса, довольная тем, что выполнила свой долг. – Возможно, мы с вами спасли чью-то жизнь.

«Точно, ненормальная, – начальник поезда проводил взглядом хрупкую фигурку, скрывшуюся за дверью купе, и, выразительно посмотрев на проводницу, покрутил пальцем у виска. – Хотя – чем черт не шутит? Вдруг и впрямь не померещилось ей».

1941 год

Вася просыпался плавно, будто не торопясь, всплывал на поверхность после глубокого нырка. Еще шумела в ушах вода, еще не разлипались глаза, не пуская непрошеные капли, стекающие с мокрой после реки головы, где-то на берегу звонил колокол, раскачиваемый прибежавшими на речку мальчишками, балующимися на колокольне заброшенного храма, когда он рывком сел на кровати, помотал головой, отгоняя сонную одурь, и посмотрел на часы.

На часах было без десяти двенадцать. Спать до полудня ему было в диковинку, но и лег он около шести утра. Вчера в медицинском институте, который он окончил с отличием, был выпускной вечер. Сначала молодым врачам вручили выстраданные дипломы о высшем медицинском образовании, потом звучали торжественные речи под большим портретом товарища Сталина, которому они были обязаны не только своими дипломами, хрустящими коленкоровыми корочками, но и всем хорошим в своей молодой, но полной надежд жизни.

Потом пили сельтерскую воду с сиропом, ели пирожки с картошкой и вареньем, танцевали под патефон, а позже пошли бродить по Ленинграду, наслаждаясь молодостью, брызжущей через край энергией и белыми ночами.

По традиции посмотрели на развод мостов, искупались в ночной Неве, перелезли через решетку Летнего сада, просто так перелезли, дурачась и веселясь, а потом с хохотом убегали от сторожа, длинно дующего в свисток.

Как-то незаметно все разбились на парочки. За годы обучения пар на их курсе сложилось немало. Влюбленные шушукались, целовались, держались за руки, и Васе стало немного грустно от того, что его трудная любовь остается безответной.

Ее звали Анна Битнер. Белокурая, статная, она жила неподалеку от Васи и была старше его на три года. С ее точки зрения, это обстоятельство делало роман между ними невозможным. Вася же считал, что это форменные глупости, и продолжал ухаживать за фройляйн Битнер со всем пылом, на какой только был способен.

Василий Истомин был хорош собой: высокий, атлетически сложенный, с густыми темными волосами и ясными серыми глазами, обрамленными пушистыми ресницами, которым завидовали многие девчонки, он вызывал неизменный интерес у женского пола. Он знал, что по нему сохнут как минимум три однокурсницы, девственником давно не был, регулярно навещаясь в общежития ткацкой фабрики, но по-настоящему ему нравилась только Анна.

Она была младшей сестрой его друга детства Генриха Битнера. Сколько Вася себя помнил, Генрих всегда находился рядом – высокий, худой, нескладный, немного сутулый. Разница в десять лет их обоих нисколько не смущала. Рассудительный отличник, пионер, затем комсомольский активист Василий Истомин, отличающийся богатырским здоровьем, иногда выглядел даже старше своего худосочного, болезненного друга, не мечтавшего о высшем образовании и после семилетки устроившегося на фабрику «Скороход», где он и работал уже восемнадцать лет. Полгода назад Генрих женился. Его жена, маленькая, кругленькая, очень хозяйственная и домовитая немка Магда, относилась к мужу немного покровительственно.

Дом Истоминых располагался на Александровской, в 1940 году переименованной в Печорскую. Практически за углом находилась колония Гражданка, в которой оседло жили немцы. Маленький, аккуратный, уютный домик семьи Битнеров и домик родителей Магды Шеффер стояли по соседству. Здесь практически не чувствовалось дыхания большого города, величественный Ленинград высился немного в стороне, а здесь, на Гражданке, разводили коров и свиней, запахивали картофельные поля и сажали огороды.

Трудно было найти двух более непохожих людей, чем Генрих и Вася, однако дружили они крепко, всегда находя темы для разговоров. В семье Битнеров много читали, и как ни стыдно Василию было в этом признаваться, знакомству с великой русской литературой он был обязан немецкой семье своего друга. Также от Генриха он узнал про Гёте и Гейне, Шиллера и Райнера Марию Рильке. Многих из них Василий прочел в подлинниках, потому что благодаря Генриху бегло говорил по-немецки. Точнее, благодаря Анне, которая, дразня его, часто переходила на немецкий. Проявив упорство, он выучил его, чтобы говорить с ней на родном для нее языке. Всегда, когда он думал про Анну, он почему-то вспоминал белые ночи. Она была неуловимо похожа именно на белую ночь – светлую, немного томную, полную невыразимого очарования, ускользающую и заставляющую вспоминать о себе весь следующий год.

Поймав себя на том, что мысли привычно соскочили на Анну, Вася снова помотал головой и спустил ноги с кровати. В дверь стучали. Колокол из сна, разбудивший его, оказался настойчивым, повторяющимся, тревожным стуком в дверь, запахнув которую Василий уставился во взволнованное лицо Генриха Битнера.

– Ты чего? – добродушно спросил он, отступая в прихожую, чтобы друг мог пройти. – Случилось чего? Да ты заходи. Я просто только проснулся. Выпускной отмечали до утра. Генка, да что с тобой, на тебе лица нет!

– Война, – с трудом выговорил бледный Генрих, губы которого прыгали, не в силах выговорить ужасное слово. – Сегодня в четыре часа началась. Германия бомбила территорию Советского Союза, по радио объявили. Васька, что же теперь будет, а? – и, не в силах сдержаться, Генрих заплакал, размазывая слезы по лицу не очень чистым кулаком.

– Вот черт! – Василий тоже сжал руку в кулак и стукнул по дверному косяку с такой силой, что на пол посыпалась какая-то древняя труха. – Плохо будет, Генка. Война – это всегда плохо. Ч-черт. Надо в военкомат идти. Я же военнообязанный.

– Нас всех убьют, – Генрих всхлипывал, дрожа.

– Да ладно тебе. Мы, несомненно, победим. Война будет короткой. Месяц, максимум полгода. Ты же знаешь, что Красная армия – самая непобедимая в мире. Все хорошо будет, Генка.

– Ничего не будет хорошо, – Генрих уже не плакал, только крупная дрожь по-прежнему сотрясала его тело. – Особенно у нас. Мы же немцы, ты что, Васька, не понимаешь? Нас всех арестуют. И отца, и маму, и меня, и Магду, и Анну.

Слово «Анна» отозвалось в груди Василия болезненным толчком сердца, запрыгавшего в ускоренном темпе, что оно, впрочем, делало всегда при упоминании этого имени. К остальным словам Генриха он, что называется, не пристал, потому что они казались ему невыносимой глупостью.

– Да брось ты, – миролюбиво бросил он. – Никто вас не арестует, вы же к Гитлеру никакого отношения не имеете. Тебя по состоянию здоровья даже в армию не возьмут. Так что останешься в Ленинграде вместе с молодой женой. Заодно и за Анной присмотришь.

– Зря она за тебя замуж не выходит! – неожиданно бухнул Битнер, и сердце Василия снова заметалось в груди, как подстреленный заяц. – Дура она, счастья своего не понимает. Ты бы был ей хорошим мужем.

– Чего сейчас об этом говорить, – голос Васи звучал по-прежнему спокойно. – Меня-то точно в армию заберут. Так что свататься приду уже после войны. Глядишь, не выгонит. Ладно, ты иди сейчас, Генка, я быстро соберусь и в институт сгоняю, узнать, что к чему.

До выхода из дома пришлось не только наскоро умыться и выпить чаю, но и дать корм пороссятам, которые жалобно пищали на дворе, не понимая, почему хозяин так припозднился их кормить. Вообще-то это была не его забота, но неделю назад родители уехали в Белоруссию, проведать жившую там бабушку, и все заботы по хозяйству легли на Васины плечи.

Включив радио и прослушав повторяющееся с утра сообщение, зачитываемое диктором Левитаном, он с тревогой подумал, что немцы с утра бомбят как раз территорию Белоруссии.

Отгоняя тревожные мысли, он наполнил тяжелую деревянную бадью, стоящую в загоне, насыпал корма курам и уткам, натянул штаны и тенниску, запер дом и быстрым шагом направился к институту. Что делать дальше, нужно было решать вместе с друзьями.

Наши дни

Сегодня вечером Вася шла в театр. Вообще-то она приехала в Москву специально для того, чтобы неделю отпуска потратить на театры, музеи и просто прогулки по старым улочкам внутри Садового кольца.

Москву она знала хорошо и очень любила. Когда-то даже собиралась учиться именно в Москве. Вернее, сначала в ее планах значился Первый питерский мед, который оканчивал дед. В Питере, точнее тогда еще Ленинграде, Вася побывала в пятилетнем возрасте и ничего, кроме фонтанов Петергофа, не запомнила.

В Ленинград ее привезла бабушка, которая мечтала своими глазами увидеть город, в котором родился и прожил большую часть своей жизни ее обожаемый муж. Сколько потом Вася ни просилась туда, уже учась в школе, столько мать под любыми предложениями отговаривалась, лишь бы не ездить в Питер. Да и бабушка, раз побывав, тоже больше не выказывала ни малейшего желания туда возвратиться. Свое мнение она составила, большего ей не требовалось.

Именно поэтому, заканчивая школу и готовясь поступать в медицинский, Василиса объявила родным, что учиться будет в Питере. И встретила жесткий и решительный мамин запрет.

– В Ленинград ты не поедешь, – сказала как отрезала ее обычно мягкая и ласковая мама.

– Почему? – изумилась Василиса. – Ты же сама туда поступала, почему же ты не хочешь, чтобы я окончила твой институт? И дедушкин!

– Не хочу, и все, – мама была категорична и непреклонна. – Если тебе так приспичило учиться в столицах, поезжай в Москву. Вот где город больших возможностей.

Именно так Вася и сделала. Назавтра после выпускного в школе, где она получила свою заслуженную золотую медаль и аттестат с одними пятерками, сложила в рюкзачок чистое белье, зубную щетку, папку с необходимыми документами, кошелек со скромными

сбережениями, которые к ее поступлению накопила мама, натянула поверх заправленной в старенькие джинсы футболки шуршащую непромокаемую курточку, пешком дошла до автостанции в родном Погорелове, где окончила школу и куда каждый день ходила по полям по десять километров в одну и другую сторону, на рейсовом автобусе доехала до райцентра и там села на проходящий поезд Архангельск – Москва.

Мама в тот момент, когда она собиралась, была на работе, а бабушка недоглядела за внучкой, поэтому пакет с заботливо собранными на дорогу пирожками и стеклянной бутылкой молока, заткнутой газетой и завернутой в полиэтилен, так и остался в снях. Хватились его Вася только в Вологде, когда голодный желудок напомнил о том, что в последний раз она ела только утром.

Поезд стоял на третьем пути, бежать в видневшийся вдали киоск за пирожками было страшно, и Василиса маялась еще четыре часа, пока наконец не случилась большая остановка в том городе, которому по воле судьбы было суждено стать ее пристанищем на долгие годы.

Выскочив из вагона, она побежала к видневшемуся невдалеке стеклянному кафе. Конечно, по перрону ходили бабульки, толкающие перед собой детские коляски, доверху наполненные всякой снедью, но к тому моменту Вася была уже голодна так сильно, что мечтала о чем-нибудь более существенном, чем пирожок с чаем.

В привокзальной стекляшке в холодильной витрине стоял заветренный салат из капусты, при виде которого у Василисы помутилось в голове. Она взяла и салат, и холодную, покрытую толстым слоем жира котлету, и два кусочка хлеба, и жареный пирожок с картошкой, и стакан сладкого растворимого кофе с молоком. После чего, урча от наслаждения, стала быстро поглощать все это великолепие, пристроившись за столиком у окна, чтобы видеть поезд, покорно ожидавший ее на первом пути.

Ей было так вкусно, что она решила взять еще одну котлету с хлебом в дорогу, чтобы потом поесть перед самой Москвой и, заселившись в общежитие, уже не думать об ужине. Расплатившись, Вася вышла на крыльцо кафе и не сразу поняла, что произошло. Поезд, на котором она ехала в Москву поступать в институт, ушел. Первый путь был свободен, и лишь красные огни исчезали вдалеке, расплываясь в непрошенных слезах, наворачнувшихся на глаза.

Положение ее было аховым. Денег в кошельке (какое счастье, что она побоялась оставить рюкзачок без присмотра в купе, а значит, все ее вещи сейчас были при ней) хватало лишь на то, чтобы продержаться в чужом городе во время вступительных экзаменов. Обратный билет домой был куплен заблаговременно и лежал в паспорте. Конечно, купить новый билет до Москвы она могла, но тогда две недели пришлось бы жить в столице впроголодь.

Выросшая в деревне Василиса была хозяйственной и обстоятельной. Вариант две недели питаться хлебом и водой ее не устраивал, поэтому, немного подумав, она не стала покупать билет на следующий поезд, а отправилась искать выход на привокзальную площадь. В городе, в котором она так неосмотрительно отстала от поезда, тоже был мединститут. Это она знала еще с той поры, когда листала справочники для поступающих, выбирая вуз и прикидывая, где же ей все-таки учиться. То, что это будет медицинский, сомнений не вызывало, а вот с географией она помучилась изрядно, решая, замахиваться на Москву или все-таки выбрать что-нибудь попроще.

Несмотря на золотую медаль, ее образование в маленькой сельской школе вряд ли могло котироваться в знаменитом московском институте, куда приезжали со всей страны и где, несмотря на падение престижа медицинской специальности, конкурс все равно был достаточно солидным. Сейчас судьба давала ей знак, которым следовало распорядиться осмотрительно. Поэтому, выйдя на автобусную остановку, Василиса Истомина выяснила, как добраться до мединститута, и до конца дня даже успела сдать документы в приемную комиссию и получить направление в общежитие.

Было это тринадцать лет назад. За прошедшие годы Вася не только успела окончить институт и устроиться на работу, но и стала неплохим врачом, пользующимся любовью и доверием пациентов, привыкла к этому городу, вросла в него, обзавелась пусть и однокомнатной, но собственной квартирой и даже перевезла маму с бабушкой, которые теперь жили в такой же однокомнатной квартире в соседнем доме. Расставаться надолго женщины семьи Истоминых не любили.

О том, что в семнадцатилетнем возрасте она отстала от поезда, Василиса не жалела. При ее провинциальной скромности она вряд ли смогла бы так же комфортно устроиться в шумной и опасной Москве.

Здесь же уже со второго курса она начала подрабатывать санитаркой в родильном доме, а чуть позже – фельдшером на «Скорой». Уже имея квартиру и постоянную прописку, после института она легко нашла работу в областной больнице, где и прошла интернатуру.

До Москвы с ее заманчивыми огнями было недалеко, поэтому Вася еще в студенчестве часто выбиралась туда – побродить по Красной площади и залам Третьяковки, затаив дыхание, записаться в библиотеку имени Ленина, постоять на Воробьевых горах, своими глазами увидеть место, где Воланд встретился с Берлиозом, где Аннушка пролила масло и где сидела на скамейке Маргарита Николаевна, теребя в руках желтые цветы. Василиса знала и любила Москву, но была рада, что живет в более тихом месте. Уж не говоря о том, что о собственной квартире в столице мечтать все равно не приходилось.

Так случилось, что несколько лет назад она заделалась заядлой театралкой. И часто ездила в столицу специально, чтобы посмотреть тот или иной спектакль. В театры Питера она тоже выбиралась, успев полюбить и город на Неве, невидимыми нитями связывающий ее с дедом, которого она никогда не видела.

Василиса нашла улицу Печорскую, на которой когда-то жил Василий Истомина и на которой теперь остался только один дом. По проспекту Непокоренных добралась до Пискаревского кладбища, пытаясь представить, как все здесь выглядело в далеком сорок первом году, когда дед отправлялся на фронт.

В общем, она теперь любила обе российские столицы, но Москва была ближе, поэтому туда она ездила чаще. Вчера Василиса с удовольствием погуляла вокруг своего мини-отеля на Чистых прудах, сегодня с утра съездила в Центр современного искусства к метро «Баррикадная» и теперь собиралась в театр имени Маяковского на спектакль «Маэстро».

Она как раз гладила юбку, которую собиралась надеть, когда зазвонил телефон.

– Алло, – прижав трубку к уху, она продолжала гладить, машинально отметив, что высветившийся на экране номер мало того что незнакомый, так еще и московский.

– Истомина Василиса Александровна? – Голос был тоже незнакомый, хриплый, с ленцой и протяжным аканьем, выдающим

московское происхождение звонящего. В родной Вологодской области, где она родилась и выросла, к примеру, окали, и Василисе понадобилось немало времени, чтобы вытравить из собственной речи родной с детства диалект.

– Да... – Василиса вдруг испытала легкую тревогу, хотя в голосе вроде не слышалось угрозы.

– Транспортная полиция вас беспокоит. Вы могли бы подъехать к нам, чтобы ответить на наши вопросы?

– Какие вопросы? – изумилась Василиса.

– Ну, к примеру, откуда вы узнали, что в лесу у деревни Авдеево произошло убийство?

– Что??? – Васе показалось, что она ослышалась. – Какое убийство?

– Василиса Александровна, вчера вы сообщили начальнику поезда Архангельск – Москва, что увидели тело, лежащее в лесу...

– Да, но я не знала ни о каком убийстве. Я просто увидела в окно человека и решила, что ему плохо. Вот и все.

– Вы считаете, что в это возможно поверить? Вы Агату Кристи начитались, уважаемая Василиса Александровна?

– При чем тут Агата Кристи? – Вася начала сердиться.

– Это у нее в каком-то детективе героиня увидела в окно поезда, как в идущем рядом составе кого-то убивают. Видеть тело вы не могли, но о том, что оно там, все-таки сообщили. Кто вам приказал это сделать?

– Да никто мне ничего не приказал! – вконец рассердилась Василиса. – Я действительно увидела, что в лесу лежит человек. – Она хотела рассказать про детскую игру в гляделки, помогающую увидеть гриб, но поняла, что об этом говорить не стоит. Ее не поймут и примут за сумасшедшую. – Конечно, я не сразу поняла, что увидела. Мне понадобилось время, чтобы мозг зафиксировал, что там лежит человек. Я врач и была уверена, что ему плохо. Вы можете мне не верить, но это действительно так. И вообще, откуда у вас мой телефон?

Задав этот вопрос, она тут же вспомнила, что давала свои координаты начальнику поезда, который не хотел возможных неприятностей, а потому «перевел стрелки» на нее.

– Нам нужно снять с вас показания, – с прежней ленцой произнес голос в трубке. В его исполнении это прозвучало как «па-а-казания». –

Если вы не согласитесь прийти к нам добровольно, то вас вызовут повесткой по месту вашего жительства. Но поверьте, это будет хуже.

– Да я вовсе не собираюсь прятаться от правосудия, – заверила Василиса. – Мне совершенно нечего скрывать. Сегодня я иду в театр, поэтому готова приехать по указанному вами адресу завтра с утра. В Москве я планирую пробыть еще три дня, так что вы сможете задать мне все интересующие вас вопросы. Кстати, а можно мне задать один вам?

– Задавайте, – разрешила трубка.

– Вы сказали, что в том лесу произошло убийство. А кого убили?

– Да какого-то режиссера, – говорящий отвлекся и, видимо, прикрыл трубку рукой, отвечая кому-то на другой вопрос. – Режиссера убили, – повторил он, вернувшись к разговору с Василисой. – Из провинции. Вахтанг Багратишвили его звали. Говорит вам о чем-нибудь это имя?

Трубка выпала из похолодевших Васиных пальцев, стукнула по ламинатному гостиничному полу. Отвалилась крышка, выскочила батарейка, и голос из трубки пропал, провалившись в бездонную черную глубину, куда в тяжелом обмороке проваливалась и Василиса. Имя Вахтанга Багратишвили говорило ей очень о многом.

Глава 2. Платочек в красный горюх

*Никогдa не нужно искать причины ненавидеть,
если есть основание любить.*

Лара Фабиан

1941 год

Василий лежал под раскидистыми лапами мохнатой ели и безуспешно пытался заснуть. Под шинелью, которой он кое-как укрылся, было холодно, и он предпринимал отчаянные попытки расслабиться, чтобы хоть немного согреться. Однако сведенные многодневной ходьбой и ежеминутной опасностью мышцы задеревенели так, что не пропускали кровь бежать по жилам. Единственное, в чем он преуспел, – это в стремлении унять нервный стук зубов.

В окружение его часть попала практически через две недели после того, как их отправили на фронт. Уже почти два месяца они пытались прорваться к своим, аккуратно пробираясь в лесной чаще и обходя стороной деревни, в большинстве из которых слышалась немецкая речь. Да что там в деревнях! Несколько дней назад, точно так же расположившись на ночлег под деревьями, он и его помощник, фельдшер Игнат, проснулись от той самой немецкой речи, которая доносилась из-за ближайших кустов. Сделав Игнату знак молчать, Василий неслышно подполз поближе, чуть раздвинул ветви и увидел двух немецких солдат, спокойно куривших у обочины проселочной дороги и неспешно разговаривающих об оставленных дома семьях.

Солдат постарше тревожился, что его дочь влюбилась в неподходящего человека и в его отсутствие они могут справить свадьбу. Тот, что помладше, горевал, что его жена должна вот-вот родить, и нехорошо, что это произойдет, когда мужа нет дома. Василий свободно понимал все, что они говорят, и в очередной раз добрым словом помянул Генриха и Анну. Анну... Не дав мысли зацепиться за дорогое имя, он так же неслышно вернулся к Игнату и дал ему знак замереть. После недолгого перекура солдаты двинулись дальше по дороге, и только после этого Василий немного расслабился. На этот

раз опасность миновала, но до тех пор, пока они не выйдут из окружения, она подстерегала за каждым кустом.

Продукты практически кончились, спасала лишь картошка, которую они втихаря подкапывали на пустующих колхозных полях. Панические настроения вспыхивали вокруг все чаще. Кто-то поговаривал о том, что надо сдаваться на милость врага, чтобы наконец по-человечески поесть. Кто-то, пользуясь возможностями, которые даровали короткие стоянки, закапывал документы, в первую очередь военные и партийные билеты. Срывались с шинелей и гимнастерок офицерские ромбы, бросались в лесу. Коммунисты, комиссары, евреи... Им грозил неминуемый расстрел, поэтому каждый как мог избавлялся от того, что могло выдать его партийную, национальную или сословную принадлежность.

Шинель Василия Истомина была цела. Лейтенантские знаки отличия располагались на ней там, где им и было положено. Военный и партийный билеты (а в партию он вступил еще в институте) лежали во внутреннем кармане, завернутые в вощеную бумагу. Закапывать документы и срывать знаки отличия было... неправильно, а Василий Истомин никогда не нарушал правил, чего бы они ни касались.

Сейчас, будучи не в силах заснуть, то ли от холода, то ли от нервного перенапряжения, он вспоминал, как двадцать второго июня прибежал в институт, где встретил у входа своего закадычного друга Анзора Багратишвили, с которым за годы учебы стал просто неразлейвода.

Красавец-грузин, весельчак и балагур, любитель женщин и красного вина, он уверял, что является потомком знаменитого рода Багратионов. Под байки про главного наперсника Кутузова сложил свою защитную броню не один десяток лучших красавиц института, а рассказ про сокровища Наполеона, зарытые Багратионом по пути из Москвы в Смоленск, заставлял замирать, открыв рот, даже именитых профессоров, забывавших ради этого лекции про брюшной тиф или хирургию в военно-полевых условиях. Анзора любили и студенты, и преподаватели. Он был честный, смелый, открытый человек с ясным светом невообразимых ярко-синих глаз, которые было странно видеть у грузина.

– Ну что, в военкомат? – то ли вопросительно, то ли утвердительно сказал Василий, и Анзор согласно кивнул.

– Да, я сразу туда собирался, а потом решил, что вместе, наверное, сподручнее будет. Так и знал, что ты тоже сюда придешь.

Впрочем, надеждам, что их, быть может, отправят служить вместе, не суждено было сбыться. Двух молодых врачей, только-только получивших дипломы о высшем образовании, откомандировали в разные части. Анзору надлежало явиться в свою завтра утром. Васе – сегодня вечером.

– Ну что, друг, попрощаемся? – с показной бодростью спросил Василий, когда они снова очутились на залитой солнечным светом, невообразимо мирной летней улице. – Ты пиши мне, что ли.

– Напишу, Васька! – В голосе друга вдруг послышалось отчаяние. – Ты живи только, слышишь? Мы обязательно должны вернуться. Мы же еще и не жили по-настоящему. Не любили. Сына не воспитали. Дом не построили. Дерево не посадили.

– Ну да, кто-то еще не стал великим хирургом, – Василий шуткой попытался выдать из горла застрявший там ком. – Я же помню твои наполеоновские планы.

– У Багратионов не может быть наполеоновских планов, – тут же отозвался Анзор. – Кстати, Вася, есть еще одно дело. Помнишь, я рассказывал про сокровища Наполеона?

– Конечно, помню, эту твою байку весь институт слышал не по одному разу.

– В общем, было сокровище или нет, я не знаю, это пусть историки разбираются, – перейдя на торопливый шепот, продолжил Анзор. – Только в нашей семье всегда хранились серебряные монеты восемнадцатого века. Дед говорил, что они как раз от Багратиона остались. Когда я в Ленинград учиться поехал, отец мне их передал. Они у меня все эти годы в общежитии лежали. Не на видном месте, конечно. А сейчас мне в армию уходить, не с собой же брать на войну. Васька, давай я их у тебя оставлю. Закончится война – отдашь.

– Не знаю, – в голосе Василия послышалось сомнение. – Я ведь тоже сегодня ухожу. А родителей дома нет, они в Белоруссию уехали, не знаю, как там они с бомбежками этими. Вернутся, найдут, не поймут, что к чему. Не записку же им оставлять. Вдруг на чужие глаза попадет.

– Может, в огороде закопать?

– Анзорка, ну сам подумай, а вдруг Ленинград бомбить будут, как Киев бомбят, как Гродно и Брест? Разрушится дом, как потом сокровища твои искать.

– Так что же делать? – друг заметно приуныл.

– Вот что! – решительно сказал Василий. – Поехали, у Генриха оставим. У него легкие слабые, его в армию точно не возьмут, так что у него и спрячем. Ты не думай, Битнеры – люди очень порядочные, чужого себе не возьмут, окончится война, вернут тебе твои монеты обязательно.

– Да я и не думаю, – пожал плечами Анзор, – с фронта еще живым вернуться надо. Да, ты прав, так будет лучше всего. Поехали к твоему Генриху.

Сквозь начинающий наваливаться сон Василий вспоминал, как они вдвоем с Анзором уговаривали Генку оставить у себя тугую колбаску с монетами. Их было три десятка. Развернув колбаску, Анзор вытащил на белый свет одну монету и показал друзьям.

– Рубль 1727 года, – горделиво сказал он. – На аверсе Петр Второй. Это так называемый московский тип. Видите, у Петра на груди три короны. Чистое серебро. Весит около тридцати граммов.

– Дорогие они? – боязливо спросил Генрих. – Страшновато за такое на себя ответственность брать.

– Да не дрейфь ты! – Анзор хлопнул его по плечу. – Живы будем, не помрем. Ладно, ребята, я пошел, мне еще на телеграф надо сбегать, родителям в Тбилиси телеграмму отбить. Счастливо тебе, Васька!

– И тебе счастливо, – Василий нетерпеливо повернулся к уходящему другу спиной. – Генка, мне в часть сегодня. Мне бы с Анной попрощаться. Дома она?

– Нет, – Генрих огорченно свесил белокурую голову. – У подружки с ночевкой осталась. Ты не думай, Васька, я ей все передам.

– Мне бы на память о ней что-нибудь, – с тоской сказал Василий, понимая, что перед отправкой на фронт не увидит до слез любимое, прекрасное лицо Анны. – Ген, очень надо, правда!

– Сейчас... – Генрих на минуту задумался, потом сбегал в другую комнату и принес Васе небольшую фотографию, с которой задорно улыбалась Анна, и шелковый платочек, красный в белый горох, который девушка любила надевать поверх белой кружевной блузки. – На, возьми.

– Заругается, поди, Анна, что ты мне ее любимый платочек отдал.

– Разберусь, – Генрих тихо засмеялся. – Тебе нужнее, ты на фронт идешь, – он снова стал серьезным. – Вася, ты вернись, пожалуйста. Мы тебя будем ждать. И я, и Магда, и родители, и Анна.

– Постараюсь, – улыбка, которую попытался изобразить на своем лице Вася, вышла немного кривой. – Вот еще, Генка, если все будет хорошо и мои вернутся, ты им передай, что я на фронт ушел, хорошо? Я тебе писать буду, так что держи меня в курсе дела. Обещаешь?

– Обещаю, – ответил Генрих, и друзья на прощание обнялись.

Вернувшись домой, Василий быстро собрал рюкзак со всем необходимым, бережно расправил внутри военного билета фотографию Анны, аккуратно сложив, спрятал в нагрудном кармане красный платочек в горох.

«Кто ж скотину кормить будет? – подумал он, пожалев о том, что не догадался договориться об этом с Битнерами. – Эх, плохой я хозяин».

Немного поразмышляв, он не придумал ничего иного, как выгнать свиней и кур в палисад, чтобы не сдохли с голоду на запертом дворе, щедрой рукой разбросал вокруг корм, спустил с цепи старого верного пса по кличке Полкан, напоследок потрепал его по холке, после чего повернул в замке ключ и ушел, не оглядываясь, с рюкзаком на плечах. Для военврача Василия Истомина начиналась новая, военная жизнь. Беспощадная к тем, кого он любил. Беспощадная к его родному Ленинграду. Беспощадная ко всей стране.

Наши дни

Сидя на краешке неудобного жесткого стула в кабинете городского УВД, Василиса нервно теребила в руках мокрый носовой платочек. После ужасного сообщения о гибели Вахтанга отпуск, конечно же, накрылся медным тазом. Отправляясь в управление транспортной полиции, она надеялась, что полученное известие окажется неправдой, страшным сном, что увиденный ею в лесу человек жив, и уж в любом случае это не Вахтанг, любовницей которого она была когда-то и с которым год прожила как гражданская жена.

Но Вахтанг действительно был мертв. Убит. И его тело в полном соответствии с заявлением Василисы нашли в перелеске у деревни

Авдеево с признаками насильственной смерти. Точнее, Вахтанг Багратишвили был убит ударом топора, от которого его череп раскололся надвое, как переспелый арбуз. Как сообщил зареванной Василисе вчерашний полицейский, все так же протяжно растягивая слова на букве «а», дело будет расследоваться по месту жительства убитого, то есть в том городе, в котором жила и Василиса.

– Мой вам совет, – доверительно проговорил сотрудник правоохранительных органов, смотрящий, впрочем, на Василису без всякого сочувствия, – отправляйтесь, девушка, домой и напрямик к следователю. Ваше сообщение о теле выглядит крайне подозрительно, к тому же вы, как оказалось, еще и лично знали убитого, так что не ждите, пока вас объявят в федеральный розыск.

– Я не имею к убийству Вахтанга никакого отношения, – нервно сказала Василиса, – так что не надо меня запугивать. Прятаться я ни от кого не собираюсь и ничего скрывать тоже.

Домой она действительно уехала в тот же день, поскольку настроение ходить по театрам резко пропало. Вахтанг Багратишвили был пусть и перевернутой, но достаточно значимой страницей в ее жизни. Их отношения закончились более трех лет назад, но нанесенная ими рана до сих пор кровоточила. Она очень его любила, но, несмотря на это, разорвала их связь решительно и бесповоротно. Вахтанг ей солгал, а для Василисы Истоминой не было ничего более неприемлемого, чем ложь. Об отношениях с Вахтангом ни на стадии их зарождения, ни после окончания она так и не смогла рассказать ни маме, ни бабушке, и это было единственное, чего они о ней не знали. Слишком больно ей было об этом вспоминать.

Сейчас волей-неволей, а вспомнить пришлось. Сидящий перед ней человек, кажется майор, в знаках отличия она разбиралась не очень, смотрел сочувственно, ни в чем ее не обвинял, свои вопросы, признаться, довольно интимного свойства, задавал вежливо и тактично. Лицо у него было человеческое, открытое и славное лицо, которое лишь немного портили жидкие усики над верхней губой.

Человек назвался Иваном Александровичем Буниным, и, несмотря на то что обстановка вовсе не располагала к веселью, начитанная Василиса невольно улыбнулась.

– Когда вы познакомились с Багратишвили? – спросил Иван Александрович, предупредив, что все ее слова являются показаниями

и будут записываться в протокол.

– Пять лет назад, – спокойно ответила Василиса, которой было нечего скрывать.

– При каких обстоятельствах? И сразу ли у вас начались близкие отношения?

Познакомились они совершенно случайно, хотя могут ли быть случайными судьбоносные встречи? Василиса взяла суточное воскресное дежурство на «Скорой», и на очередной вызов, поступивший из областного драматического театра, отправилась с легким любопытством. В знаменитом с дореволюционных времен театре она, конечно, бывала, но через служебный вход проходить ей никогда не случалось.

Вызов был, в общем-то, смешной. Только что назначенного художественным руководителем театра Вахтанга Багратишвили укусила оса, забравшаяся в стакан с холодным сладким чаем. Как на грех, у него оказалась сильнейшая аллергия на ос, поэтому отекло лицо и горло.

– Отек Квинке, – такой диагноз с ходу поставила Василиса, распорядилась сделать нужные уколы и присела на стул, поставленный у кожаного дивана, на котором возлежал перепуганный и ужасно несчастный Вахтанг в ожидании, пока лекарство подействует. Отек Квинке был достаточно серьезной штукой, так что режиссеру вполне могла понадобиться госпитализация, и Василиса не торопилась уезжать.

– Как вас зовут? – спросил Вахтанг, едва обретя возможность говорить. Василиса внутренне поморщилась. Представляться она не любила, потому что ее не совсем обычное имя, как правило, вызывало шквал вопросов.

– Василиса, – сообщила она, внутренне приготовившись к неизбежному.

Как ни странно, ее имя не вызвало ни малейшего удивления. Багратишвили просто принял его к сведению, как если бы она назвалась Машей или Катей.

– А меня Вахтанг Гурамович. Можно просто Вахтанг, – сообщил он. – Вы знаете, я в ваш город совсем недавно приехал. Двух недель еще нет, и совсем его не знаю. И знакомых у меня здесь никаких, и к

кому за советом обратиться, понятия не имею, так что это происшествие с осой меня напугало.

– Очень вас понимаю, – улыбнулась Василиса. – Когда-то я случайно оказалась в этом городе и тоже чувствовала себя крайне неуютно. Знакомых нет, друзей нет, улицы все чужие. Ничего не понятно.

– Так вы приезжая! – Багратишвили неожиданно обрадовался этому обстоятельству, как будто оно роднило его со случайной собеседницей.

– Ну, теперь-то я уже местная, – она рассмеялась, и смех ее, как десяток колокольчиков, прозвенел в большом, мрачном и почему-то затхлом и пыльном кабинете художественного руководителя драмтеатра. Подумав про пыль, Василиса чихнула.

– Да-да, я уже распорядился сделать генеральную уборку, причем не только здесь, но и во всем театре, – сказал Вахтанг, будто прочитав ее мысли. – Я, знаете ли, не терплю пыль и грязь. Считаю, что любое дело начинается с чисто вымытого пола. Я и в той квартире, в которой живу, первым делом нанял уборщицу, которая каждый день приходит и моет пол.

– А ваша жена с этим не может справиться? – полубопытствовала Василиса и тут же «поймала себя за язык». Согласно правилам хорошего тона, привитым мамой и бабушкой, такой вопрос вряд ли тянул на приличный.

– Я не женат, – ответил режиссер, и его красивое породистое лицо помрачнело. – Точнее, я вдовец. Моя жена погибла два года назад в автокатастрофе.

– Боже мой, какой ужас! – вырвалось у Василисы. – Простите меня, пожалуйста, я не должна была вам об этом напоминать.

– Да я про это и не забываю, – просто ответил лежащий на диване мужчина, лицо которого уже вернулось к нормальному виду и размеру. Отек спал, так что причин задерживаться в этом кабинете у Василисы больше не было.

– А можно я попрошу как-нибудь показать мне город? – вдруг спросил Багратишвили, словно чувствуя, что она собралась прощаться.

– Не знаю, – Василиса вдруг засомневалась, уместно ли подобное знакомство. Режиссер выглядел спокойным и приятным человеком, однако скромный Васин опыт общения с мужским полом просто

кричал о том, что этот человек для нее опасен. Очень опасен! – У меня много работы. Так-то я анестезиолог в областной больнице, а по ночам и выходным на «Скорой» подрабатываю. Так что в свободное от работы время я предпочитаю просто выспаться.

– Ну пожалуйста, сейчас же лето, ночи длинные и светлые. Я не буду задерживать вас надолго. Когда у вас будет выпадать свободный вечер и вы не будете чувствовать себя слишком уставшей, мы сможем осматривать по одной-две достопримечательности, не больше.

– Ну хорошо, – она неожиданно для самой себя сдалась, чувствуя, что ей хочется встретиться с этим человеком еще раз. – Но тогда взамен вы будете рассказывать мне про мир театра. Признаться, мне с самого детства было интересно с ним познакомиться.

– Вы любите театр?

– Признаться, не особенно. Видите ли, я выросла в маленькой деревне в Вологодской области. Долгие годы мое знакомство с театром сводилось к школьным поездкам на спектакли в областной ТЮЗ, не чаще раза в год. Когда я поступила здесь в институт, то, конечно, пару раз выбиралась на спектакли, но не больше.

– Так это же прекрасно! – с воодушевлением воскликнул Вахтанг и встал с дивана. – Это же означает, что я смогу быть вашим первым проводником в этом сказочном, волшебном мире! Боже мой, я даже думать не смел, что мне так повезет!

Его энтузиазм показался Василисе излишним, но она все же оставила Багратишвили свой телефон. Он позвонил два дня спустя. У нее не было ночного дежурства, поэтому в тот же вечер они встретились у служебного входа в театр и долго бродили по центру города, разглядывая исторические здания и лепнину церквей, отдыхая на лавочках в парке, кормя рыб в пруду и разговаривая обо всем на свете.

Вахтанг оказался приятным собеседником, с чувством юмора, эрудированным и образованным, прекрасным рассказчиком, по ходу повествования артистически перевоплощающимся в персонажей, о которых шла речь. Василиса то хохотала, то с замиранием сердца ждала развязки сюжета, то огорчалась, то изумлялась, то снова весело смеялась. Настроение у нее к концу вечера было просто отличное. Кроме того, ей понравилось, что за те три часа, которые они провели вместе, Вахтанг не позволил себе ни одного нескромного жеста,

взгляда или слова в ее адрес. Он был вежливым и почтительным, не распускал руки, не ел ее нескромным мужским взглядом и вообще ни разу не дал понять, что смотрит на нее как на женщину.

Подобной нескромности на первом свидании Василиса не любила. С ним же она не испытывала ни малейшего дискомфорта, как будто провела вечер с надежным старым другом. Их первая прогулка надолго определила их отношения. Они часто потом гуляли вдвоем по старым улицам города, выбирались на пикники за город, съездили в Москву на несколько интересных и ярких спектаклей, но оставались друзьями.

Иногда Василиса ловила себя на мысли, что его показная невозмутимость и независимость от ее женских чар начинает ее раздражать. В конце концов она была симпатичной двадцатипятилетней женщиной, которой хотелось вскружить голову мужчине, тем более такому статному красавцу, каким, несомненно, являлся Вахтанг. Но он не делал никаких шагов, чтобы изменить свой статус друга, а сама она была не так воспитана, чтобы проявить инициативу.

Благодаря Вахтангу она пересмотрела весь репертуар драматического театра, частенько бывала за кулисами, чувствовала себя как дома в его кабинете. К себе домой, в уютную, очень чистенькую однокомнатную квартирку, он тоже приглашал ее довольно часто. Жарил нежнейшее мясо, делал удивительно вкусный грузинский салат с помидорами и кинзой, разливал по бокалам настоящее вино, привезенное из Тбилиси.

– Твои родители живут в Тбилиси? – как-то спросила Василиса во время одного из таких визитов.

– Нет, – казалось, он удивился ее вопросу. – Я коренной петербуржец. Мой дед когда-то приехал в Питер учиться. Потом была война, после которой он стал кадровым военным. В общем, в Питер вернулся уже в старости, когда демобилизовался. Отец тоже учился в Питере, он профессор философии. Мама преподает в университете психологию, так что я из довольно образованной и приличной семьи, не смотри, что сам такой шалопай.

– Да вовсе ты не шалопай, – обиделась за него Вася. – Интересно, мой дед тоже учился в Питере. Он там родился и вырос. Это я у нас – деревенская, – она смущенно засмеялась.

– Ну какая же ты деревенская! – Вахтанг потрепал ее по коротко стриженным волосам. – В тебе порода издали видна. Я, знаешь ли, княжеского рода, мое родословное древо восходит к самому Багратиону, так что породу вижу сразу. Не важно, где ты родилась, кровь твоего питерского деда, видимо, такая сильная, что все остальное перешибает.

Увлеченная разговором, Василиса капнула на белую столешницу соком от жареного мяса. Неаккуратная мясная лужица растеклась, образуя некрасивое жирное пятно. Изменившись в лице, Вахтанг вскочил со стула, схватил тряпку и поспешно вытер лужицу, тщательно следя за тем, чтобы на столешнице не осталось разводов. Изумленная Василиса молча следила за его действиями.

– Да, у меня паранойя, – заметив ее взгляд, кивнул Вахтанг. – Я помешан на чистоте, это правда. Видишь ли, когда мы с женой попали в аварию, ее кровь была повсюду. Удар пришелся как раз с ее стороны, и я весь был залит ее кровью. У меня ощущение, что я до сих пор так и не отмылся полностью.

– Последствия шока, – констатировала Вася, которой стало его мучительно жалко, вот просто до слез. – Так бывает, это я тебе как врач говорю. Но это пройдет, обязательно пройдет.

– Время лечит? – он нехорошо, как-то по-волчьи усмехнулся.

– Нет-нет, я понимаю, что тебе трудно это забыть. А эта фраза – она на самом деле совсем дурацкая. Я по бабушке знаю. Сколько лет прошло с момента смерти деда! А она до сих пор так и не оправилась. Любила его сильно.

– «А время – оно не лечит. Оно не заштопывает раны, оно просто закрывает их сверху марлевой повязкой новых впечатлений, новых ощущений, жизненного опыта, – вдруг процитировал Вахтанг. – И иногда, зацепившись за что-то, эта повязка слетает, и свежий воздух попадает в рану, даря ей новую боль... и новую жизнь... Время – плохой доктор... Заставляет забыть о боли старых ран, нанося все новые и новые... Так и ползем по жизни, как ее израненные солдаты... И с каждым годом на душе все растет и растет количество плохо наложенных повязок...» Это Ремарк, – пояснил он, встретив непонимающий взгляд Василисы. – Эх, ты просто молодая еще, Васенька, и совсем неиспорченная. Потому и повязок на душе у тебя еще нет. Тебе еще не понять.

– Почему же, я понимаю, – тихо ответила она, уязвленная его словами о своем малом жизненном опыте. Ей ужасно захотелось подойти и обнять его, такого ранимого, такого потерянного, невыносимо страдающего от перенесенного горя. Но она не решилась самовольно нарушить установившуюся между ними дистанцию и тихо доела свое остывшее и уже не истекающее соком, как кровью, мясо и залпом допила кроваво-красное же вино в высоком бокале.

Глава 3. Город, ставший чужим

Время все по местам расставит. Ждать только долго.

Майя Плисецкая

1945 год

Василий шел по своему родному городу и не узнавал его. Нет, все было на месте. И поддерживающие небо роstralные колонны, и захватывающая дух мощь Казанского собора, и целующий тучи шпиль Адмиралтейства. Петр Первый все так же гарцевал на вздыбленном коне, давя змею, неспешно текла вода в каналах и людской поток по Невскому проспекту. Все было на месте – и все не так.

О блокаде Ленинграда он знал из фронтовых сводок. Письма из родного города прекратились почти сразу. Нет, после того как он вышел из окружения, он получил одно письмо от Генриха Битнера, в котором тот пересылал извещение о гибели Васиных родителей. Его с оказией передали далекие белорусские родственники, своими глазами видевшие, как дом, где остановились Истомины, в одночасье сровняло с землей. Вася знал, что дома его никто не ждет, но, демобилизовавшись, приехал в Ленинград. Куда же еще ему было ехать?

После письма от Генриха, датированного августом 1941 года и полученного Василием только в ноябре, когда Ленинград уже был взят в блокадное кольцо, а сам он приступил к несению службы в новой для него части, больше он от него писем не получал. Жив ли друг, а главное – жива ли Анна? Ответ на этот вопрос нужно было получить в первую очередь. Немного поколебавшись на перекрестке, от которого можно было свернуть налево, к дому, или направо, к Битнерам, он все-таки решил зайти домой и помыться с дороги.

То, что сам Василий выжил в кровавой мясорубке Великой Отечественной, да что там выжил, даже ранен был всего один раз, и то совсем легко, можно было считать чудом. Его первая часть вышла из окружения, в которое попала в июле сорок первого, после

трехмесячного скитания по лесам, изрядно поредевшей и тут же попала в руки особого отдела.

Красную рожу майора, проводившего первый допрос, Василий запомнил на всю жизнь. Орал тот как резаный, чуть хрипя и брызжа вонючей слюной, разлетающейся из открытой пасти во все стороны. Василий машинально отметил, что зев у майора красный, отечный, характерного бархатистого вида, с небольшими, чуть желтоватыми возвышенностями фолликулов.

«Фарингит, – лениво и отстраненно подумал Василий, – потому и голос садится. Или он от ора садится? Я же наверняка не первый, на кого он так орет». И вдруг, перебив майора, неожиданно сам для себя сказал: – Вам горло прополоскать надо, товарищ майор. Солью, растворенной в горячей воде, две столовые ложки на стакан, и лучше туда еще капель пятнадцать йода добавить.

– Что-о? – Майор явно оторопел, набрал воздуха в измученные легкие, чтобы вновь сорваться на крик, но почему-то передумал и спросил уже обычным, нормальным голосом: – Врач, что ли?

Василий подтвердил, что да, врач. И обстоятельно рассказал про то, как родился и вырос в Ленинграде, как окончил институт, как уехали родители, как перед отправкой на фронт он отпустил с цепи Полкана, как попал в окружение, как выбирались они из него, прячась в кустах от немцев, как голодали, теряли товарищей, многие из которых предпочитали выйти в близлежащую деревню и сдать себя на милость победителя, как наконец-то, спустя почти три месяца, им удалось выйти к своим и как они радовались, что выстояли, что все теперь у них будет хорошо.

– А я тебя знаю! – вдруг перебил его толстомордый майор. – Ты студентом на практику в Александровскую больницу приходил. А я там лежал как раз. С воспалением легких. Помнишь, я еще возмущался, что меня как подопытного кролика студентам показывают?

– Помню, – неуверенно сказал Василий, не решаясь спорить, и вдруг правда вспомнил. Это было году в тридцать восьмом, июнь выдался холодный и промозглый, и они действительно пришли на практику и перемещались из палаты в палату Александровской больницы под предводительством старого доктора Николая Петровича Лемешева. И один из пациентов и впрямь устроил страшный скандал,

правда, не из-за того, что о нем рассказывают студентам-медикам, а из-за того, что он в нижнем белье выставлен на обозрение студенток. Вспомнив про это, Василий засмеялся, несмотря на то что обстановка явно не располагала к веселью.

– Ладно, – майор махнул рукой, и писарь, фиксирующий каждое слово их беседы, вышел из кабинета. – Я тебя действительно знаю. Ты не шпион, нормальный советский человек. Будешь отправлен в новую часть. А пока – что ты там про горло говорил? Болит, зараза, сил нет! Как будто наждаком дерет.

То ли наждак был тому причиной, то ли все-таки тот факт, что из трехмесячного окружения Василий Истомин вышел в шинели с офицерскими ромбами, партбилетом и военным билетом в кармане, но его не расстреляли, не арестовали, не отправили в лагерь, а дали вымыться, отоспаться и отъесться и вместе с верным Игнатом, не отлипавшим от старшего товарища ни на минуту, отправили в новую часть.

Всю войну они рука об руку оперировали раненых в полевых госпиталях, встретили День Победы в немецком городе Шпандау, одновременно демобилизовались в конце июня, и вот теперь Василий Истомин, целый и невредимый, подходил к дому, который покинул ровно пять лет назад.

Гулко лаяла собака за забором.

– Неужто Полкан? – мимолетно обрадовался Вася, толкая скрипучую калитку. Во дворе какая-то женщина, повернувшись спиной к калитке, развешивала белье. На минуту сердце зашло в мимолетной надежде, что это мама.

Женщина обернулась, брехавшая собака подскочила, завертелась рядом, заходясь в судорожном приступе лая, и надежда схлынула, как поднятая проходящим катером волна с прибрежного песка. Это была не мама. И собака – не Полкан.

– Вы кто? – Женщина смотрела настороженно и чуть испуганно. Крепкий плечистый Василий за годы войны возмужал. Косая сажень его плеч, обернутых драпом шинели, вселяла уважение и легкую оторопь.

– А вы кто? – вопросом на вопрос ответил Василий. – Что вы тут делаете?

– Ой, вы, наверное, хозяин, – догадалась женщина. – Вы в этом доме до войны жили? Вы не подумайте, мы не самовольно, нам эту квартиру от завода дали. Мы тут живем. Я и дочка. Мы пока в эвакуации были, наш дом разбомбило. Вот нас сюда и поселили. А муж мой на фронте погиб. Так что мы тут сами хозяйничаем.

Из дома во двор вышла маленькая, худенькая девочка лет восьми. Испуганно юркнув за приоткрытую дверь, она с интересом разглядывала высокого незнакомца, с которым разговаривала мама.

– Да вы проходите, – женщина бросила так и не повешенную на веревку наволочку в таз с бельем, вытерла руки о передник и сделала приглашающий жест. – Это же ваш дом. Я картошку только сварила. Проходите, пожалуйста.

Пригнув голову, чтобы не удариться о притолоку (такое чувство, что то ли он за войну стал выше ростом, то ли дом ушел в землю), Василий шагнул в сени, затем в комнату и сглотнул невесть откуда взявшийся в горле ком.

Здесь все было так же, как пять лет назад. Деревянный сервант, чуть колченогий, с постоянно распахивающейся дверцей. Стол с разномастными стульями вокруг, их замысловатые спинки вырезал отец, считавшийся лучшим в округе плотником. Правда, стол покрыт не белой скатертью с вывязанными крючком кружевами, а обычной клеенкой, такого святотатства мама никогда бы не допустила.

Диван с кожаной спинкой, кровать с шишечками, на ней спали родители, его собственная кровать, между прутьями которой он как-то в детстве застрял, сунул голову, а назад вытащить уже не смог. На его рев прибежал отец, раздвинул прутья руками, освободил сына из плена. Спинка с той поры так и осталась слегка погнутой.

Это был его дом, каждую мелочь в котором он помнил с детства, и в то же время это было абсолютно чужое ему место, с брошенным на резную спинку стула чужим платком, чужими валенками у порога, а главное – чужим запахом, шибавшим в нос и вызывавшим чувство глухой тоски.

– Вы ночевать останетесь? – Он не сразу услышал, что чужая женщина о чем-то спрашивает его. – Мы с дочкой на большой кровати ляжем, а вам за стенкой постелем. А завтра ходим к коменданту жилищного отдела, попробуем что-нибудь придумать. Это же ваш дом, вам тут и жить, а нас поселят куда-нибудь, наверное.

В голосе женщины Вася расслышал неуверенность и робкую покорность судьбе. Ему вдруг стало нестерпимо жаль ее, оставшуюся без мужа, одну с ребенком, пережившую блокаду и эвакуацию, вернувшуюся к разбомбленному дому, потерявшую все, что у нее было, кроме маленькой дочки, чья кукла, заботливо укрытая старым заштопанным платком, когда-то связанным его мамой, лежала на его кровати с кривыми прутьями изголовья.

– Не надо никуда ходить, – глухо сказал он и сделал шаг к двери. – Вы живите здесь. Я вас выгонять не буду. И на ночь не останусь. – Каким-то обостренным внутренним чувством он понимал, что начини она кричать о своем праве на этот дом, о том, что ему теперь придется самому заботиться, где жить, он вступил бы в борьбу за право остаться здесь, где все дышало памятью о родителях. Однако женщина была готова сдаться без всякой борьбы, и он знал, что не будет создавать ей дополнительных проблем.

– Как же? – всполошилась женщина и даже руками всплеснула. – Куда же вы пойдете на ночь глядя?

– Ничего, я найду где переночевать.

– Послушайте, боже мой, я же даже не спросила, как вас зовут...

– Меня зовут Василий. Военврач Василий Истомин.

– Очень приятно. А я Вера. А это моя дочка, Иринка. Василий, давайте я вас хотя бы покормлю с дороги. А потом пойдете.

– Нет, – Вася вдруг ощутил, что больше физически не может находиться в этом доме. Воспоминания о том счастливом времени, когда еще были живы родители, давили ему на плечи, обручем перехватывали голову, заливали кровью глаза, заставляли учащенно биться сердце. Ему захотелось завывать, по-звериному, по-волчьи, и только страх испугать востроносую Иринку да стыд проявить слабость перед совершенно чужой ему Верой удержали рвущийся из горла крик.

– Пойду я. Вы живите спокойно, я не буду вас выселять и приходить больше не буду.

Глотая разрывающие грудь рыдания, он выскочил на улицу, захлопнул калитку и быстро пошел прочь, не оборачиваясь на дом, в котором осталась вся его прошлая жизнь.

– Василий! – Он убыстрил шаг, не оборачиваясь на крик, но Вера догнала его и сунула в руки старый фибровый чемодан, с которым его отправляли на дачу с детсадом. – Вот, возьмите, – запыхавшись,

сказала она. – Я, когда мы здесь поселились, собрала сюда ваши альбомы с фотографиями, документы, которые в комодке лежали, ложечку серебряную, потом сережки тут вашей мамы, брошка. И чашка фарфоровая.

Василий снова сглотнул. Фарфоровая чашка с тоненькими, тщательно выписанными незабудками принадлежала маме. Она очень ее берегла, никогда не использовала, чтобы не разбить. В чашку наливался клюквенный морс, когда маленький Вася болел и мучился от высокой температуры. Чашка была верным средством утешения, и сейчас она лежала внутри чемодана как счастливый талисман на всю оставшуюся жизнь.

– Вы возьмите, это же память все-таки, я ничего не тронула. Конечно, тут в блокаду мародеры похозяйничали, так что, может, что и пропало, но это не мы с Иринкой. Нам чужого не надо, вы не думайте, – с отчаянием в голосе говорила тем временем Вера.

– Я и не думаю. – Васе вдруг остро захотелось погладить ее по голове, хоть она и была старше его лет на десять, не меньше. – Спасибо вам, Вера, – тепло сказал он. – Замечательный вы человек. Счастья вам. – И пошел широкими шагами дальше, оставив ее посередине уличной пыли смотреть ему вслед.

Ноги сами собой привели его к дому Битнеров. Краска на некогда веселеньком разноцветном доме выцвела и местами облупилась. Во дворе сохло серое, будто не постиранное белье. Он невольно вспомнил, как сверкало белизной пляшущее на ветру белье, натянутое мамой Генриха без единой морщинки. Глядя на белье, Василий приготовился к тому, что и здесь теперь живут совершенно другие люди.

На его стук открыла полная, неряшливо одетая женщина с испитым лицом.

– Ты кто? Чего надо? – с подозрением спросила она, дыша Васе в лицо застарелым перегаром. Он невольно поморщился.

– Я ищу людей, которые жили здесь до войны. Семья Битнеров, может, слышали?

– Никого не знаем, кто тут раньше жил, – женщина заслоняла узкий просвет приоткрытой двери, не давая ни малейшего шанса не то чтобы зайти, а хотя бы заглянуть внутрь дома. – Только теперь мы тут

живем. Денежки заплатили, да немалые, чтобы прописку получить. Так что даже не надейся, что тебе тут удастся чем-то поживиться.

– Послушайте, – Василий решил быть терпеливым. – Мне ничего не надо. Я просто хочу узнать про людей, которые жили тут раньше. Где мне их искать?

– На том свете, – неприятно хохотнула женщина, обнажив желтые, прокуренные, наполовину гнилые зубы. – Немчуру эту проклятую выслали из города Октябрьской революции. Если есть бог на свете, так сдохли они далеко отсюда, фашисты проклятые.

– Да что вы говорите такое! – Василий стукнул кулаком по дверному косяку, женщина испуганно отшатнулась. – Какие Битнеры фашисты?

– А ты тут не стучи! – Баба в дверях уже вернула утраченное было самообладание. – Нашелся тоже желающий права качать. Я щас мужика своего разбужу, так он тебе быстро накостыляет, сопляку. Мы тут живем, ни о каких прежних жильцах слыхом не слыхивали и никакую немчуру проклятую не знаем. Понял? Пошел вон отсюда!

Дверь с грохотом захлопнулась перед Васиным носом, и он, спустившись с крыльца, даже головой ошарашенно покрутил, не веря сам себе, что этот странный разговор, так не вязавшийся с домиком Битнеров, состоялся на самом деле. Немного подумав, он завернул за угол и пошел к дому, в котором жили родители Магды. Тот и вовсе оказался заколочен. Окна, прищурившиеся за крест-накрест набитыми досками, равнодушно смотрели, как он, толкнув запертую калитку, несколько раз подпрыгнул, чтобы заглянуть за забор.

Здесь царило безмолвие, которое не могло дать ему ответ на вопрос, куда девались Битнеры, живы ли они и увидит ли он когда-нибудь красавицу Анну. Василий побрел по улице, не очень-то понимая, куда ему теперь идти.

– Васька! – вдруг услышал он и стремительно обернулся на зов, радуясь, что встретился хоть кто-то знакомый. На другой стороне улицы на пороге маленького, покосившегося, вросшего в землю домика стояла, опираясь на суковатую клюку, бабка Кощеиха.

Ей было лет сто еще в то время, когда Вася вместе с окрестными пацанами играл на улицах колонии Гражданка в салочки и лапту. Суровая, вечно недовольная бабка гоняла пацанов за малейшую

провинность, будь то поднятые в ходе игры тучи дорожной пыли, громкие крики или, упаси господь, разбитое стекло.

Кощеихой ее прозвали за чрезмерную худобу. Костлявые руки, согнутые артритом, которые она выпрастывала из длинных рукавов теплой шерстяной кофты, неснимаемой даже в тридцатиградусную жару, были похожи на руки Кощея Бессмертного, а неопределимый на глаз возраст наводил на мысли о том, что она действительно бессмертна.

Василий узнал ее с первого взгляда, потому что за войну Кощеиха совершенно не изменилась, даже кофта, казалось, была та же самая. Он вспомнил, как в детстве боялся ее острого сердитого взгляда, как старался лишней раз не пробежать мимо покосившегося домика, который искренне считал обиталищем Бабы-яги, усмехнулся своим детским страхам, так не вязавшимся с теми ужасами, которые он встретил за военные годы, и шагнул навстречу этой старой, очень старой женщине, которая смотрела на него из-под мохнатых сросшихся бровей.

– Здравствуйте, – вежливо сказал Вася, понимая, что не знает, как ее зовут. Для всех мальчишек в их округе она была просто Кощеихой.

– И тебе не хворать. Что? Друзей своих ищешь?

– Да. Вот, демобилизовался, вернулся домой, хочу узнать, где Генрих и его семья.

– Ага. И где Анна, верно? – Бабка вдруг засмеялась, видя его немое изумление. – Что, думаешь, старая карга не знает, как ты за битнеровской дочкой бегал? Да вся ваша жизнь на моих глазах проходила. Своей-то после того, как я сына в Гражданскую потеряла, у меня и не было.

– Сколько же вам лет? – спросил Василий, стыдясь своего бестактного вопроса, но будучи не в силах его удержать.

– Семьдесят шесть, – спокойно ответила Кощеиха, будто и не удивившись его интересу. – Кольке моему в девятнадцатом году двадцать восемь годов было, когда его шашкой надвое разрубил. Жениться не успел, внуков мне не оставил. Так и коротала свой век, за чужими детишками поглядывая.

– Простите, – Василий откашлялся, – как мне к вам обращаться?

– Агриппина Васильевна, – и этому вопросу старуха совершенно не удивилась.

– Агриппина Васильевна, скажите, вы знаете, что с Генрихом? И с Анной, – багровый румянец залил его щеки при упоминании этого имени.

– Не обрадую я тебя. Ты крепись, сынок, плохие вести я тебе принесу. Ну да правду-то, ее все равно лучше знать. В первую же блокадную зиму померла твоя Анна. И папаша Битнер тоже. Сначала он, а уж потом, ближе к весне, она. У нас тут ужас сколько народу померло. И-и-и-и, парень, лихо было, лихо. Обои от стен отрывали и жрали, голубей всех съели, кошек, собак. – Василий вспомнил верного Полкана и внутренне передернулся.

– В общем, в январе, как морозы настали, папаша Битнер с завода шел, да не дошел. От слабости в сугроб упал да и замерз в нем. А Анна в марте померла. Перед смертью уж две недели не вставала с постели. Генка с фабрики своей сапожный клей носил, его в котелке варили да ели. И он ел, и Магда, и мамаша, а Анна не могла. Наружу ее с этого клея выворачивало. Так и стояла на глазах.

От известия, что Анна мертва, у Василия сжалось сердце. Ледяной ком угнездился где-то в районе желудка, и Вася равнодушно подумал, что, видимо, здесь в человеческом теле находится душа. Та самая душа, которую он ни разу не видел при полостных операциях или на вскрытиях. Ком давил на ребра изнутри, не давая дышать и замораживая соседние органы. Холод из желудка волнами расходился по всему телу, парализуя способность мыслить, чувствовать и говорить.

– А Генрих? – спросил он оледенелыми губами. – Генрих, получается, не умер? Что же с ним стало?

– Так выселили их из Ленинграда. Как приспешников Гитлера выселили, – охотно пояснила Кощеиха, с жалостью глядя на него. – Сначала приказ НКВД вышел, в августе это было, еще до блокады, что всех немцев как потенциальных предателей вывезти за пределы города. Только не успели сделать-то этого. Пока списки составляли, то да се. Кольцо и замкнулось.

Потом зима голодная настала, не до немцев было. Все одинаково без разборю мерли, и немцы тоже. А уж в марте сорок второго, в аккурат назавтра после того, как Анна померла, новый указ вышел по этому, как его, – Кощеиха пожевала губами, – особому контингенту, вот. Ну и быстро-быстро погрузили их всех и увезли. День на сборы

всего и дали. В общем, уехали они из Ленинграда, сынок. И Генрих твой, и Магда, и мамыши их обе. Да что там говорить, всю колонию на Гражданке депортировали. Никого не осталось. Только мы, русские.

– А куда? – спросил Василий, в отчаянии понимая, что старуха не может этого знать.

– Да кто ж знает... Люди говорили, что вроде в Череповец, а потом в Казахстан. Подальше их отправляли, подальше, чтобы как немцы немцам не помогали и информацию не передавали.

– Да какую информацию, Агриппина Васильевна! – воскликнул Василий. – Какой секрет мог Генка фашистам открыть? Технологию производства ботинок?

– Тиш-е, – Кощеиха опасливо посмотрела по сторонам и снова шикнула на Василия. – Тише ты. Чего орешь? Тут и у стен есть уши. Люди-то новые в этих домах живут. У них порядки другие, не те, что при немцах были. Я наших немцев имею в виду, – зачем-то уточнила она. – Хотя что это я? Рази ж немцы могут быть наши, – и она конфузливо засмеялась. – Иди отсюда, сынок, а то я, старая, с тобой тоже до греха договорю.

Василий побрел прочь. Пусто и горько было у него на сердце. Он вспоминал, как часто мечтал на фронте о том, как вернется в родной город, пройдет по дорогим с детства местам, встретится с людьми, светлая память о которых позволяла ему оперировать по десять часов подряд, не сходить с ума от кровавого месива, из которого он умудрялся заново сшивать людей, не дуреть от запаха крови и гноя, да и вообще жить. И вот он вернулся, не найдя ни дома, ни тех, кого любил. Никто не ждал его в ставшем чужом Ленинграде, и не к кому было ему идти.

Ноги сами собой привели его в Александровскую больницу, в которую его направили на работу. Верный Игнат, бок о бок прошагавший с ним всю войну, тоже был здесь, медбратом в отделении хирургии. Увидев на крыльце почерневшего от горя Василия, он, ни слова не говоря, провел его в ординаторскую, быстро спроворил постель, принес чаю и кусок хлеба. Василий машинально откусил от мягкой горбушки и хлебнул из кружки.

– Все будет хорошо, Василий Николаич, – сказал ему Игнат, как-то по-бабьи вздохнул и уселся напротив, подперев рукой щеку. – Обустроимся как-нибудь. Бывало и хуже. Сейчас, слава богу, не война.

– Да, не война, – согласился Вася, достал из кармана гимнастерки потрепанную карточку, с которой на него смотрело серьезное и милое девичье лицо, развернул выпавший на кровать шелковый платочек в крупный горох и заплакал так горько и отчаянно, как не плакал даже в детстве.

* * *

Города – как люди. Каждый со своим характером, своей, только ему одному присущей внешностью, своим говором и своим гонором, своей неповторимой изюминкой, своим стилем или его отсутствием.

Амстердам – вечный студент в кедах, надетых на босу ногу, с рюкзаком за плечами и в смешной вязаной шапке, лихо сдвинутой на затылок. Москва – строгая бизнесвумен в стильном костюме от Кардена, алой помаде на губах, безупречных колготках на стройных ногах, холодном блеске бриллиантов, и наплевать, что еще утро.

Прага – вечно юная волшебница, как Стелла в Розовой стране писателя Волкова. Мудрая, все знающая, но не тронутая пылью веков.

Череповец – серьезный, крепкий, чуть насупленный сталевар в каске, вслед за дедом и отцом третий в славной трудовой династии, у которого следом подрастают еще два сына.

Коктебель – чуть расхристанный, слегка неумытый, не до конца протрезвевший писатель или музыкант, в общем, творческий человек, вдыхающий по утрам аромат кипарисов и под шум волн сочиняющий очередное неплохое, хотя и не бессмертное творение.

Питер – состоявшийся в жизни мужчина средних лет, чьи густые волосы уже тронула легкая седина, так называемая «соль с перцем», сводящая с ума романтических барышень. На нем длинное кашемировое пальто, растянутое, полощущееся полами по ветру, яркое кашне, притягивающее взгляд к широкой груди под тонким свитером, к которой так хочется прикоснуться робкими пальцами. Он умен и насмешлив. Он знает цену деньгам, себе и тебе, но уважительно выслушает твою точку зрения, чуть склонив свою благородную голову набок.

Города – как люди. И если посчастливится «попасть» в своего – человека ли, город ли, не важно, то до самой старости ты

проживешь с ним долго и счастливо. Питер – прекрасен и неуловим, и несостоявшийся роман с ним остается невысказанной болью в сердце навсегда. Сколько бы еще ни было в твоей жизни романов, счастливых и не очень.

Глава 4. Грехопадение у фонтана

Все, что вы делаете, делайте с любовью или не делайте вовсе.

Мать Тереза

Наши дни

После работы Василиса решила пойти не домой, а к маме. Она вообще старалась сейчас как можно меньше оставаться одна. Одиночество тяготило ее, потому что несло в себе лишние, болезненные и оттого совсем ненужные воспоминания, которые едкой щелочью заливали старую, вроде бы зарубцевавшуюся, но неожиданно вновь открывшуюся рану, заставляя несчастную Васю мучиться от боли.

Чтобы не сидеть пустыми вечерами одной, она пыталась гулять по летним улицам, но и в прогулках не было спасения. В то первое лето, когда еще только-только зарождались их отношения, они с Вахтангом обошли или объездили на велосипеде практически весь город. За все предыдущие годы своей жизни здесь Вася не узнала его так хорошо, как за эти несколько летних месяцев. Улицы и проулки, пруды, нехоженые тропы в парках, старые, наполовину обрушившиеся церкви, музеи и даже богадельня для бомжей, спрятавшаяся на берегу Волги, вдали от центральных улиц, – все было интересно и ново.

Вахтанг часто катал Василису на велосипеде, и не было ничего удобнее, чем взгромоздиться на жесткую раму, скрестить ноги, доверчиво прильнуть к его широкой груди, уютно устроиться в кольце мускулистых рук, сжимающих руль. На улице пахло цветущими липами и летним дождем. Василиса весело смеялась каким-то специально для нее придуманным рассказам, которые он в лицах разыгрывал перед ней, не забывая при этом следить за дорогой.

Сейчас все эти улицы и проулки поднимались навстречу Василисе, с кривой ухмылкой стеля под ноги расплавленный от жары асфальт.

– Вляпалась? – язвительно спрашивали они.

– Вляпалась, – покорно отвечала она. – В прямом и переносном смысле – вляпалась. И в асфальт, и в неприятности. И совершенно не представляю, что мне теперь делать.

Она понимала, что с точки зрения следствия является идеальной подозреваемой. Бывшая любовница сообщает, что за двести километров от дома совершенно случайно увидела из окна поезда труп своего возлюбленного. Ну кто в здравом уме и твердой памяти в это поверит?

Ей было мучительно жаль Вахтанга, который, при всех своих недостатках, был добрым и талантливым человеком. С ним была связана не очень удачная, но вполне счастливая пора ее жизни. Ни до, ни после Вахтанга никто не ухаживал за ней так красиво и самозабвенно, как он. Несмотря на то что она в последний год почти не вспоминала про него, Вася понимала, что, черт побери, до сих пор его любит. Этого горячего кавказского красавца с безудержным темпераментом, безупречным воспитанием и бешеной харизмой не так-то просто было разлюбить. По сравнению с ним все остальные мужчины, которые окружали Василису Истомину, выглядели снулыми рыбами, и именно этим объяснялся тот факт, что, несмотря на весьма привлекательную внешность и спокойный характер, она до сих пор оставалась одна.

– Че-то ты, девка, смурная, – заметила мама, открыв Васе дверь и пропуская ее в квартиру. – Устала или случилось чего?

– И то, и другое, – ответила Василиса, снимая босоножки. – Я четыре ночи подряд дежурила, так смены выпали и в больнице, и на «Скорой», так что устала, конечно. Но и случилось.

– Зачем же ты так себя работой изводишь, доченька? – испуганно спросила мама, как всегда тоненькая и невообразимо прекрасная, с привычной тревожностью в огромных глазах, делающих ее похожей на олененка. Всегда, когда Вася думала про свою маму, перед глазами вставала Одри Хепберн. Мама как нельзя лучше ассоциировалась с «Завтраком у Тиффани», вот только кота ей не хватало для полного сходства образов.

Советоваться с мамой было категорически нельзя. У нее была, как это называла бабушка, «летучая» психика. Василиса предпочитала более медицинский термин – психическая лабильность. В их женском триумвирате мама была самым нестойким, самым слабеньким звеном.

Она тревожилась по любому пустяку, легко впадала в панику, могла расплакаться из-за увиденного по телевизору новостного сюжета про брошенного или раненого ребенка. У нее вообще частенько глаза были на мокром месте. Сколько Вася себя помнила, мама никогда сама не принимала даже самого пустякового решения. В их семье все всегда решала бабушка Маша. Ну и Василиса, когда выросла.

Известие об увиденном из окна поезда трупe маме могло оказаться не по силам. Но, пожалуй, впервые в жизни Васе тоже нужно было выговориться, сбросить тяжкий груз, который уже неделю как давил и давил ей на плечи. В конце концов Вахтанга мама не знала, поэтому особо расстроиться из-за его гибели не могла. А Васе нужен был если не совет (что могла посоветовать непрактичная мама?), то хотя бы участие.

– Так что же случилось? – Голос мамы дрогнул, как и длинные загнутые ресницы. Было видно, что ей не очень-то хочется слышать ответ. Васины потенциальные неприятности выводили ее из привычного безмятежного состояния, но дочь она очень любила, поэтому, усевшись на кухне на табуретку и налив тарелку холодного белорусского свекольника, все-таки задала этот вопрос.

– Понимаешь, я ехала в Москву и после Сергиева Посада в окно поезда увидела, что в лесу лежит человек. М-м-м, вкусно как, – последнее относилось к отправленной в рот ложке свекольника, который Вася обожала с детства. – В общем, я через начальника поезда добилась, чтобы туда в лес отправили спасателей, потому что человеку могло быть плохо, понимаешь?

– Конечно, – мама кивнула. – Это абсолютно естественно, Васенька.

– В общем, выяснилось, что тот человек в лесу, он уже умер, точнее, его убили. То есть в окно я уже видела труп.

– И теперь в полиции считают, что ты его не случайно увидела, а знала, что он там? – проницательно спросила мама.

– Да.

– Но девочка моя, это очень быстро прояснится. Понятно же, что ты не могла знать, что в двухстах километрах от твоего дома убили совершенно незнакомого тебе человека. По-моему, ты зря переживаешь.

– Так в том-то и дело, что знакомого, – Василиса дернула ложкой, и на ее белые штаны выплеснулся свекольный фонтанчик. В ажиотаже она этого даже не заметила. – В том-то и ужас, мамочка, что я очень хорошо знала этого человека. Я вам с бабушкой не рассказывала, но пять лет назад у меня начался роман. Мы сначала с ним дружили, потом начали встречаться, а потом даже жили вместе. Правда, дальше нам пришлось расстаться, и последние три года мы виделись случайно и не имели друг к другу никакого отношения, но из песни слова не выкинешь. Я из окна поезда увидела труп, и надо же было такому случиться, что это был труп именно Вахтанга.

– Вахтанга? – Мама на удивление спокойно пережила известие о том, что ее скрытная дочь жила с мужчиной в гражданском браке, ничего ей не сказав, и лишь необычное имя вызвало у нее искру удивления.

– Да. Он грузин. Его звали Вахтанг Багратишвили, он режиссер местного театра драмы. – Тут она заметила малиновое пятно на брюках и озабоченно вздохнула. – Ну так я и знала, что обязательно испачкаюсь! Мам, дай солонку, я присыплю пятно.

Мама не двинулась с места, и Василиса перевела на нее взгляд с пятна на штанах. Лицо у мамы стало напряженным и плоским. Казалось, на нем стерлись все тени. Несмотря на ее полную непригодность к жизни, непрактичность, нерешительность и готовность к панике, такое лицо Василиса видела у нее лишь однажды.

Ей тогда было три года. Говорят, что дети помнят себя лишь с пяти лет. Так вот Вася точно знала, что это неправда, и знала именно на основе вот этого первого своего воспоминания, в котором ей было ровно три года. Именно на день рождения бабушка с мамой подарили ей куклу. Настоящую немецкую куклу, в которой в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году не было бы ничего удивительного даже в их деревне, если бы не одно обстоятельство. Кукла была мальчиком. Крепкий пупс в штанишках на лямках, клетчатой рубашке и заливчатской кепке, надетой на вихрастый чуб, подмигивал своей маленькой хозяйке озорными синими глазами и говорил «мама», если его укладывали на спинку.

Василиса ему так обрадовалась, что не выпускала из рук целый вечер, кормила с ложечки, бесконечно выслушивала «мама», извлекаемое из недр пластмассового тельца, а перед тем как пожелать

маме и бабушке спокойной ночи, уверенно заявила, что Адя будет спать с ней.

– Как ты его назвала? – переспросила мама, которой показалось, что она ослышалась.

– Адя, – твердо ответила маленькая Вася. Она и сама не знала, откуда всплыло у нее это странное и чудное имя. Но пупса звали Адя, в этом она была абсолютно уверена.

Услышав это имя, мама как-то посерела и побледнела одновременно, и лицо ее стало стертым и смазанным, как непропеченный блин. Вася испугалась, конечно, потому что уж очень незнакомой стала мама, и вышла из комнаты нетвердой походкой, держась рукой за стенку, и в сенях загремела ведрами с водой, на которые упала в глубоком обмороке.

Адей Василиса больше никогда не играла. Даже в руки его не брала. Он много лет сидел на сундуке, стоявшем напротив ее кровати. Он и сейчас все еще оставался в их деревенском доме, в который на лето уезжала бабушка и в который они с мамой навещали при первой же возможности. Василиса мимоходом подумала, что уже больше месяца не ездила в деревню, привычно устыдилась, что не навещает бабушку, но тут же ее мысли вернулись к непонятному испугу, сковавшему лицо мамы.

– Грехи отцов падают на головы их детей, – непонятно сказала мама, тяжело поднялась с табуретки и, так и не подав дочери соль, пошла к выходу, как и тогда, в Васином детстве, держась рукой за стенку. Споткнулась на полпути и начала валиться на пол в обмороке, и упала бы, не подхвати ее Василиса.

Подтащив маму к дивану, она уложила ее, благо мама была худенькая и легкая. По крайней мере, Васе с ее опытом работы на «Скорой» и в операционной это было совсем не трудно. Нашла в аптечке ампулу с нашатырным спиртом, намочила ватку и сунула маме под нос. По комнате поплыл резкий, ни на что другое не похожий запах.

– Как вы с ним познакомились? – спросила мама, едва открыв глаза. – Расскажи мне, как вы стали близки.

Вася прикусила губу, не понимая, чем вызван этот интерес. Мама никогда не питала любопытства к интимным сторонам жизни. Василиса иногда даже думала, что родилась у нее путем непорочного

зачатия. По крайней мере, глядя на маму, поверить в это было очень легко.

Лето, жаркое, волнующее лето пятилетней давности снова нахлынуло на нее, заставляя вспоминать поездки на велосипеде, прогулки по пыльным улицам, неспешные разговоры о театре, литературе, вообще об искусстве, ледяной квас из бочек, охлаждающий измученное жарой горло, фонтан в городском парке, под брызги которого Василиса пыталась подставить разгоряченные плечи.

В парк они заехали, чтобы спрятаться от жары. Она в то лето стояла какая-то особенная. Несмотря на то что август уже подходил к концу, лето не сбавляло обороты. Днем столбик термометра поднимался к отметке в сорок градусов, вечером даже в тени все равно было больше тридцати.

Улицы стояли пустыми, люди прятались в кафе под кондиционерами, поэтому в половине одиннадцатого парк был безлюден. Кроме Василисы и Вахтанга, здесь никого не было. Спустив Васю с рамы, Вахтанг спешил сам, аккуратно прислонил велосипед к бетонному боку фонтана, зачерпнул полные пригоршни воды и с наслаждением вылил их себе на грудь.

Тонкая рубашка, моментально промокнув, прилипла к мощному торсу, и Василиса вдруг сглотнула, увидев рельефно очерченные мышцы. Этот мужчина действовал на нее бесстыдным образом. Она уже давно мечтала о том, чтобы он перестал быть ей только другом, но его, казалось, подобное положение вещей вполне устраивает, а навязываться она не хотела. Не так была воспитана.

Она не могла ему признаться, что не спит ночами, пытаюсь понять, отчего он к ней так равнодушен. В конце концов она не была ни кривая, ни косая, ни убогая. Вполне себе нормальная среднестатистическая женщина, даже хорошенькая. Но факт оставался фактом: прижимая ее к себе на раме велосипеда, Вахтанг оставался спокоен, невозмутим и совершенно не взволнован ее скромными прелестями.

«Как голубой, честное слово!» – сердито подумала Василиса, брызгая водой из фонтана теперь уже себе на грудь и блаженно зажмуривая глаза от спасительной прохлады.

Нежданная мысль зацепилась в мозгу, заставив тут же распахнуть глаза во всю их ширь. Это действительно многое объясняло! Василиса, пусть и понаслышке, но знала, что геи – отличные друзья, а Вахтанг вел себя с ней именно как верный и надежный друг.

– У тебя глаза сейчас как блюдца, – засмеялся ее товарищ, увидев ее лицо. – Ты что, русалку в фонтане увидела?

– Вахтанг, – выпалила она в ответ, нимало не задумываясь о том, что поступает неприлично, – скажи мне правду, ты гей?

– Кто я? – Изумление на его лице было таким неподдельным, что она на миг растерялась, но привычка все доводить до конца победила.

– Ты гомосексуалист? Скажи мне, я к этому вполне спокойно отношусь.

– К чему ты вполне спокойно относишься? – Голос Вахтанга стал наливаясь гневом. Василиса за несколько месяцев их знакомства уже знала, что человек он взрывной и вспыльчивый, а потому растерянno отступила на шаг.

– К однополой любви. Ну, то есть я не лесбиянка, я не в этом смысле, я в том только, что, когда другие люди любят друг друга, несмотря на то что они однополые, я не против и... – она окончательно запуталась и опустила плечи под его сердитым, но в то же время ироническим взглядом.

– А с чего тебе в голову вдруг пришло, что я могу быть геем? – спросил он, оглядывая себя сверху вниз. – Мне кажется, во мне нет ничего такого, что позволяло бы это заподозрить.

– Ну, мы с тобой проводим вместе столько времени, – замямила готовая провалиться сквозь землю Василиса. – А ты вообще не обращаешь на меня никакого внимания. Ну, как на женщину, я имею в виду... – от стыда у нее загорелись щеки, на глаза навернулись слезы, и она, закрыв лицо руками, расплакалась.

– Дурочка, – Вахтанг обнял ее, и она вся уместилась в уютном и надежном кольце его рук. – Ну конечно, я не голубой. Я очень даже горячий любитель женщин. Просто ты такая беззащитная, как воробушек, я боялся тебя обидеть своим кавказским темпераментом. А вижу, что обидел невниманием, прости.

Он требовательно поднял к себе ее залитое слезами лицо и поцеловал в губы. Поцелуй из нежного очень быстро стал настойчивым и жарким, ошеломленная Василиса почувствовала его

язык у себя во рту. Он нескромно обследовал пещеру, в которую попал, проводил по маленьким острым зубкам, переплетался с ее языком, робко принимающим неожиданную ласку, исследовал пересохшие то ли от жары, то ли от желания губы. Василиса стонала под этим мощным натиском, испытывая неизведанные доселе ощущения.

«Так вот это как, оказывается», – смятенно думала она и вдруг почувствовала, что падает. Судорожно вцепившись в крепкие плечи Вахтанга, она поняла, что лежит на нем сверху, прямо рядом с бетонным ограждением фонтана. Журчала вода, сверху падали мелкие и колкие прохладные брызги, не остужая, а еще больше горяча кровь. В ушах грохотал набат.

Краем ускользающего сознания Василиса отметила, что Вахтанг задирает на ней сарафан, отбрасывает в сторону порванные трусики.

– Ты что делаешь? – застонала она, пытаясь выдраться из его крепких пальцев, держащих ее за бока. – Тут же люди ходят. Увидят.

– Я доказываю тебе, что я не голубой, – прошептал он ей прямо в ухо, после чего с силой вылизал его, прикусив нежную розовую мочку зубами. – Тут нет никого. Только ты и я. И мне совершенно все равно остальное. Только ты и я, поняла?

Он сделал неуловимое движение, приподнял ее все за те же бока и с размаху насадил на себя, заставив вскрикнуть сначала от боли, а потом от столь же острого наслаждения.

– Поняла, – простонала она, отдаваясь на волю заданного им ритма и забывая о том, что кто-то может их увидеть в старом пустынном полуночном парке, кроме заходящего солнца, бросающего прощальные взгляды в мерную рябь фонтана.

1951 год

Василий лежал на верхней полке и бездумно смотрел в окно. Пейзаж за ним был уныл и однообразен. Казахстанские степи – выгоревшие под палящим августовским солнцем, сменялись песочными дюнами, похожими на солончаки, на которых глаз вообще не выхватывал ничего живого.

Поезда Ленинград – Москва и Москва – Алма-Ата. Более семи суток в дороге. И если сначала Василий с интересом следил, как скромная, немного стесняющаяся северная природа за окном сменяется средней полосой с ее яркими ярмарочными красками, то

потом выжженные степи и бесконечный песок не вселяли ничего, кроме уныния, от которого стиралось даже природное Васино любопытство. Всю жизнь он был жаден до новых впечатлений, но неделя, проведенная в прокуренном жестком вагоне, не располагала ни к каким новым впечатлениям.

Василий без всякого интереса к окружающей его архитектуре и новым людям выходил на полустанках, чтобы купить горячей картошки у спящих перед вагонами старух. Безучастно покупал первое попавшееся, расплачивался и уходил обратно в вагон, забирался на свою верхнюю полку и снова бездумно смотрел в безразличную, чужую даль, терпеливо ожидая конечного пункта своего путешествия. Из Алма-Аты еще нужно было добраться до Джамбула, где, как с огромным трудом удалось узнать, жил Генрих Битнер.

Первые попытки выяснить, куда выслали семью его друга, он предпринял сразу по возвращении с фронта – осенью сорок пятого. Но все его усилия разбивались о глухую стену, пока однажды ему очень настойчиво не порекомендовали прекратить поиски и не порочить свое имя связями с врагами народа и пособниками немецко-фашистских захватчиков. Услышав такое про Генриха, Вася чуть в морду не дал толстому, оплывшему энкавэдэшнику, с которым разговаривал. Но сдержался. В конце концов ему нужно было найти Генриха, а не самому загреметь в лагерь.

Надежда повернулась к нему лицом только сейчас, спустя шесть лет. Василий удачно прооперировал язву человеку, оказавшемуся крупным милицейским чином.

– Проси что хочешь, – сказал чин, выписываясь из больницы. Василий только уж было собирался махнуть рукой, что ничего ему не надо и мзды он за врачевание не берет, как вдруг его осенило.

– Мне бы узнать, куда друга моего выслали, – скрывая неуверенность в голосе, попросил он. – Он немец. Весной сорок второго года всей семьей их из Ленинграда отправили. Знаю, что сначала в Череповец, а потом в Казахстан. Мне бы точный адрес узнать.

Высокопоставленный пациент крикнул с досады, но обещание «проси что хочешь» выполнил. Меньше чем через неделю Вася держал в руках бумажку с адресом Генриха и Магды Битнер, а спустя еще пять

дней, оформив отпуск и купив билет на поезд, взгромоздился на верхнюю полку жесткого вагона, который, грохоча колесными парами, повез его к другу, с которым он расстался десять лет назад.

Генрих выглядел плохо, очень плохо. Все такой же высокий, он казался сгорбленным из-за того, что сильно сутулился. Впалая чахлая грудь неровно вздымалась под тонкой, ослепительно белой рубашкой. Он стал совсем худым, таким худым, что было совершенно непонятно, как держится душа в этом измученном, словно умноженном на ноль теле. Не нужно было быть врачом, чтобы понимать, что Генрих болеет сильно и давно и что болезнь эта подтачивает его силы, каждый день унося их частицу и приближая естественный конец. С горечью Василий понял, что чуть не опоздал, поскольку жить его другу осталось совсем недолго.

Генрих встретил Василия не то чтобы безрадостно, а скорее безучастно.

– А, это ты, проходи, – сказал он, открыв дверь, и отступил в дверной проем, будто они виделись только вчера и нет в этом визите ничего необычного.

– Генка! – У Василия сжалось горло, и он, сделав шаг, вошел в маленький домик, построенный из самодельных кирпичей. – Генка, ты что, мне не рад, что ли, совсем?

– Рад, – голос Битнера прозвучал тускло и невыразительно. – Я, конечно же, рад тебе, Васька. Я просто как-то разучился выражать свою радость. Последние десять лет ничего этому не способствовало, ни капельки.

Из маленькой, на два шага, кухни выглянула Магда. То есть Василий догадался, что это Магда, потому что узнать в этой худой изможденной женщине, почти старухе, веселую, пухленькую хохотушку Магду Шеффер было практически невозможно.

Василий напрягся, прикидывая, сколько ей сейчас может быть лет, по всему выходило, что не больше сорока, а выглядела она на шестьдесят, не меньше. Рот ее был сурово сжат, она слегка, как будто нехотя, кивнула Василию, давая понять, что узнала его, но не сказала ни слова и тут же скрылась за стенкой, ожесточенно гремя кастрюлями.

– Генка, если бы ты знал, с каким трудом я тебя нашел! – быстро и жарко заговорил Вася, которому дик и непривычен был такой прием

ранее теплых и радушных Битнеров. Перед ним были чужие, незнакомые люди, и он с тоской подумал, что начавшаяся десять лет назад война забрала у него не только Анну, но и Генриха.

– Не удивляюсь, – слегка пожевав тонкими бескровными губами, сказал Битнер. – Там, в Ленинграде, наверное, нас вообще считают мертвыми, предпочитая не вспоминать, что мы есть. Я скорее удивляюсь тому, что ты вообще меня нашел. Что тебе дали это сделать. Ты же, поди, герой войны, а я кто? – В его голосе просквозила горечь. – Я немецкий шпион, пособник фашистов, так это, кажется, называется.

– Перестань, – Василий поморщился. – Ты мне-то зачем это говоришь, Генка? Я никогда не считал тебя хуже себя. И сейчас ничего не изменилось.

– Изменилось, Васька, изменилось. Мы изменились, ты, я, это главное. Да что об этом говорить? Я действительно рад тебя видеть. Расскажи, как ты живешь? Врач? Жена, дети?

– Врач, – по лицу Василия пробежала легкая тень, которую Генрих тем не менее заметил и удивленно приподнял брови. – Работаю в Александровской больнице, помнишь такую?

– Помню, – Генрих криво усмехнулся, – мне Ленинград все эти годы каждую ночь снится. Глаза закрываю и вижу Неву, Литейный, коней на Аничковом мосту. Александровская больница, на Фонтанке которая, да? Только она же не Александровская, а имени 25-го октября? – он снова усмехнулся.

– Да, но ее весь город Александровской называет, – Василий пожал плечами. – В общем, я там в институте практику проходил, у Лемешева, удивительный доктор, хирург отличный, старая школа. После войны меня к нему работать и направили. Так что повезло мне, он меня оперировать научил.

– Можно подумать, ты на фронте не научился.

– На фронте я кромсал, а Николай Петрович меня научил именно оперировать. А насчет семьи... – он немного помолчал. – Нет у меня никого, Генка. Я так и не смог Анну забыть.

– Десять лет прошло, – Генрих тоже помолчал. – Как будто в другой жизни это все было: папа, Анна, ты... Помню только, как мы сюда ехали в вагонах для скота. Голодные, худые, с трудом первую блокадную зиму пережившие. Мама в поезде умерла, не выдержала.

На полустанках трупы десятками сгружали. Нас же тоже почти не кормили. Мы недели три ехали, подолгу на каких-то полустанках стояли. Без воды, без хлеба. На весь вагон в пятьдесят человек – одно жестяное ведро для естественных надобностей. И для мужчин, и для женщин. Печка была, «коза», только ее не топил никто.

Здесь нас привели в чистую степь и бросили, сказали, живите как хотите. Хорошо еще, что весна была, тепло, а то зимой мы бы подошли сразу, тут же морозы до сорока градусов бывают. Своими руками дома строили. Сначала кирпичи лепили, знаешь, как это делается? Сейчас научу. Берешь солому, обмазываешь ее глиной и навозом и формуешь блоки, которые потом на солнце сохнут. Воняют, правда, страшно, но на это чего ж смотреть. Мы и не смотрели. Вот дом у нас я сам и построил.

Так что не помню я прошлой жизни, Васька, и ты забудь. Анну забудь. Живи на полную катушку, ты еще молодой, она у тебя еще только начинается. Жена тебе нужна, дети. У нас-то с Магдой, кстати, есть хлопчик. Адя, иди сюда, – позвал он, и из второй комнатки, скрытой за чистой ситцевой занавеской, показался худенький подросток с белой кудрявой копной волос.

– Адя? – переспросил Василий.

– Ну да, Адольф, – рот Генриха перекосила горькая улыбка. – Когда Магда рожала, я как раз в больницу попал, туберкулез у меня открылся. А нас же тут никто иначе чем фашистами и не звал. В общем, выписался я из больницы спустя полгода и обнаружил, что Магда, озлобившись, сына Адольфом назвала. В честь Гитлера то есть.

– Да ты что? – потрясенно прошептал Вася, Магда на кухне еще ожесточеннее загремела ведрами. – Что ж ты его по-другому не переписал? В каком году он родился?

– В сорок третьем.

– Генка, в сорок третьем году назвать сына Адольфом... Когда еще по всей стране похоронки всюю приходили, и перелом после Сталинграда еще совсем не очевиден был. Зачем???

– Чтобы память осталась. О том, как мы жили все эти годы, – голос Генриха стал вдруг суров и грозен. – Я-то, как видишь, все еще копчу небо, да недолго осталось. – Генрих закашлялся, и Василий с ужасом увидел, что на белоснежном платке, таком же белоснежном, каким всегда было белье в доме у Битнеров, выступила кровь.

– У тебя открытая форма? – спросил он.

– Да, то в больнице, то вот домой отпускают. Сделать уже ничего нельзя. Помру я скоро, Васька. Я ведь за жизнь держался только для того, чтобы тебя увидеть. Знал, что доведется. Ты вот что мне скажи, Анзор жив?

– Жив. Военврач, как я. Только уже полковник. Он после войны в армии остался. Не стал демобилизовываться. Сейчас в Азербайджане, военным госпиталем под Баку командует. Списываемся мы с ним регулярно. Год назад женился, недавно сын у него родился. Гурамом назвали.

– Вот и прекрасно. Это здорово, что он жив, Васька. Я ведь его сокровища Наполеона сохранил.

– Как? – ахнул Василий. – В таких условиях?

– Так что условия, – Генрих снова криво усмехнулся и откашлялся в свой белоснежный платок. – Во все времена главное – это люди, а не условия.

Кряхтя, он встал на колени перед старым разбитым деревянным диваном, пошарил под ним рукой и вытащил самодельный соломенный кирпич, такой же, из каких были сложены стены их домика. С размаху бросил кирпич об пол, да еще для верности наступил на него каблуком. Глина и куски высохшего навоза разлетелись в разные стороны, и взору Василия открылась завернутая в газету тугая колбаска с серебряными монетами с ликом Петра Второго, в прошлой жизни, 22 июня 1941 года, переданная Генриху Анзором.

– Как же тебе удалось их сохранить? – удивленно прошептал Василий. – В блокаду, при депортации? Вас же обыскивали наверняка.

– Обыскивали, да при небольшой смекалке такую колбаску спрятать нетрудно. Мне Анзор поручил ее сберечь, я сберег. Все просто.

– Генка, – Василий в изнеможении опустился на деревянную лавку. – Вы же так тяжело жили все эти годы. Анна в блокаду с голода умерла, отец твой, потом здесь... Что же ты ни одной монеты на продукты не обменял, дурья твоя башка? Разве ж Анзор был бы против?

– Чужое брать не приучены, – отрезал Генрих. – Один раз я, правда, смалодушничал, когда Адька болел сильно. Скарлатина у него

была, думали, помрет. И я предложил Магде одну монету на рынок снести. Ух как она меня отчихвостила!

Василий с горечью посмотрел на вошедшую в комнату с чайником в руках Магду, так не похожую на ту хохотушку, на чьей свадьбе с Генрихом он впервые выпил водки и уснул во дворе Битнеров. Поймав на себе его взгляд, Магда мрачно буркнула без тени улыбки:

– На чужом добре свое счастье не построишь. Чужое – оно и есть чужое. Бог дал, Адя и сам поправился.

– Генка, – Василий с нежностью смотрел на своего старого друга. Болезнь и лишения не исказили благородных черт его худого лица. – Я уверен, что за то, что ты сохранил эти монеты, Анзор тебе будет по гроб жизни благодарен. Он про них, думаю, даже и не вспоминает, потому что уверен, что в том горниле, через которое мы все прошли, они уже давно безвозвратно потеряны. Они для него много значат, так что он обрадуется, это точно. Дело даже не в том, сколько они стоят, этого я как раз не знаю. Но для него это память о предках. А для грузин это святое, сам понимаешь.

– Память о предках – святое для любой нации, – с горечью перебил Генрих. – Вот только о трагедии немецкого народа еще много лет нельзя будет говорить вслух. Что с нами сделали, Васька! – он вдруг заплакал. – Мой прапрадед в Питер в 1820 году приехал. А я город, в котором родился и вырос, перед смертью даже не увижу. Я ведь каждую мелочь помню, каждую улицу. И дождь. Помнишь, как мы жаловались, что в Ленинграде все время дождь? А сейчас я на этой раскаленной жаре дышать не могу и все время представляю на своем лице капли ленинградского дождя.

– Генка, – Василий уже все решил и был настроен решительно. – Давай отсыпем часть монет для тебя и твоей семьи. Я знаю Анзора, он не будет против.

– Нет, Вася. Ты заберешь все монеты и при первой же okazji вернешь их Анзору. Если он захочет, то сможет приехать ко мне или к моей семье, если меня уже не будет, и поступить так, как считает нужным. Но брать чужое без спросу мы не будем. Ни ты, ни я.

– Так ты сам их ему отдашь тогда, – упрямо сказал Василий. – Я ему напишу, где ты и как тебя найти. Он приедет, и вы с ним все решите.

– Нет, – Генрих покачал головой и слабо улыбнулся. Улыбка осветила его бледное лицо и даже на минуту разгладила черные тени под глазами. – Нет, Вася. Я, скорее всего, не доживу. Поэтому ты увезешь монеты с собой. И не о чем тут больше говорить.

Поезд шел через казахстанские степи. Лежа на верхней полке, Василий снова бездумно смотрел в окно, но ничего не видел. Перед глазами стояло худое лицо Генриха с больными, яростно горящими глазами. В ушах звенел его голос: «Что же они с нами сделали!»

Больше Василий Истомина никогда не видел своего друга. Генрих Битнер умер от легочного кровотечения спустя пять месяцев после визита Василия в Казахстан. Об этом его уведомила телеграммой Магда. Адрес он оставил Генриху, перед тем как уехать.

– Ты все там же живешь? – спросил друг, мельком взглянув на бумажку.

– Да. – Вася вздохнул, чувствуя почему-то нечеловеческую усталость. – Родительский дом женщине одной отдали. Вдове фронтовика. Ее Верой зовут. Я у нее и живу. С ней, – поправился он и, видя понимающий взгляд друга, добавил: – Она хорошая. Старше меня сильно, да это не важно. Я, когда о смерти Анны узнал, замерз весь внутри. А возле нее пусть немного, но теплее. Дочка у нее опять же, Иринка. Четырнадцать лет уже. И вопросов ко мне меньше. Молодой здоровый мужик не должен бобылем жить. Подозрительно это.

– Да не оправдывайся ты, – тихо сказал Генрих. – Я же все понимаю. Не каменный.

По адресу Веры и прислала телеграмму Магда и больше не ответила ни на одно его письмо. Как будто за какие-то неведомые грехи просто вычеркнула из жизни.

Глава 5. Миг между прошлым и будущим

Настоящий мужчина либо уже женат, либо слишком занят работой.

Жюльетт Греко

Наши дни

На похороны Вахтанга Василиса не пошла. Понимала, что не по-людски это – не попрощаться с человеком, которого ты когда-то любила, но пересилить себя не смогла. Вахтанг – подвижный, стремительный в движениях, озорной и непоседливый Вахтанг – не мог ассоциироваться с лежащим в гробу телом. Она хотела, чтобы в памяти он остался именно таким, каким был – с бьющей через край энергией и неукротимым желанием жить.

В местной газете «Курьер», которая всегда была в курсе городской жизни и громких скандалов, писали, что на похороны должны приехать родители погибшего. Вася вспоминала, как он рассказывал про них – с любовью и в то же время с легкой иронией. Ей так и не довелось познакомиться с ними воочию, и видеть этих достойных людей, двух профессоров, согнутых непосильным горем, не хотелось так же сильно, как и видеть стоящую у гроба жену Вахтанга.

Жена Вахтанга. Это словосочетание несколько лет казалось Василисе диким. Даже сейчас боль, которую наносили эти слова, не утихла и продолжала ныть под тонкой корочкой, казалось бы, зажившей ранки на душе.

После бурного романтического свидания у фонтана в парке у них с Вахтангом начался столь же бурный роман. Любовником он оказался пылким и страстным, правда, не всегда нежным. Василисе вовсе не нравилось разглядывать синяки, то и дело появляющиеся после свиданий то на руках, то на бедрах, то на попе.

Забываясь в экстазе, Вахтанг мог так отхлестать ее по ягодицам, что потом несколько часов было больно сидеть. Ей это не нравилось, о чем она попробовала ему робко сказать, и он тут же начал извиняться,

клясть себя последними словами и уверять, что больше такого не повторится. Проходило время, и у него вновь не получалось удержать себя в руках, и вновь на теле Василисы оставались следы его страсти. Это было неприятно, но терпимо. Во всех остальных смыслах Вахтанг представлял собой просто идеал любовника – внимательного, предупредительного, щедрого, готового на красивые романтические безумства.

В тот год он как раз и пристрастил Васю к московским театрам. Они срывались в столицу на спектакли иногда по два раза на неделе, так часто, как позволяли Василисины дежурства. Кстати, он решительно уговаривал ее бросить вторую работу. Дежурства на «Скорой» действительно выматывали, но Василиса привыкла в финансовых делах рассчитывать только на себя, поэтому на все заверения, что он будет помогать ей деньгами, если она уволится, отвечала вежливым, но решительным отказом.

Так же щепетильна она была и в вопросах ведения совместного хозяйства. Впервые Вахтанг предложил ей съехаться чуть ли не назавтра после сцены у фонтана. Однако Васе понадобился почти год, чтобы согласиться перевезти вещи в его квартиру.

Гражданский брак, как бы это ни было старомодно, она не приветствовала. Вася не была ханжой, поэтому понимала, что для того, чтобы спать вместе, мужчине и женщине не обязательно надевать кольца под марш Мендельсона, но в то же время ведение совместного хозяйства считала возможным только после свадьбы. Предложения же Вахтанг ей никак не делал.

Иногда, лежа ночью без сна, Вася думала о том, действительно ли ей хочется стать его женой. Ответа на этот вопрос у нее не было. С одной стороны, она видела, что к этому все идет. Это закономерно вытекало из отношений, которые между ними складывались. С другой стороны, законной супругой Вахтанга, носящей фамилию Багратишвили, она себя представить никак не могла. Не из националистических убеждений, упаси господь, но вот казалось ей, что ее суженого будут звать как-то по-другому.

Именно поэтому она и не настаивала на том, чтобы быть представленной родителям Вахтанга или познакомиться с его детьми. От погибшей в автокатастрофе жены у него остались двое детей – четырех и двух лет. Жили они у дедушки с бабушкой.

– А ты почему сам детей не воспитываешь? – как-то любопытствовала Василиса.

– Какой из меня отец? – он горько усмехнулся. – Мама – психолог, она может им дать все необходимое. А я – перекасти-поле. То один театр, то другой. Сегодня здесь, завтра там. Работа до полуночи. Гастроли. Да и вообще. Я не могу на них смотреть без слез, так они мне жену напоминают. Станут постарше, тогда уж.

От мысли, что он может переехать в другой город, у Василисы сжалось сердце. Она действительно раньше не думала о том, что творческая профессия подразумевает свободу перемещений, что в любой момент Вахтангу могут предложить возглавить труппу в любом другом театре страны, в том числе и в столице, и он, ничем не удерживаемый в их городе, уедет, оставив ее одну.

Пожалуй, именно эта горькая мысль и заставила ее согласиться на его уговоры и все-таки съехаться под одной крышей. Снова стояло лето, и жаркий предгрозовоый ветер гнал по улицам тополиный пух, когда она загрузила в такси несколько чемоданов со своими вещами и нырнула в новую жизнь, так и не став Вахтангу законной женой.

Положа руку на сердце, сказать, что после этого что-то принципиально изменилось, было трудно. Утром она вставала, когда он еще спал, и убегала на работу, стараясь не греметь чашками. После работы она покупала продукты и готовила ужин, дожидаясь его дома, если они не договаривались куда-нибудь сходить или съездить, или мчалась в театр или на вокзал, если они куда-нибудь отправлялись.

С вечерних спектаклей он возвращался не раньше десяти вечера, когда хронически невысыпающаяся из-за дежурств Василиса уже клевала носом. Они ужинали, занимались любовью, а потом она все-таки засыпала, не дожидаясь, пока он уляжется в постель. Проснувшись от какого-то звука, она в полудреме видела, как Вахтанг смотрит какой-нибудь фильм в Интернете, ероша волосы, читает новый сценарий или азартно «режется» в танчики. Спать он ложился в два, а то и в три часа ночи, когда Василиса уже находилась в глубоком и ровном сне.

Встав в шесть утра, она с нежностью вглядывалась в его молодое, красивое, породистое лицо и нет-нет да и задумывалась, могут ли люди со столь разным жизненным укладом и распорядком дня жить одной семьей.

То, что Вахтанг меняется, она заметила не сразу, а оценила и сформулировала и того позже. Он стал гораздо резче разговаривать с нею. В его голосе то и дело мелькали собственнические нотки. Он указывал ей, что носить, а что не стоит. Выказывал недовольство, если она после работы отправлялась на встречу с подругами. Устраивал сцены ревности из-за брошенного в ее сторону взгляда случайного прохожего. Все чаще он был раздражен или недоволен. Раздражение и недовольство были вызваны именно ею, Василисой.

Первый звонок, который заставил ее задуматься и серьезно с ним поговорить, прозвенел в октябре. Вася тогда уехала в деревню, где на тот момент еще жили не переехавшие к ней поближе мама и бабушка. Квартира в соседнем доме была уже куплена, но решиться на окончательный переезд они все еще не могли, хотя Вася и работу маме уже подыскала – в поликлинике той же больницы, где работала сама. Василиса маму с бабушкой особо не торопила, потому что не представляла, как объяснит им, что живет не дома, а у Вахтанга.

В деревню она поехала, отпросившись с работы на пятницу и вернувшись в субботу вечером. Вахтанга дома не оказалось. Не успела она разобрать сумку, выгрузить банки с солеными огурцами и квашеной капустой, картошку и морковку, любовно собранную мамой для дочки, как ей позвонила подруга.

С Лидкой они познакомились на абитуре, когда вместе, трясаясь от страха, сдавали вступительные экзамены. Василисе с ее золотой медалью нужно было сдать только один, но обязательно на «пять», что она и сделала. Лидка же сдавала все три, и Вася, успевшая привязаться к конопатой смешливой девушке, приходила ее поддержать в дни остальных испытаний.

Лидка была местная, и у нее дома Василиса частенько оставалась ночевать, отдыхая от общежитских будней. На втором курсе подруга выскочила замуж за их однокурсника – долговязого вихрастого Славку, помешанного на медицине и едва заметившего, что он, оказывается, женился. В конце третьего курса у них родилась дочка, которую назвали Лизой, и после этого подруга осознанно выбрала специализацией педиатрию.

Дружба их прошла испытание временем и Лидкиным семейным счастьем. Они встречались не часто, но созванивались почти ежедневно, будучи полностью в курсе жизни друг дружки. Лидка была

единственным человеком, который знал про роман Василисы с Вахтангом. Остальным знакомым Вася про это не рассказывала, так как с детства была человеком довольно скрытным и замкнутым.

И вот сейчас ей звонила Лидка, которая с места в карьер накинулась на подругу.

– Этот твой, он что, совсем ненормальный?

– Лид, здравствуй, что случилось? – однако остановить цунами, в центре которого бушевала Лидка, было не так-то просто.

– Это я у тебя должна спросить, что случилось. Мне твой ненормальный грузин в два часа ночи позвонил с криками, чтобы я немедленно отправила тебя домой, к нему!

– Лид, ты что, заболела? – осторожно поинтересовалась Василиса. – Я же к маме с бабушкой ездила, и Вахтанг про это прекрасно знал, как и про то, что у нас в деревенском доме частенько связь пропадает. Точнее, она только в снях берет.

– Вот-вот, – непонятно что подтвердила Лидка. – Он до тебя не дозвонился и начал мне обрывать телефон с воплями, что твое место рядом с ним и что я должна немедленно сделать так, чтобы ты лежала возле него в постели.

– Что за бред?! – не выдержала Василиса.

– Вот именно. Он так орал в трубку, что у меня Лизок проснулась. Я пыталась с ним спокойно поговорить, фактически как врач, но он реально бесновался, Васька. Пришлось Славке трубку брать, чтобы его на место поставить.

Представить себе тихого Славку, который ставит на место Вахтанга, Василисе было не под силу, но и картину в целом, описываемую подругой, она тоже не представляла. Хлопнула входная дверь, и в комнату вошел Вахтанг, просиявший при виде любимой.

– Пока, Лида, я тебе перезвоню, прости, что так получилось, – быстро сказала Василиса и, отключившись, решительно повернулась к Вахтангу. – Что это было? – спросила она.

– Что именно?

– Ты зачем ночью звонил Лиде? Ты что, не понимаешь, что у нее ребенок маленький? Люди так-то спали уже. Какая муха тебя укусила, ты же знал, что я у мамы?

– Никто меня не кусал, и я не знаю, где ты была, – тут же завелся в ответ Вахтанг. – Это ты сказала, что поехала к маме и бабушке, но

как я мог это проверить?

– Да зачем это вообще проверять? Ты что, мне не доверяешь? Ты считаешь, что я могу тебя обмануть? В такой мелочи? Вахтанг, я не смогу жить с человеком, который считает меня обманщицей.

– Ну, прости, прости, малыш, – он попытался ее обнять, но Василиса решительно высвободилась из его рук. Ласковые прозвища она ненавидела. – Мне было одиноко без тебя. Я уже привык, что ты всегда лежишь ночью рядом со мной. А тут тебя не было, вот у меня крышу и снесло.

– Какое отношение мои друзья имеют к твоей крыше? – воскликнула Василиса, которая вдруг поняла, что по-настоящему разозлилась. – Вахтанг, ты что, не понимаешь, что поступил некрасиво, разбудив семью, в которой есть ребенок?!

– Они не спали! – закричал вдруг Вахтанг. Лицо его покраснело.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю. Я абсолютно убежден в том, что они не спали. И не делай мне замечаний, поняла? Никогда больше не смей мне что-то выговаривать!

– Да ради бога, – Василиса сжала зубы. – Но и ты тогда больше никогда не смей поступать так, как прошлой ночью. Я свободная женщина. Я буду ходить и ездить туда, куда считаю нужным. И когда я буду тебя об этом предупреждать, ты каждый раз можешь быть уверен, что я именно там, где сказала. Понял?

– Ну, ладно-ладно, – его пыл угас так же внезапно, как и возник. Лицо приобрело нормальный цвет, только грудь еще учащенно вздымалась под тонкой фирменной футболкой. – Вася, пожалуйста, давай не будем ссориться. Я не люблю, когда ты сердишься.

– Давай не будем, – согласилась Василиса. – Я картошки привезла и огурцов соленых. Будешь?

– Буду, – тут же согласился Вахтанг и облегченно засмеялся, что ссора позади. Тогда она не придавала этому эпизоду особого значения. Ну мало ли почему у любимого мужчины в мозгу перемкнуло? Кавказская кровь горячая, мог и приревновать. В конце концов другим женщинам это бы только польстило.

Второй звонок прозвенел месяца через два. Василиса тогда осталась на внеплановое дежурство. Вообще-то дежурить должен был другой доктор, но у него жена сломала ногу, и он понесся с ней в

травмпункт, упробив Василису его подменить. Она согласилась, потому что в таких случаях никогда не умела отказывать. Людям нужно помогать, что в этом такого.

У Вахтанга шла репетиция, поэтому о том, что она не придет ночевать, Вася предупредила его эсэмэской. Предупредила и тут же забыла о нем, полностью погрузившись в привычную круговерть кардиологического отделения, в котором работала. Послеоперационных больных у нее было сразу трое, поэтому отлучиться из реанимации она не могла даже на минуту.

Около десяти часов вечера в блок интенсивной терапии заглянул заведующий отделением доктор Заварин. Сегодня он тоже дежурил, и Василиса была этому очень рада. Заварин был не только хирург от бога, но и просто на редкость хороший врач. В его дежурства почти никогда не умирали пациенты, это Василиса успела заметить еще в первый год работы.

– Вы что-то хотели, Константин Алексеевич? – спросила она. Заварин смотрел на нее и молчал. – Что-то случилось?

– Послушай, Василиса, – после достаточно длительной паузы спросил хирург, взгляд его был каким-то странным, – а у тебя дома все хорошо?

– В смысле? – В груди похолодело, мысли заскакали ранеными зайцами, обгоняя одна другую: что-то с мамой? С бабушкой?

– Этот человек, с которым ты живешь, он тебя не обижает?

– Откуда вы знаете? – Василиса зарделась горячечным румянцем. – То есть откуда вы знаете, что я с кем-то живу? Он меня не обижает, так что про это знать вы не можете. Почему вы вообще задаете мне такой вопрос, Константин Алексеевич?

– Да потому что имел сейчас удовольствие разговаривать с ним по телефону. Сомнительное удовольствие, я тебе скажу.

– Вахтанг что, звонил? Сюда? – все еще не понимала Вася.

– Ну да. Сюда. На мой телефон, в кабинет заведующего отделением. С криками, что твое место – рядом с ним и я должен сделать все от меня зависящее, чтобы немедленно отправить тебя домой.

– Что за чушь? – спросила Василиса, холодея и понимая, что нет, не чушь. Вахтанг действительно звонил Заварину и кричал в трубку, как совсем недавно на Лидку.

– Это я у тебя должен спросить, – Заварин снял, протер и надел обратно очки в тоненькой золоченой оправе. – Истомина, что это у тебя за такие горячие поклонники появились? Ты уж осторожнее, милая моя. С такими эмоциями он тебя рано или поздно зарежет еще, не дай бог.

– Да ну вас, Константин Алексеич. – Васе было неловко, у нее даже шея под воротничком белого халата стала мокрая и начала чесаться. – Он нормальный человек. Главный режиссер нашего театра драмы. Нашло на него что-то. Я разберусь.

– Да уж, разберись, – неожиданно жестко сказал заведующим. – Мне тут в ночное время разборки не нужны. И так проблем хватает.

Когда Заварин ушел, Василиса схватила телефон и набрала номер Вахтанга.

– Ты что, ополоумел?! – закричала она, даже не поздоровавшись. – Ты что себе позволяешь? Ты что, не понимаешь, что это больница? Тут тяжелые больные, это тебе не театр, и нечего тут спектакли устраивать!

– Иди домой, – в голосе Вахтанга слышалась упрямая злость. – Я хочу, чтобы ты была сейчас рядом со мной.

– А я хочу жить на Мальдивах. Вахтанг, ты же не ребенок! Что за выкрутасы? Ты же меня перед руководством позоришь! Как я теперь буду людям в глаза смотреть?

– А никак. Увольняйся к чертовой матери из своей больницы! Я хочу, чтобы, когда я возвращаюсь домой, ты всегда была здесь.

– Мало ли чего ты хочешь! – пытаюсь унять прыгающую нижнюю губу, возразила Вася. – В данном вопросе важно, чего хочу я. А я хочу, чтобы ты никогда не смел мне указывать, что делать. Тоже мне, падишах нашелся!

Назавтра оба они старательно делали вид, что ничего не произошло. К тому ночному разговору они больше никогда не возвращались, а спустя еще несколько месяцев случилось то, о чем Василиса до сих пор не могла вспоминать без внутренней дрожи.

Опять цвело и благоухало жаркое лето. Они уже больше не ездили на велосипеде, да и гулять выбирались крайне редко. Их совместная жизнь превратилась в обычную семейную рутину. Иногда Василисе казалось, что они женаты уже лет десять, не меньше. Она как раз подумывала о том, чтобы познакомить Вахтанга с мамой, тем более

что в начале сентября она вместе с бабушкой все-таки должна была перебраться в этот город.

У Васи был выходной, который она потратила на то, чтобы отнести в ремонт требующие починки брюки с поломанной молнией, закинуть в химчистку два Вахтанговых пиджака, купить на рынке пятикилограммовое ведерко свежей морошки, и по дороге домой, неожиданно для самой себя, завернула в театр.

За два года она так и не привыкла к тому, что может приходиться в храм искусства через служебный вход. На вахте сидела новая, совершенно ей незнакомая бабулька с накладными буклями. Яркорыжие, они смотрелись на абсолютно седой голове инородно и нелепо, но такие странные персонажи встречались в театре на каждом шагу.

Актерская жизнь изнутри напоминала театр абсурда. Здесь кипели кукольные страсти, разыгрывались постоянные трагикомедии и фарсы. Здесь горе отливало лицедейством, а радость выглядела пошлой и ненатуральной. Даже не со сцены здесь говорили преувеличенно громко. И вообще, здесь все было «весьма чересчур», как любил повторять один Василисин дальний знакомый.

– Вы к кому? – с подозрением спросила бабулька с буклями.

– К Вахтангу Гурамовичу, – вежливо ответила Василиса.

– Ой, так вы, наверное, евонная жена, – бабулька расплылась в сладкой улыбке. Вася как раз хотела открыть рот, чтобы сказать, что нет, мол, не жена, просто знакомая, но не успела. – Он как раз предупредил, что к нему жена должна приехать, – продолжала бабулька, – так и сказал, ты уж ее пропусти без помех, Таисья Карловна. Таисья Карловна – это я, – зачем-то добавила она.

У Василисы было такое чувство, будто ей на место позвоночника вогнали огромный осиновый кол. Стоя на выщербленной плитке грязного, затертого тысячами ног пола в служебном фойе театра, она, как выброшенная на берег рыба, только открывала и закрывала рот.

Понимая, что выглядит глупо, и не желая быть захваченной пронизательной вахтершей врасплох, она быстро прошла по низкому темному коридору к лестнице, поднялась на второй этаж и сто раз хоженным маршрутом достигла служебного кабинета Вахтанга.

– Васька! – Он, явно обрадованный, выбрался из глубокого кресла и шагнул ей навстречу. Этот кабинет ничем не напоминал увиденный ею два года назад. Сейчас он был не пыльным и затхлым, а стильным и

современным. Стеклопанная ширь окна, открывающая вид на зеленый парк с фонтаном. Тем самым фонтаном! Льянные шторы на окнах, хром и никель авангардной, явно сделанной на заказ авторской мебели. Кабинет очень шел Вахтангу, который смотрелся в нем совершенно органично. – Как здорово, что ты пришла!

– Вахтанг, ты что, женат?

– Бабка на вахте проболталась, – догадался он. – Ну да, женат.

– А как же история с автокатастрофой?

– Каюсь, – он картинно развел руками, – придумал, очень хотелось произвести на тебя впечатление.

– Тебе это удалось, – сухо сказала Василиса. – О чем ты еще соврал? – Он немного потупился.

– О детях. На самом деле у меня их нет. Нина, моя жена, не может иметь детей.

– И как давно вы женаты?

– Семь лет. Поженились, как только я институт окончил. Нина старше меня на шесть лет. Когда я сюда переехал, она осталась в Саратове, я до этого там работал. Мы решили, что я должен обжиться на новом месте, войти в творческий процесс. Вот сегодня приезжает.

– И когда ты собирался мне про это сказать? Что я должна освободить жилплощадь?

– Не знаю, Васька. Я думал, что, может, Нина пока в гостинице поживет, а потом что-нибудь придумается.

– Вахтанг, ты вообще нормальный? – осведомилась Вася, чувствуя, как у нее останавливается сердце. – Ты почему мне сразу не сказал, что ты женат и что твоя жена просто осталась в другом городе?

– Так ты бы тогда не стала со мной встречаться, – обескураженно ответил он. – Васька, на тебе же все было написано с самого начала, какая ты правильная! Я и сейчас предлагаю не принимать поспешных решений. Я тебя люблю, мне с тобой хорошо, и тебе, я полагаю, со мной тоже, поэтому надо пока оставить все как есть.

– А все и останется как есть, – устало заверила его Вася. – Ты будешь жить со своей женой, а я вернусь к себе домой, тем более что у меня скоро мама с бабушкой приезжают.

– Но мы же будем продолжать встречаться?

– Нет, Вахтанг, не будем.

– Но почему? У тебя же никого нет мне на замену. Мы можем по-прежнему ездить в театры, я буду приходить к тебе ночевать. Хочешь, я вообще к тебе перееду? Нина поймет, я знаю. Она мне все прощает, потому что любит.

– Нет, не хочу.

– Но почему???

– Потому что ты ради того, чтобы я обратила на тебя внимание, легко и непринужденно убил свою жену. Ты был чертовски убедителен, когда рассказывал, как чувствовал, что не можешь смыть с себя ее кровь. Я боюсь, что твои фантазии рано или поздно могут воплотиться в жизнь. Ты очень творческий человек, Вахтанг. Чересчур творческий. Это не по мне.

От воспоминаний Василису отвлек звонок телефона. Тяжело дыша, как будто и впрямь ныряла, она всплыла на поверхность реальной действительности и схватила трубку.

– Алло. Говорите, я вас слушаю.

Звонил следователь, вежливо, но настойчиво приглашающий ее на встречу. Чтобы не затягивать неизбежное, Василиса согласилась приехать прямо сейчас. Через полчаса она уже входила в маленький кабинет, где помимо знакомого ей майора Ивана Бунина сидел еще один человек, назвавшийся следователем Александром Меховым.

Отвечая на их вопросы, прямолинейные и с двойным дном, Василиса была совершенно спокойна. Она лучше кого бы то ни было знала, что к убийству Вахтанга не имеет никакого отношения. Конечно, три года назад она бы с удовольствием огрела его по голове чем-нибудь тяжелым, но сейчас... Убийство могло быть вызвано только сильными эмоциями, а никаких сильных эмоций в отношении Вахтанга Багратишвили она больше не испытывала. Так, отголоски былого. Как легкая пастельная радуга после прошедшего дождя, но уж никак не багряно-кровавая буря со штормовым ветром.

Правоохранители, похоже, считали иначе. В их глазах история ее романа, а главное, его печальное завершение были прекрасным поводом для мести. Пусть даже спустя три года.

– Вы сказали, что Вахтанг был зарублен топором, – Василиса попыталась заставить сидящих перед ней мужчин включить логику. – Я, конечно, врач, и руки у меня достаточно сильные, но не думаю, что

у меня хватило бы сил прорубить череп мужчине. Вахтанг был намного выше меня и уж тем более гораздо сильнее.

– Что ж вы не уточняете, что умеете с топором обращаться, потому что выросли в деревне, уважаемая Василиса Александровна? – издевательским голосом спросил следователь. – И руки у вас действительно сильные. И как врач, анатомию человеческую вы знаете неплохо. И экспертиза показала, что убийца гражданина Багратишвили был гораздо ниже его ростом. С большой долей вероятности наш эксперт допускает, что убийцей могла быть женщина.

Неприлично открыв рот, Василиса в изумлении смотрела на него.

– Но я не могла быть одновременно в лесу, совершая убийство, и в поезде, из которого увидела тело! – воскликнула она.

– Конечно, не могли. Но убийство было совершено за полтора суток до того, как поступило ваше сообщение, – спокойно ответил Мехов. – Вы вполне могли вернуться домой, совершив преступление, затем, чтобы обеспечить себе алиби, тут же сесть на поезд и, проезжая мимо нужного места, сообщить обо всем проводнику. Именно так вы и сделали.

– Но зачем? – воскликнула Вася. – Если бы мне повезло совершить убийство и незамеченной покинуть место преступления, я бы ни за что не стала громоздить всю эту историю с увиденным в окно поезда телом! К чему такие сложности? Рано или поздно Вахтанга все равно бы кто-нибудь нашел, и никому бы даже в голову не пришло связать его убийство со мной. Мы расстались три года назад. Даже в разгар нашего романа о нем мало кто знал, а уж сейчас эта старая история и подавно никому не интересна.

– Ошибаетесь, – Мехова, казалось, нисколько не выводила из себя ее горячность. А вот Бунин смотрел на нее с некоторым сочувствием. – Жена гражданина Багратишвили, Нина Веденеева, сообщила, что ее муж был по-прежнему увлечен вами и прилагал огромные усилия к тому, чтобы вас вернуть.

Жена Вахтанга. Это словосочетание снова вызвало у нее легкую дрожь. Василиса представила высокую, худую, изможденную женщину с больными горящими глазами. Из-за постоянной, сводящей с ума ревности она выглядела много старше своих сорока лет. Василиса иногда сталкивалась с ней на выставках или премьерных спектаклях. О том, что эта женщина и есть жена Вахтанга Нина, ее

просветила театральная реквизиторша Катюша, с которой она познакомилась во время частых забегов в театр и с которой случайно столкнулась как-то в фойе. То, что Нине тоже известно, кто она такая, Василиса поняла по частым, острым взглядам, которые Нина бросала в ее сторону. Да что там, просто глаз не сводила.

«На мне ведь узоров нету и цветы не растут», – каждый раз хотелось сказать Василисе, но, чувствуя пусть и невольную, но все-таки вину перед этой женщиной, она опускала глаза и проходила мимо.

– Она ошибается, – тихо сказала Василиса сыщикам, ожидающим ее ответа. – Он вовсе не старался меня вернуть. Просто у Вахтанга был сильно развит собственнический инстинкт, и он считал неправильным, что это я его бросила.

– А это вы его бросили? – уточнил Мехов.

– Да. Я. Потому что единственное, что мне в жизни трудно простить, – это ложь. Тем более такую жестокую и бессмысленную, как та, что он нагромоздил.

– И он не просил вас вернуться к нему?

– Просил. Примерно с полгода после того, как я переехала, он звонил мне, подстерегал у подъезда. Пытался поговорить и изменить мое решение. Один раз он устроил сцену, некрасивую сцену, в отделении, где я работаю. Но потом он понял, что я настроена решительно. И отстал. Поймите, у нас не могло быть возврата к прошлому, и пусть и не сразу, но он с этим смирился.

– А вы?

– Я? Я живу дальше, – честно призналась Василиса. – Не буду врать, что мне легко далась эта история. Я и рыдала, и подушку грызла, и иногда думала, что, позови он вот сейчас, все брошу и к нему побегу. Но наставало очередное утро, и я говорила себе, что есть черта, через которую нельзя переступить, не потеряв уважения к себе.

Вахтанг Багратишвили – очень большая и важная часть моей жизни, но она осталась в прошлом. И в настоящем, которое меня окружает и к которому я привыкла, я бы ни за что не стала совершать поступки, лишаящие меня будущего.

– А вы представляете для себя будущее без Багратишвили? – спросил Бунин.

– Конечно. Его уже несколько лет нет в моем настоящем. И я абсолютно уверена, что у меня будет семья, хороший муж, дети.

Знаете, как говорят: «Все приходит вовремя к тому, кто умеет ждать».

* * *

Самое сложное – уметь ждать.

Вернее, не так. Самое сложное – это уметь ждать, соблюдая при этом спокойствие.

Не бегать по стенам, не заламывать руки, не проверять ежеминутно свой телефон в поисках непринятого звонка или долгожданной эсмэски. Не приставать ни к кому с вопросами. Не жаловаться на жизнь. Не рыдать, не терять сон и аппетит, не впадать в депрессию.

Да. Это действительно очень непросто – выдержать испытание временем, в которое с тобой абсолютно ничего не происходит.

И совершенно не важно, о чем идет речь. Одинаково трудно ждать, пока вывешат списки о зачислении в институт, дадут ответ о приеме на новую работу, придет отклик на отправленный тобой проект, пока кончится жизненно важная операция у дорогого человека или пока отболит внутри после тяжелого и бурного расставания.

Пройдет. Отболит. Закончится. Поступится. Заработается. Все будет хорошо. Но не сразу. И это время нужно переболеть и перетерпеть, стиснув зубы, сохранив достоинство, не растеряв оптимизма и сил для будущих свершений. Самое сложное – оставаться хозяином ситуации, какой бы непростой она ни была.

Глава 6. Дорога в безнадежность

*Да, говорят, что неудачи делают нас сильнее.
Но трудно дышать, когда в тебя никто не верит.*

1953 год

Поезд громадным удавом полз сквозь леса и поля куда-то на север. Лежа на привычной верхней полке, Василий лениво и безучастно смотрел за окно и представлял, что все, что проплывает мимо вагона, уже вобрано в себя огромным ползучим чудовищем, сожрано им, пережевано, как человеческие судьбы, переварено до состояния кашеобразного месива, навсегда погребено в недрах громадного, беспощадного желудка. За хвостом чудовища не оставалось ничего, кроме безнадеги. Впереди, куда еще не добралась его алчная, широко открытая пасть, еще теплится жизнь, новая, неизведанная, но вряд ли счастливая.

Впервые за последние годы Василий был рад, что так и не женился. Ссылка в маленькую, забытую богом деревню в Вологодской области касалась его одного. Его политическая неблагонадежность, которую он так долго скрывал под личиной настоящего коммуниста, как сказал на допросе следователь, разбирающий его дело, не могла нанести ущерба жене и детям, поскольку у него их не было.

Вера, конечно, всплакнула по поводу его отъезда, но отправиться с ним не предложила. Да он бы и не согласился. Эта женщина, так и оставшаяся чужой, ночами согревала его постель, но в сердце оставался холод, поселившийся там после известия о смерти Анны.

Он покорно принимал ее жаркие ласки. С благодарностью надевал выстиранное ею белье и съедал приготовленную ею еду, но все это ни в малой степени не напоминало ту семейную жизнь, которая когда-то была у его родителей и о которой в далекой довоенной наивной юности мечтал он сам.

Пожалуй, в том, что его насильно отрывали от Веры, таился огромный плюс положения, в которое он попал. Сам бы он не ушел, жил бы дальше тягучей унылой жизнью, в которой не было ни любви,

ни привязанности, лишь жалость, помноженная на все ту же безнадежность.

Он знал, что и Вера его не любила. Он был слишком молод для нее. Слишком мрачен. Слишком непонятен. Его книги на немецком языке, когда-то не возвращенные Битнерам, которые он то и дело перечитывал, она, вытирая пыль, перекладывала с боязливым недоумением. Рассказы об удачных операциях вызывали у нее пугливую дрожь. Вера не терпела не только вида крови, но даже намеков на нее. Она жила с ним как жена, потому что мужик в доме все-таки нужен. Да и дом этот, как ни крути, был его, и хоть Василий и сказал, что не будет предъявлять на жилье никаких прав, когда он вернулся, она молча разрешила ему сначала войти, а потом остаться.

Они жили как соседи, волею судьбы оказавшиеся под одной крышей, и, несмотря на близость тел, так и не породнились душами. Его арест, а потом ссылку Вера приняла как роковую неизбежность. А может, в глубине души, так же как и он, вздохнула от появившегося чувства избавления от обрыдлого ярма совместной жизни.

То, что он уезжал, было хорошо еще и из-за Иринки. За те восемь лет, что они провели под одной крышей, он привязался к девочке, которую считал кем-то вроде младшей сестренки. В дочки ему она, конечно, не годилась, а вот в сестренки – в самый раз.

Сейчас ей было уже шестнадцать, из гадкого длинноногого и длинношеего утенка она вдруг в одночасье превратилась в прелестную барышню с округлыми, очень женскими формами и кокетливым взглядом, бросаемым из-под опущенных ресниц. Этот взгляд, очень взрослый и очень женский, Вася привык различать на фронте. Взгляд был призывным, в этом он уж точно не ошибался. Иринка смотрела на него как на мужчину, а это в его планы точно не входило. Для него она была хоть и чужим, но все-таки ребенком. Так что хорошо, что ему пришлось уехать из Ленинграда, очень хорошо.

То, что его не посадили, а всего лишь сослали, несомненно, было заслугой его недавнего пациента, майора НКВД. На третий день после ареста он вошел в кабинет, где находился к тому моменту уже полуживой Василий, сухо приказал выйти избивавшему его капитану и сухо, коротко, не глядя в глаза, сообщил, что Истомина высылают из Ленинграда и отправляют врачом в сельскую больницу. Село Константиновское, Погореловский сельсовет, Вологодская область.

– Больше ничего не могу сделать, – морщась от дыма своей же папиросы, сказал майор. – Я, конечно, ваш должник, Василий Николаевич, если бы не вы, загнулся бы я от своей язвы, но не могу. И так собой рискую, вы уж поверьте.

– Я верю, – разбитым в кровь ртом ответил Василий. – Спасибо и на том. А деревня – что ж, в деревне тоже люди живут. Хорошо, что врачевать разрешаете.

На сборы ему дали всего один день. И вот, неловко чмокнув Веру куда-то в край уха, он, не оглядываясь, ушел из родного дома, на вокзале сел в вагон и теперь, сидя в брюхе раскормленного поезда-удава, ехал к своей новой жизни.

До цугундера Истомина довела любовь к порядку. Педант и чистюля он был невероятный, поэтому раз в месяц обязательно наводил порядок в своем рабочем столе, в котором и до этого все лежало строго на своих местах.

Тем не менее в промежутке между операциями Василий вытряхнул все из ящика стола, протер сам ящик влажной тряпкой, постелил свежую газету, убрал все вещи, проследив, чтобы они лежали в нужном ему порядке, старую газету затолкал в мусорное ведро и снова ушел в операционную.

Газета в ведре и стала поводом для доноса. Раскладывая ее на дне ящика, а затем выкидывая, Василий совершенно не подумал о том, что передовица номера посвящена товарищу Сталину и снабжена его же фотографией. За то, что он выкинул в помойку изображение великого вождя, его и арестовали.

В первую же ночь, проведенную в камере, Василий путем недолгих логических умозаключений пришел к выводу, что донес на него, скорее всего, Игнат. Верный Игнат, с которым он выбрался из окружения в сорок первом, прошел через всю войну, спал под одной шинелью, устроился в одно отделение Александровской больницы и уже восемь лет не отпускал от себя ни на шаг.

Поступать в институт Игнат отказался наотрез, но работу свою выполнял хорошо и аккуратно, давая фору медсестрам и пользуясь уважением пациентов. Пару лет назад Василий, став ведущим хирургом, выбил для Игната назначение на должность старшего медбрата отделения. Это повлекло за собой повышение зарплаты, и Игнат, который, в отличие от своего фронтowego товарища, обзавелся

женой и дочкой, был Истомину очень благодарен, о чем не уставал напоминать при любом удобном случае. И при первом же удобном случае, которым стала выброшенная газета, он сдал Василия в НКВД.

Зачем он это сделал, для Васи так и осталось загадкой. Поступок Игната казался алогичным. Он не нес никакой выгоды лично для него, и Василию было странно, что, поддавшись на голос «черного человека» внутри себя, Игнат так легко разрушил то фронтовое братство, которое между ними установилось.

Впрочем, думать про Игната было неинтересно. Вспомнив про него на мгновение в душном и дымном пространстве вагона, Василий потрянул головой, провожая некстати нахлынувшую мысль, и снова посмотрел в окно. Поезд стоял в Череповце. Именно сюда отправили высланного из Ленинграда Генриха, именно отсюда он отправился дальше, в Казахстан. И по иронии судьбы Василий, тоже высланный из родного города, проездом оказался именно здесь.

«Все в жизни повторяется», – подумал он равнодушно.

Это непривычное, убийственное равнодушие появилось в нем сразу после ареста. Как будто часть души отмерла, покрывшись потрескавшейся коркой. Где-то там, под коркой, остались живые мысли и чувства, но им не удавалось пробиться наружу, будто погребенным под застывшей лавой.

Так же легко, как будто скользя по поверхности, он вспоминал про последнюю встречу с Анзором Багратишвили. Того перевели из Азербайджана в Белоруссию, и по пути в новую часть он заехал на несколько дней в Ленинград, чтобы повидаться со старым другом. Было это всего за пару месяцев до Васиного ареста, и он благодарил судьбу, что она позволила им с Анзором свидеться до того, как его жизнь круто изменилась.

В пятидесятом году друг женился, а спустя положенные природой девять месяцев у него родился сын Гурам. Анзор, ссылая пепел с папиросы, тыкал в лицо Василию фотографии, с которых улыбался щекастый двухлетний карапуз с темными кудрявыми волосами.

– Сын, сын у меня, Васька, – звонко кричал он, – наследник славного рода Багратионов!

– Послушай, наследник рода Багратионов, – улыбаясь от того, что он был чертовски рад его видеть, сказал Василий. – Я по твоим

письмам знаю, что у тебя сын. Но ты послушай, что я тебе расскажу, у Генки тоже сын. Адольфом зовут, Адей.

– Адольфом? – Анзор еще больше выкатил свои черные навывкате глаза. – Погоди, в каком году он у него родился?

– В сорок третьем. Но ты не суди, Анзор. Им столько лиха пришлось хлебнуть, нам с тобой и не снилось. Я же ездил к нему, к Генке. В Казахстан ездил.

– Да ты мне писал, – Анзор все никак не мог прийти в себя от известия, что Генрих назвал сына Адольфом. – Я все понимаю, Васька. Трудно им пришлось. Но всей стране было трудно. Война же какая была. Кто-то невинно пострадал, да, но думаю, что большинство правильно сослали. Жестокое время – жестокие решения, да.

– Да погоди ты, не о том говоришь, – поморщился Василий. – Генка-то, несмотря на все свои несчастья, монеты твои сохранил. Ну, помнишь, клад Наполеона?

Анзор резко повернулся от окна, в которое курил.

– Да не может быть! – выдохнул он.

– А вот и может. Он и в блокаду смог их сохранить, и в ссылке. Ни одной монеты на себя не потратил, дурачок, хотя они торф ели, из навоза себе дом строили. Вот, смотри.

Подойдя к шкафу, он пошарил рукой под стопкой белья и вытащил на свет тугую колбаску с монетами. Звякнул, развязываясь, мешочек, выкатились на стол серебряные кругляшки с Петром Вторым на аверсе.

– Рубль 1727 года, – сдавленным голосом сказал Анзор. – Три короны на груди. Чистое серебро. Весит около тридцати граммов. – Он поднял на Василия горящие лихорадочным огнем глаза. – Васька, твой друг Генрих – большой души человек, да. Настоящий человек. Таких редко делают.

– Он умер уже, – горько ответил Вася. – От туберкулеза. Там, в Казахстане, и умер. Он мне сказал, что его на этой земле держала только необходимость вернуть тебе монеты. Вот он их мне передал и после этого умер, Анзор.

– Да, большой души человек. Светлая ему память. – Анзор немного помолчал. – Вот что, Вася, я тебе скажу. У меня сын. Мне ему эти монеты нужно передать как память о роде Багратионов. Это важно, да, – как всегда в минуты особого душевного волнения, у него вдруг

прорезался грузинский акцент, абсолютно незаметный в обычной речи. – Но у твоего Генриха тоже сын, да. Пусть его и зовут Адольф, но он тоже Битнер. Поэтому вот это, – он высыпал монеты на стол, быстро отсчитал десять штук и ссыпал обратно в мешочек, который положил в карман, – вот это моему Гураму, да. Вот это, – он отсчитал еще десять монет, обернулся по сторонам в поисках подходящего кусочка ткани, не нашел, взял с подоконника газету и завернул монеты в нее, – это ты передашь Адольфу, когда он чуток подрастет. Вот поедешь в следующий раз в Казахстан и отдашь. А вот эти, – он пододвинул оставшиеся десять серебряных кругляшков на другой край стола, поближе к Василию, – эти тебе, Васька. Когда-нибудь у тебя тоже будет сын, не спорь, и я хочу, чтобы у него тоже осталась память о нашей дружбе. Это по-честному, да.

– Для Адольфа возьму, – кивнул головой Василий. – Это действительно правильно будет, Анзор. По-честному. Только в Казахстан ты сам съездишь и сам семье Генриха эти монеты отдашь. Хорошо? У меня они их не возьмут, я предлагал уже. А мне вообще ничего оставлять не надо. Я их во время войны не берег, и в голодные времена судьба меня их на хлеб обменять не искушала. Так что мне не за что, Анзор.

– Не важно, – тихо сказал друг, и его смоляные мохнатые брови сошлись на переносице. – Ты их привез, ты их тоже не продал, а до меня сберег. Я бы и не узнал, что они уцелели, да. Брось, Васька. Мы двадцать второго июня сорок первого года их втроем рассматривали. Ты, я и Генрих. Вот на троих и поделим. Нашим детям.

– Так нет у меня детей, – слабо возразил Вася.

– Будут, Васька, я точно знаю, обязательно будут. Адольфа я найду. Обязательно найду, обещаю. И давай больше не будем об этом говорить.

Больше они об этом действительно не говорили. Три дня мотались по любимым местам в Ленинграде, смотрели, как разводят мосты, сходили в Эрмитаж, сбегали в родной институт, Василий познакомил Анзора с персоналом Александровской больницы. Вскоре друг уехал к месту нового назначения, а Василия спустя пару месяцев сослали в далекую Вологодскую область, по которой и полз сейчас беспощадный поезд-удав, оставляя позади все, что Василий любил, все, что было ему когда-то дорого.

«Что ж, я как перекасти-поле, нет у меня ничего за спиной, все ушло. Родители, Анна, друзья, работа... Нет у меня корней, и впереди тоже ничего не будет, – горько думал Василий, сжимая в кармане пиджака сверток с десятью серебряными монетами. – Так не все ли равно мне, где жить?»

В такт его мыслям стучали колеса поезда, равнодушно наматывающие километры пути, поезд мчался по незнакомым местам. Но смотреть в окно у Василия не было ни сил, ни желания.

Наши дни

Поезд мчал Василису по знакомым местам. Совсем скоро должно было показаться веселое разноцветье куполов Сергиева Посада. Однако в окно Василиса против обыкновения не смотрела и грибов под елками на насыпи не выглядывала. Не было у нее на это ни сил, ни желания.

В Сергиевом Посаде ей нужно было сходить. Дальше до деревни Авдеево предстояло добираться либо на автобусе, либо на такси. На автобусе выходило дольше и не так комфортно, зато на такси накладнее. Кроме того, в планы Василисы не входило привлекать к себе особое внимание местных жителей, а такси в этих местах вряд ли сошло бы за обыденное явление. Так что, тяжело вздохнув, Вася все-таки решила, что дальше поедет на рейсовом автобусе.

Решение отправиться в деревню, неподалеку от которой погиб Вахтанг, было совершенно спонтанным. Если бы Василиса хорошо подумала, то ни за что бы не стала ввязываться в подобную авантюру. А это была авантюра, к бабке не ходи.

Она никогда не слышала, чтобы Вахтанг в разговорах упоминал эту деревню. В его жизни, скорее всего, с ней не было ничего связано, но тем не менее убили его именно здесь. По версии следствия, причины убийства, несомненно, надо было искать в городе, в котором они жили.

– Понимаете, Василиса Александровна, – говорил ей майор Бунин, расхаживая по своему маленькому кабинету, – я вам из своей богатой практики говорю: любое убийство чаще всего осуществляется на основе эмоций. Они лежат на поверхности. Зависть, ревность, корысть, профессиональные неудачи – вот основные причины, по

которым люди лишают жизни себе подобных. Место в данном случае значения не имеет, уж поверьте моему опыту.

– Но почему? – слабо сопротивлялась Василиса. – Вахтанг мог оказаться в этой деревне совершенно случайно, сойти с поезда, отправиться за грибами, да что угодно. И там, в лесу, ему мог встретиться совершенно незнакомый человек, с которым он поспорил, поссорился, и тот ударил его топором.

– Нет, не сходится, – покачал головой Бунин. – Ну что такого мог сделать или сказать Багратишвили встреченному им незнакомцу, чтобы тот его убил? Объяснение может быть только одно: у него с собой было что-то ценное, на что этот незнакомец позарился. Тогда опять же возникает вопрос, зачем и кому Багратишвили повез это ценное.

– Но этот кто-то, по вашей логике, должен находиться в Авдеево.

– Не факт... Они могли договориться встретиться в Авдеево, но никто никогда не слышал, чтобы Багратишвили упоминал название этой деревни. Как бы то ни было, но переговоры о поездке он вел отсюда, из города. Поэтому в первую очередь мы должны выяснить, что произошло именно здесь.

– Но в Авдеево... – пискнула Василиса. Бунин не дал ей договорить.

– Конечно, там тоже работают оперативники, – сказал он успокаивающе. – Пока ни один человек не признался, что знал Багратишвили. В деревне он не появлялся, это точно. Так что основная версия – это все-таки личные неприязненные отношения, возможно, на почве ревности.

На этих словах Васе показалось, что майор как-то многозначительно посмотрел на нее. По крайней мере, его взгляд ей не понравился. Она уже устала от того, что находится под подозрением, прекрасно понимая при этом, что поводы ревновать Вахтанга были не только у нее.

Неволью Вася вспомнила разговор, который состоялся примерно год назад все с той же театральной реквизиторшей Катей, которую она случайно встретила в торговом центре. Болтушка Катя обрадовалась не столько ей, сколько прекрасному поводу посплетничать, впилась в Васю намертво и потащила, без всякого на то Васиного желания, в маленькое кафе с холодным чаем и невкусными пирожными.

– Привет, Васька, – болтала она без умолку. – Здорово, что встретились. Вот уж никак не думала тебя тут увидеть. Бывают же такие совпадения. Ты чай будешь черный или зеленый? Зеленый, он полезнее, но по мне, так ужасно невкусный. Я больше черный люблю. Но девчонки в театре говорят, что черный пить – дурной тон и плохой вкус, так что я пью зеленый, давлюсь, но пью. Ты-то какой будешь?

Василиса как раз предпочитала зеленый, о чем и сказала вполголоса. Катя ей, естественно, не поверила и подмигнула заговорщически, мол, понятно, тоже блюдешь фасон.

Разговор недолго повертелся вокруг общих театральных знакомых, до которых Василисе никогда не было ни малейшего дела, а потом, естественно, перескочил на Вахтанга.

– Вы что, совсем не общаетесь? – блестя глазами от любопытства, спросила Катя.

– Совсем.

– Ну и правильно, он знаешь кто? Бабник! Вот кто. От таких мужиков, как Вахтанг, надо держаться подальше.

Василиса, в принципе, была полностью согласна с таким выводом, но в устах Катки он звучал как-то особенно неприятно. Соглашаться с Каткой, поливающей Вахтанга грязью, не хотелось.

– Ой, я тебе чего расскажу, – глаза Кати даже расширились от предвкушения собственного рассказа. – Ты ж точно не знаешь. У нас-то в театре такой скандал был! Помнишь бухгалтершу нашу, Олю? Ну, такая, с толстой косой.

Бухгалтершу Олю Вася не помнила.

– В общем, когда Вахтанг тебя бросил, он с ней роман закрутил.

– Он меня не бросал, – автоматически поправила Катю Василиса. – Я сама от него ушла.

– Ну да, ну да, сама, – Катка подленько захихикала, но тут же оборвала смех, чтобы продолжить рассказ. – В общем, это не важно. В общем, после того как его вобла Нина приехала и вы с ним расстались, он начал с Ольгой спать. То есть он и раньше с ней, бывало, спал, еще при тебе, – она покосилась на невольно побледневшую Василису, – а тут у них прям бурный роман начался. Все о нем узнали, короче. В общем, выяснилось, что Оля эта беременная. Ну, Вахтанга на такие сказки было никогда не поймать, так что он ей сказал, что ребенок не его, признавать его он не станет и пусть Ольга делает аборт.

– А она? – Василиса невольно заинтересовалась этой историей.

– А она сказала, что не дура в тридцатник аборт делать, что ей давно уже рожать пора и что ребенка она оставит, а Вахтангу придется за это ответить.

– Ну и как, ответил?

– Ага, – Катя довольно расхохоталась, – в общем, Ольга эта в декрет ушла, сыночка родила, до года в театр не показывалась, а потом, хоп, и подала на генетическую экспертизу в целях установления отцовства. Вахтангу некуда деваться было. Так что с месяц назад был суд, отцовство признали и алименты нашему Вахтангу Гурамычу присудили выплачивать. Представь? – Девушка снова залилась веселым смехом.

Когда она смеялась, то становилась похожа на крысу. По крайней мере, глядя на ее мелкие острые зубки и тонкую мордочку, Василиса представляла именно большую серую крысу с тонким, облезлым хвостом.

– Когда вы узнали про то, что у Багратишвили есть ребенок? – уточнил у Васи майор Бунин.

– Прошлым летом, – пожала плечами Василиса. – Точнее, в сентябре, наверное.

– И жена его, Нина Веденеева, про это, получается, знала?

– Выходит, так, – пожала плечами Вася. – Мне сие неведомо.

Оставив следствие разбираться с женами, любовницами и детьми Вахтанга, Василиса приняла странное и нелогичное решение съездить в Авдеево, чтобы посмотреть на место преступления своими глазами.

Выйдя в Сергиевом Посаде, она испытала легкое дежавю. Точно так же она озиралась на незнакомом перроне, не зная, куда идти дальше, когда отстала от поезда в юности. Передернув плечами, Вася подхватила сумку и направилась к привокзальной площади. Автовокзал она нашла довольно быстро, и даже автобус в Авдеево уходил всего через двадцать минут, что Василиса сочла добрым знаком. Спустя час она уже ступила на разбитый асфальтовый круг, на котором разворачивались заезжающие в Авдеево автобусы.

Напротив покосившейся обшарпанной железной остановки высилась полуразрушенная, но удивительно красивая церковь. Василиса даже непроизвольно ахнула, увидев это великолепие.

– Что, нравится? – У церкви стояли три аккуратные старушки, которые невольно рассмеялись при виде искреннего Васиного восторга.

– Очень, – честно ответила она. – А скажите, пожалуйста, тут у вас можно комнату снять?

– Надолго ли? – одна из старушек полоснула Васю острым и откровенно недобрый взглядом.

– Да дней на десять, – неуверенно сказала та. – Я в отпуск приехала, захотелось от города отдохнуть, за грибами походить, за ягодами.

– Ну, этого добра у нас навалом, – вторая старушка смотрела на Василису вполне благосклонно. – А комнату... Дойди вон по этой дороге до второй отворотки направо, там в третьем с угла доме бабка Ангелина живет. Улица Полевая, дом пять, на ем написано. Она комнату точно сдаст, у ей каждая копейка на счету.

Бабки снова весело засмеялись, видимо, о чем-то своем, понятном только им. Перехватив сумку, Василиса зашагала по асфальтовой дороге, по которой только что приехала в деревню, обратно, до второго проселочного отворота.

По пути она вертела головой, составляя первое впечатление о месте, в котором оказалась. Авдеево было большой жилой деревней, с добротными домами, крепким и работающим магазином, заколоченным зданием школы, клубом с крупной надписью «Библиотека» и высокими зарослями нескошенного борщевика по краям улиц.

У дома номер пять на улице Полевой борщевик был скошен. Аккуратный ровный забор, выкрашенный в радостный желтый цвет, вселял оптимизм. Василиса толкнула калитку и вошла во двор. Ей под ноги бросилась маленькая кудлатая собачонка, зашедшая в истошном лае.

– Варежка, цыц, а ну пошла! – на крыльце появилась дородная женщина в цветастом фартуке, замахала на собаку руками и через приставленную ко лбу ладонь, хотя день задался дождливый и солнца не было и в помине, посмотрела на Васю.

Имя удивительно подходило к лохматой, будто связанной из мохера собаке, так что Василиса невольно засмеялась.

– Здравствуйте, – сказала она вежливо, обращаясь к бабке Ангелине. Впрочем, назвать ее бабкой можно было лишь с большой натяжкой. Перед Василисой стояла женщина лет шестидесяти пяти, полная, с коротко стриженными и тщательно окрашенными волосами, не в бесформенном халате, а в удобном плисовом домашнем костюме и резиновых шлепанцах. Шлепанцы представляли собой не распространенный дешевый рыночный вариант китайского ширпотреба, а так называемые кроксы, причем, это Василиса успела заметить, довольно хорошего качества.

– Здравствуй, коль не шутишь, – отозвалась женщина и замолчала, позволяя Василисе объяснить, с чем пожаловала.

– Мне сказали, что у вас можно комнату снять. Мне ненадолго, дней на десять.

– Комнату? – Ангелина помолчала, пожевав губами. – Комнату можно. А ты зачем, красавица, в наши места-то пожаловала? У нас тут дачников нечасто встретишь.

– Да вот, на работе неприятности, захотелось в деревенскую глушь сбежать, спрятаться от всех, – зачем-то соврала она. – Я в деревне никогда не бывала, захотелось новых ощущений, да и за границу отдохнуть нынче не поедешь. Дорого.

– Да, кусается нынче заграница, – согласилась Ангелина. – Это точно. А почему нашу деревню выбрала?

– Да в Москву как-то ехала и в окно увидела, – Василиса выдала эту полужошь-полуправду довольно решительно, – а когда появилась необходимость передохнуть, то вспомнилось.

– От хахаля, что ли, сбежала? – Бабка решила проявить проницательность, а Василиса решила, что не будет ее разочаровывать.

– Ну, можно и так сказать, – согласилась она. – Так сдадите комнату?

– Сдам, чего ж не сдать, – Ангелина отошла от входной двери и сделала приглашающий жест рукой. – Проходи. Дверь в горницу направо. Дом у меня большой, как видишь, а я в нем одна. Дочка в городе, сын вообще в Питере, так что места навалом. Ты кроссовки-то свои в сенях снимай, половики мне не топчи. Вон твоя комната будет, по коридору налево. К вечеру баню натоплю, помоешься с дороги. Столоваться у меня будешь?

– Да, если можно. Я же тут ничего не знаю.

– Так чего знать-то, молоко парное беру, творог, яички домашние, – Василиса сглотнула, вспомнив все эти с детства знакомые вкусы. – Ну, тогда за комнату и еду – тыщу рублей в день. Как? Потянешь?

– Потяну, – решительно сказала Василиса, в уме попрощавшаяся с десятью тысячами. Денег было жалко, потому что доставались они тяжело, выматывающими душу ночными дежурствами. Впрочем, она надеялась разузнать все быстро, чтобы не задерживаться на десять дней, а значит, от ее расторопности зависела и существенная экономия по деньгам.

– Значит, договорились, – Ангелина хлопнула себя по плотным бедрам. – Сейчас я тебе молочка налью. А на ужин картошку сварю, я уже свежую подкапываю.

– Так рано же еще, – удивилась Василиса, – какая же картошка в середине июля, ее, поди, только окучили недавно? – И тут же выругала себя за длинный язык. Впервые приехавшей в деревню особе неоткуда было знать жизненный цикл растения «картофель обыкновенный».

Но Ангелина не заметила ее промаха.

– Рано посадила, рано и подкапываю, – довольно сообщила она. – У меня в хозяйстве вообще все к рукам. Любить хозяйство надо, тогда все получаться и будет.

– Ну да, как в любом деле, – подхватила Василиса, чтобы перевести разговор на другое. – Я тогда пойду вещи распакую. Мне как вас называть-то удобнее?

– Да зови тетей Ангелиной, – хозяйка махнула рукой. – А тебя?

– Васей. Василисой, – поправилась девушка.

– Ну надо ж, как котика прибудного, – Ангелина покачала головой и степенно выплыла из горницы в сени, застучала там крынками.

– Нормальная реакция, – пробормотала Василиса и пошла разбирать свою дорожную сумку.

Глава 7. Выстраданное счастье

Любить всю жизнь одного – это привилегия, и неважно, если за нее приходится расплачиваться долготерпением.

Агата Кристи

1964 год

Маруся сошла с автобуса, не доезжая до Погорелова. Оттуда до села Константиновского, где она жила, нужно было прошагать одиннадцать километров, а отсюда, от предыдущей остановки Горино, напрямки через поля и небольшой лесок, километров пять всего, поэтому местные жители, если, конечно, у них в Погорелове не было никаких дел, не нужно было, к примеру, на почту или в сельсовет, предпочитали выходить именно в Горино. Ноги-то не казенные, чтобы их топтать понапрасну.

Маруся подхватила свой нетяжелый баул, закинула на плечо рюкзак и по едва заметной среди поспевающей ржи тропке пошла в сторону Константиновского. Лето в этом году стояло жаркое. Солнце весело припекало русую Марусину голову, шагать было легко и отчего-то радостно.

В родное село Маруся возвращалась с дипломом медсестры. Распределили ее в участковую больницу, которая располагалась за околицей ее дома. Из окошка было видать больничный забор, раскидистые яблони, и белое двухэтажное больничное здание, окна которого летом всегда оставались открытыми.

Больница была маленькая, но уютная. Что и говорить, хорошая была больница. Слава о ней распространилась далеко за пределы Константиновского и окрестных деревень. Даже жители Погорелова, где была своя больница, просторнее, чем эта, предпочитали лечиться на лечение именно к ним. Еще бы, в Константиновском уже больше десяти лет жил и работал замечательный доктор, как поговаривали взрослые, из самого Ленинграда.

Когда он приехал, семилетняя Маруся не понимала значения слова «ссылный», поэтому первое время на доктора, которого звали

Василий Николаевич Истомина, смотрела с легким испугом. Взрослые, хоть мужики, хоть бабы, к нему тоже настороженно присматривались. Северная деревня была местом неприветливым и к чужакам осторожным, но уже через месяц после приезда Истомина в Константиновское пошли разговоры о том, что бабке Сычихе он вылечил застарелый радикулит, кузнецу Софрону прооперировал нарыв на ноге, Марусиной бабке Маисе прописал таблетки, снижающие давление, после которых она перестала мучиться страшными головными болями.

Истомина в Константиновском быстро полюбили, а спустя пару лет уже и просто боготворили за добрый нрав и золотые руки. Операции он делал несложные, поскольку не было у него ни ассистента, ни хотя бы толковой операционной сестры, но швы после этих операций заживали быстро и без воспалений, а все прочие хвори снимались за пару дней и не возвращались никогда.

Сразу же по приезде он организовал местных жителей побелить обшарпанное здание, которое с тех пор аккуратно подновляли каждый год. Заставил сельсоветовское начальство заменить разошедшиеся рамы, в первое же лето придумывал привязывать между яблонями гамаки, в которых и лежали днем, дыша воздухом, больные.

Когда Марусе было двенадцать, она и сама попала в больницу с нечаянно взявшимся невесть откуда воспалением легких. И если в прошлые годы, под присмотром строгой матери возясь в огороде, она с легкой завистью поглядывала на людей в полосатых пижамах, раскачивающихся в гамаках в тени деревьев, то теперь с полным правом бездельничала в гамаке сама, откусывая от большого яблока, еще кислого, с белыми зернышками вместо коричневых, но уже сочного и вполне съедобного. Кислые яблоки Марусе нравились гораздо больше сладких.

Она вообще любила кислое. Поэтому в первый вечер, когда она еще не совсем отошла от жара, сбитого поданной доктором Истоминым маленькой белой таблеткой, и вся мокрая лежала на больничной постели, отчаянно жалея себя и боясь умереть, ей крайне по вкусу пришелся чай с принесенным Василием Николаевичем лимоном.

Чай был крепкий и сладкий, а лимон, который она аккуратно попробовала после того, как чай был выпит, кислым и очень вкусным.

До этого Маруся лимонов никогда не видела и даже догадаться не могла, откуда в их глуши доктор взял такое странное чудо.

Когда он перед сном пришел осведомиться о ее самочувствии, Маруся не выдержала и спросила про невиданные доселе желтые кусочки с кислым вкусом. Доктор засмеялся и принес ей целый лимон. То есть это он рассказал ей, что плод называется лимон, что его можно класть в чай, а можно отрезать кусочки и сосать их просто так, особенно если любишь кислое.

Он оставил ей лимон на тумбочке и сказал, чтобы она ела его без всякого стеснения. Марусе было неудобно отбирать у доктора такую диковину, но он сказал, что к нему на днях приезжал друг, который родом из теплой Грузии, где лимоны растут просто на улицах, и привез он целую авоську, так что Маруся может съесть этот лимон целиком, если ей хочется, а потом он ей принесет еще.

Желтый фрукт Маруся, не удержавшись, съела в первый же вечер. Просто откусывала от него, как от яблока, и жмурилась от кислого вкусного сока, стекающего по пальцам и подбородку. И пока она лежала в больнице, доктор приносил ей лимоны каждый день. И она даже расстроилась немного, когда он сказал, что завтра ее выпишет. А потом обрадовалась, потому что он сказал, что лимоны из Грузии кончились, а в больнице ей уже порядком надоело. Особенно уколы.

Как-то так получилось, что после того, как Маруся поправилась, она стала прибегать в больницу почти каждый день. То помогала нянечке, тете Шуре, помыть полы в палате, то читала книжку кому-нибудь из пациентов, то, когда доктор был не занят, просачивалась к нему в кабинет и спрашивала о том, как устроен человек, откуда берутся болезни, можно ли сделать так, чтобы никто никогда не умирал, и почему, когда выпадает молочный зуб, то не больно, а когда выдирают зуб, который вырос на месте молочного, то больно очень сильно.

Истомин всегда разговаривал с ней как со взрослой, на вопросы отвечал подробно и понятно, не сердился, что она ему мешает, и из больницы не гнал. Когда он узнал, что мать выпорола Марусю за то, что она мешает доктору, то вечером пришел к ним домой, принес снова невесть откуда взявшиеся лимоны и долго говорил с Марусиной матерью за цветастой занавеской, отделяющей кухонную часть дома от горницы. Маруся напрягала слух, чтобы понять, о чем они беседуют,

но так ничего и не услышала, а когда доктор ушел, мать буркнула, что она может ходить в больницу, сколько ее душе угодно, вот только пусть не думает, что это освободит ее от дел по дому или в огороде.

Ничего такого Маруся, понятное дело, и не думала. В их многодетной семье каждому находилось дело практически сразу после того, как ребенок переставал пользоваться горшком. Старшие братья отправлялись с отцом на охоту и рыбалку, летом гребли сено, носили воду из колодца, топили печи, коих в их большом доме было аж четыре штуки. Сестры пололи огород, мыли полы, давали корм скотине, убирали посуду со стола.

Среди шести детей Маруся была самой младшей. Сестры говорили, что мать относится к ней с жалостью и придирается меньше, чем к остальным, но сама Маруся этого не замечала. Мать была властная, суровая, молчаливая, не щедрая на ласку и тепло. Помимо огромного дома на ней была еще работа в колхозе, где она трудилась дояркой. Вставать приходилось затемно. Спала она по три-четыре часа. А в доме, помимо детей, еще жили две старухи, Марусины бабушки, которые уже почти ничего не видели, плохо слышали и с годами все чаще и чаще ложились в больницу к доктору Истомину.

Когда Марусе было пятнадцать, отца задрал медведь. Из леса его привезли в больницу, залитого кровью. Снесенный чуть ли не наполовину череп, снятые со спины и боков пласты кожи, вытекший левый глаз. Таким в последний раз Маруся увидела своего отца.

– Ничего я не сделаю, – сквозь зубы бормотал Истомин, осматривая пациента, – операция большого объема. Вертолет нужно вызывать, санавиацию, чтобы в область везти.

Вколлов находящемуся в забытьи пациенту большую дозу морфина, он звонил из ординаторской то в сельсовет, то в областную больницу, то курирующему здравоохранение начальнику. Вертолет под утро действительно пришел, разбудив всю деревню стрекотом и усевшись на картофельное поле, вот только Марусин отец к тому времени уже испустил дух, и доктор Истомин выглядел так, как будто чувствовал себя виноватым в том, что не смог его спасти.

Марусе было понятно, что Василий Николаевич тут ни при чем. Если и был кто-то виноват, что так случилось, то только медведь, да еще сам отец, подпустивший хищника к себе. Так она и сказала доктору, а он ее обнял и поцеловал в русую головку, от чего она

раскраснелась и засмушалась. Доктора к тому моменту она, как и вся остальная деревня, обожала и боготворила.

Спустя пару месяцев она сказала ему, что хочет уехать в город и поступить в медучилище, да только боится, что мать не отпустит. Разговор с матерью Василий Николаевич взял на себя, и снова они о чем-то беседовали за цветастой занавеской, и снова Маруся, как ни старалась, не могла разобрать ни слова, но потом, когда доктор, не попрощавшись, ушел, чуть громче обычного стукнув входной дверью, мать сухо сказала, что Маруся может собираться в город и вообще делать в жизни все, что считает нужным. А она, мать, умывает руки.

В городе Маруся провела четыре года, приезжая домой только на каникулы. До Константиновского было сто километров, а лишних денег на автобус никогда не водилось. Училась она на «отлично», не пропуская ни одного занятия, с азартом осваивая все новые науки и свято стремясь к одной-единственной цели – стать хирургической сестрой и помогать доктору Истомину на операциях. И вот сейчас она возвращалась домой с вожденным дипломом в кармане.

Ржаное поле давно осталось за спиной, тропинка плутала теперь среди леса, который Маруся знала как свои пять пальцев. Привычно озираясь по сторонам, она нашла четыре крепких белых гриба, которых вполне могло хватить на сковороду, если пожарить вместе с картохой. Грибы она сложила в небольшой полотняный мешочек, который достала из рюкзака. Они предназначались Истомину.

Жил он бобылем, поэтому деревенские хозяйки со всей округи подкармливали его, как могли, принося в больницу пироги, домашние яйца, белый рассыпчатый творог, козье молоко, лукошко с малиной или морошкой, лук, огурцы и кабачки со своих грядок. Своего огорода у доктора не было, все эти годы он так и жил в больнице, занимая небольшую комнатку, битком набитую книгами, которые он привез с собой.

Местные бабы, особенно потерявшие мужей в войну, заглядывались на высокого статного красавца-доктора с благородной сединой в висках и неизбывной тоской в ясных серых глазах, однако он не обращал на вдовиц ни малейшего внимания. За все одиннадцать лет, что он жил в Константиновском, ни у одной досужей сплетницы не появилось повода посудачить о его личных делах. Он был со всеми одинаково вежлив, когда к нему обращались, слушал внимательно,

чуть повернув голову и склонившись к собеседнице, но щедро раздаваемых авансов не принимал и никого из деревенских баб не выделял, даря напрасную надежду. Маруся была уверена, что самые распрекрасные местные красавицы Истомину даже в подметки не годятся, не то чтобы в жены.

Лесок за ее спиной кончился, и теперь она шагала по заливному лугу, покрытому цветущим разнотравьем. Сладко пахло белым клевером, ковер из которого расстился у нее под ногами. Маруся вдохнула напоенный запахом травы воздух и даже зажмурилась от счастья. Все годы жизни в городе ей не хватало деревенских запахов – луговой травы, проснувшейся под одеялом из ночного тумана реки, свежей, только что выловленной рыбы, которую мужики после рыбалки честно делили на все дома – и себе, и вдовам, оставшимся без хозяина, только что надоенного козьего молока, пирогов с малиной.

Впрочем, так сытно здесь жили только последние годы. Маруся еще отлично помнила послевоенный голод, когда картофельные очистки шли за редкое лакомство, кашу варили из жмыха, а одну картофелину, сваренную в мундире, мать делила на троих.

Уже показалась впереди речка, которую нужно было перейти по тонким хлипким лагам, регулярно сносимым в половодье и устанавливаемым заново всей деревней, затем чуть подняться в горку по влажной после дождя, расползающейся под ногами глиняной дорожке мимо десятка соседских домов и здания начальной школы, в котором Маруся отучилась первые четыре класса. Слева на холме стоял ее родной дом – добротный, двухэтажный, перешедший в наследство от деда, работавшего в колхозе писарем.

Когда-то здесь обитала большая и дружная семья, да комнату – большую, светлую, просторную, на первом этаже, слева от двери, с отдельной печкой – сдавали учительнице в школе. Очередная приехавшая в прошлом году по распределению учительница жила здесь и сейчас, но сам дом опустел. Пока Маруся училась на медичку, умерли обе бабушки, старший брат женился и построил себе дом в соседней деревне, средний уехал после техникума в Самарскую область, а младший завербовался в Тюмень, шахтером. Одна из сестер вышла замуж, поэтому теперь жила в мужнином доме на окраине села, а вторая и вовсе переехала в Киев, окончив сельхозтехникум и учась теперь заочно в институте. Мать осталась одна, да вот теперь к ней

возвращалась Маруся, уныло понимая, что при непростом мамином характере нелегко ей придется.

Вот уже и крыльцо видно, а дальше по тропке мимо колодца да затянутого сеткой-рабицей огорода и будет больница, в которую Маруся приехала работать.

подавив в себе желание сразу же, не заходя домой, добежать до больницы, чтобы похвастаться Истомину новеньким красным дипломом, Маруся вошла в дом. С лавки поднялась мать, всплеснула руками, заохала, увидев младшую дочку.

– Машка, вернулась? Ой, радость-то, ближайшую зиму не одна хоть коротать буду! Доктор баял, что тебя к нам в больницу работать распределили.

– Да, мама, распределили, я сама попросилась. Мне на выбор много мест предлагали, но я решила – только сюда, домой.

– А может, хотя бы в Погорелово? Там и больница больше, и поселок, тут-то у нас где жениха приличного взять?

– Да какие мне женихи, мам? – засмеялась Маруся. – Мне ж всего девятнадцать лет.

– У меня в твои годы уже двое детей было, – рассудительно заметила мать, но тут же всполошилась. – Голодная ж ты, чай! А обед еще через час будет. Я ж не ждала тебя сегодня. Что ж ты не предупредила, дочка?

– Сюрприз хотела сделать, – Маруся радостно засмеялась. У нее вообще было чудесное настроение, навеянное то ли хорошей погодой, то ли привычным с детства пейзажем, то ли тем, что она совсем скоро увидит Василия Николаевича и расскажет, что теперь она его хирургическая сестра, самая что ни на есть настоящая. – Я не голодная, мам. Ты мне молочка налей, если есть.

– Есть, конечно, – засуетилась мать, – я на двор вынесла, в холод. И молоко есть, и краюха ржаная, свежая. Вчера пекла. Сейчас.

Через пару минут Маруся, помыв руки, сидела за столом, накрытым клеенчатой скатертью, и пила холодное молоко, прикусывая ржаной краюшкой. Ей было так вкусно, что она зажмурилась.

– А это что? – мать недоуменно заглядывала в ее рюкзак, который, развязав, держала в руках.

– Гостинцы, мам, я в городе купила. Пряник, настоящий, вологодский, свежий-свежий, и еще лимоны. У нас же тут в магазин их

не завозят, а я с чаем люблю, ты же знаешь.

– Лимоны, – мать неодобрительно покачала головой. – Вот научил тебя доктор не к добру. Лопаешь кислятину такую, вредно, поди.

– Да и ничего не вредно, – Маруся снова засмеялась, – наоборот, полезно. В них витамин С, а он от всех болезней – лучшее средство профилактики.

– Ну, тебе виднее, – вздохнула мать и отложила рюкзак. – А новость-то нашу знаешь? Доктор уедет от нас скоро, так что захиреет наша больница, зря ты распределение сюда брала. Лучше бы в Погорелово все-таки.

– Погоди, – Маруся даже молоком подавилась от неожиданности, – как уедет? Куда? Почему?

– Так это, ре-а-би-ли-ти-ро-ва-ли его, – по складам выговорила трудное слово мать, – бумага ему пришла, что он не виноват ни в чем. Он, оказывается, много лет писал куда-то, чтобы дело его пересмотрели, вот и случилось. Разрешили ему в Ленинград вернуться.

– Как в Ленинград? – У Маруси от огорчения брызнули слезы из глаз. – Mamочка, но этого же не может быть! Я же четыре года училась, только чтоб вместе с ним работать, а ты говоришь, он уезжает! Как же это?

– Маша... – в голосе матери послышался металл. – Послушай, что я тебе скажу. Ты бы дурь свою детскую из головы выбросила. Чай, уже не ребенок. Василию Николаевичу твоему сорок шесть лет. Ты ж ему если и не во внучки, так уж в дочки точно годишься. Он мой ровесник, а ты у меня – последыш. Что ты удумала, что проходу ему не даешь уже столько лет? Ладно ребенком была, так сейчас-то ты уже девушка.

– Мама, ты что? – От возмущения у Маруси даже слезы высохли. – Я же его просто уважаю очень, он мне учитель, старший товарищ, наставник. А ты о чем думаешь?

– А я думаю о том, что вижу, – отрезала мать. – Я длинный бабий век прожила, мужа похоронила и вас, шестерых, вырастила. Я уж понимаю, когда девчонка на учителя смотрит, а когда на мужика. Нравится он тебе. С ранних лет нравится, вот и ревешь потому. Так что то, что он уезжает, это хорошо. А то тут и до позора недалеко. А я в сельсовете поговорю, тебя с твоими отличными оценками и в погореловскую больницу возьмут.

– Да не хочу я в погореловскую больницу! И чтобы он уезжал, не хочу, – отчаянно выкрикнула Маруся, отшвырнула кружку, белая молочная дорожка побежала по клеенке, закапала на пол, образуя маленькую лужицу, которую Маруся даже не заметила. Выскочив из-за стола, она выбежала во двор и стремглав понеслась по тропинке к больнице, узнать, правда ли то, что рассказывает мать.

Истомина она нашла в саду. Расхаживая между гамаками, он разговаривал с больными. Видимо, доктор говорил что-то смешное, потому что до Маруси периодически доносились взрывы громкого и дружного смеха.

Отвлекать его не хотелось, поэтому Маруся замерла под одной из яблонь, невольно залюбовавшись высокой статной фигурой доктора, несмотря на возраст, сохранившего поджарость, на его легкие, словно летящие движения, грациозные повороты седой, с благородным профилем, головы.

Почувствовав на себе ее внимательный горящий взгляд, он замолчал, повернулся, чтобы узнать, кто именно прожигает дыру в его затылке. Увидев Марусю, радостно охнул, подбежал и, схватив ее за плечи, приподнял, оторвав от земли. Девушка радостно засмеялась.

– Маруся моя приехала! – закричал он и, повернувшись к больным в гамаках, повторил: – Маруся, медсестричка новая у нас теперь будет! Ты давно ли дома-то, Машенька?

– Поставьте меня, Василий Николаевич, – она смеялась, и глаза ее смеялись в унисон словам. – А приехала я только что. Домой забежала – и сразу сюда, к вам. Сбылась мечта моя, Василий Николаевич, буду я у вас операционной сестрой. Только вот, Василий Николаевич, мама сказала, что вы уезжаете, так ведь этого же не может быть?

– Ну, уезжаю я еще не сейчас, – доктор ласково обнял Марусю за плечи и засмеялся. – Вот сколько лет живу в деревне, а все равно никак не могу привыкнуть, насколько быстро тут информация расходится. Я еще сам не осознал, что письмо получил о собственной реабилитации, а меня уже отсюда домой наладили. Удивительное свойство российской глубинки.

– То есть вы не уезжаете? – Маруся впервые в жизни осознала значение выражения «камень с души свалился».

– Пока только в отпуск, девочка. Надо же мне проведать мой любимый Ленинград, друга своего повидать, по заветным местам

походить, детство и юность вспомнить, заодно и работу присмотрю. Бог его знает, может, и не ждет меня никто в Ленинграде, может, и не стоит пытаться в одну и ту же реку войти дважды.

Про реку Маруся не поняла, но то, что он все-таки будет искать работу в далеком Ленинграде, услышала. Сердце у нее заныло.

– Не вешай нос, Машенька, – доктор легонько ущипнул ее за кончик того самого носа, который не следовало вешать. – Мы с тобой еще много-много успешных операций проведем. Это же здорово, что у меня такая помощница появилась! Это обязательно нужно будет отметить.

Больше к теме его возможного отъезда они не возвращались. Маруся вышла на работу, смело встала к операционному столу, приучилась споро и ловко подавать инструменты, быстро узнала, что если доктор насвистывает во время операции незамысловатый мотивчик, значит, все идет по плану, а если молчит, нахмутив брови так, что между белой шапочкой и натянутой маской возникает глубокая вертикальная морщина, значит, жди возможных осложнений и неприятностей.

Она знала, как он дышит, когда устает. Как может неподвижно сидеть на стуле в ординаторской, глядя в одну точку, словно внутрь себя. Как светлеет лицом, когда приходят письма от его грузинского друга Анзора, как ест горячую картошку, щедро посыпая ее солью и закусывая зеленым луком, как пьет крепкий, почти черный чай без сахара. Истомин вошел в ее повседневные будни так органично, что она и не помнила время, когда существовала отдельно от него.

Его двухнедельный отпуск, который случился месяца через два после начала совместной работы, она пережила с трудом, практически постоянно пребывая в глухой тоске. Его возвращение она почувствовала ночью, во сне, внезапно открыв глаза, сев на кровати и пытаясь понять, что именно ее разбудило. Аккуратно ступая по половицам, чтобы шагами не разбудить спящую на первом этаже мать, она на цыпочках подбежала к окну, выходящему в огород. Из него было видно больничную белую стену и два окна. В одном горел свет, и Маруся поняла, что это приехал доктор. Сердце зашло в груди, и Маруся поняла, что значит «умереть от радости».

Посреди ночи бежать в больницу было неправильно. Более того, неприлично. Но не увидеть его еще до утра... Маруся бросила

отчаянный взгляд на настенные ходики, которые показывали четыре. До выхода на работу еще было так долго, что можно успеть состариться.

Стараясь не думать о том, что делает, Маруся быстро оделась, накинула на плечи теплый вязаный платок, потому что сентябрьские ночи были уже прохладными, летучей мышью спустилась по старой скрипучей лестнице, откинула щеколду на двери и, всунув ноги в резиновые сапожки, полетела по мокрой от росы тропинке.

Входная дверь в больницу была открыта. Ее вообще никогда не запирали. Пройдя по узкому длинному коридору, Маруся бросила взгляд в сторону больничного туалета и вдруг, вспомнив комичное, засмеялась.

В первую зиму, когда она только начала бегать в больницу, увлекаемая то ли безбрежным миром медицины, то ли харизмой доктора Истомина, случилась история, которую надолго запомнили все пациенты, да и она сама. Маруся сидела в кабинете Василия Николаевича и листала атлас по анатомии человека. Доктор сидел рядом и по-латыни называл ей мускулы человеческого тела. Латынь звучала красиво и завораживающе. Хлопнула дверь, и в кабинет с выпученными глазами влетела санитарка Надя.

– Василий Николаевич, в туалете солдат! – выпалила она.

– Да ты что? – Истомин вскочил, сбросил халат и бросился к двери. – Пойдем, посмотрим. Черт, вот говорил я летом, что надо меры принять, так никто ж не послушал! И вот вам, пожалуйста, солдат в туалете! Дожили, позорище.

Оставшаяся одна в кабинете, Маруся, открыв рот, смотрела им вслед. Она никак не могла взять в толк, что такого страшного в том, что в больничный туалет зашел какой-то солдат и почему его визит позорен. Мысль, что солдат может быть опасен, что он может причинить вред доктору, пришла в голову внезапно и была так ужасна, что Маруся, глухо вскрикнув, бросилась к туалету, не забыв прихватить стоящий в углу топор, которым кололи дрова для больничных печей.

С топором в руках она и ворвалась в туалет, где стояли Истомин и Надя, молча смотревшие внутрь дырки в полу. Никакого солдата рядом и в помине не было.

Как же хохотали потом все, объясняя Марусе, что «солдатом» называют замерзшие фекалии, которые поднялись вверх и застыли, подпирая деревянный настил! Деревенские мужики целый день потом вырубали заледеневшее от мороза дерьмо, чтобы туалетом снова можно было пользоваться. А Истомин много лет подшучивал над Марусей, прибежавшей на его защиту с топором в руках.

Вспомнив сейчас историю про «солдата», Маруся засмеялась, и смех ее колокольчиком разнесся по ночной тишине коридора. Скрипнула дверь, и из кабинета выглянул Истомин, в расстегнутой рубашке, без белого халата, какой-то нечесаный и, как почему-то показалось Марусе, несчастный.

– Машенька, – взгляд его посветлел. Казалось, он даже не удивился тому, что в четыре часа утра она стоит под его дверью. – Марусенька моя, как же я рад тебя видеть!

Обняв девушку за плечи, он провел ее в свой кабинет. Маруся вся дрожала, но не от того, что ей было холодно под тонким платком, а от того, что внутри рождалось какое-то новое, неизведанное доселе, но совершенно прекрасное чувство, названия которому она не знала.

– Как вы в свой Ленинград съездили? – спросила она, чтобы хоть что-нибудь сказать. В комнате стояла такая звенящая тишина, что от нее закладывало уши.

– Да хорошо съездил, – как-то рассеянно ответил Василий. – Понял, что Ленинград по-прежнему прекрасен, только уже не мой. Хотя и дом родительский на прежнем месте стоит, и больница Александровская, в которой я работал, и даже учитель мой, Николай Петрович Лемешев, до сих пор практикует. Семьдесят восьмой год старику. Не оперирует уже, конечно, но клиницист по-прежнему великолепный. Вот же школа была! Только позавидовать остается.

– То есть вы все-таки уедете? – В голосе Маруси слышалось отчаяние. – Вы уедете, да? Василий Николаевич, но как же я без вас тут останусь? Вы не понимаете, но я без вас уже не смогу. Ни работать не смогу, ни жить. Я умру, если вы уедете, Василий Николаевич!

Она говорила, как в бреду, и горячий поток ее слов дополнялся все тем же горячим ознобом, который сотрясал ее тело с той минуты, как она увидела свет в больничном окне. Истомин снова схватил ее за плечи, развернул лицом к себе и с силой прижал к груди.

– Никуда я от тебя не уеду, Маруська ты моя, – глухо сказал он. – Я же даже надеяться не смел, что еще когда-нибудь смогу испытать это чувство. Думал, в себе заморозил, да нет, осталось что-то на мой век. Маруська, я же даже мечтать не мог о том, что ты меня полюбишь, пень старый! Ты же мне в дочери годишься. Люди-то что скажут...

– А мне все равно, – храбро взглянула на него Маруся. – Я вас люблю, Василий Николаевич. Больше жизни люблю. С детства еще. Только я тогда этого не понимала. Я ведь тоже надеяться не могла, что вы, такой... – она запнулась в поисках подходящего слова, – ... особенный, образованный, красивый, блестящий такой человек, можете обратить на меня, деревенскую девчонку, внимание. Я же обычная совсем.

– Ты самая необычная женщина из всех, кого я встречал, – тихо сказал Истомина и легонько поцеловал Марусю в висок. – Счастье ты мое выстраданное. Теперь я знаю, все у нас будет хорошо. Ты ведь родишь мне сына, а, Маруся Истомина?

По настоянию Василия свадьба была тихой. Расписались в сельсовете, посидели в больничном саду за накрытым под яблонями столом, и все. Мать, конечно, была недовольна, что не отпраздновали бракосочетание как положено, на всю округу, но Василий был против, а Маруся во всем с ним соглашалась.

Из больничной комнатки Истомина переехал в Марусин большой и крепкий дом. В Марусиной комнате обустроили спальню, за тонкой перегородкой он оборудовал что-то типа кабинета, куда перевез свои книги, большинство из которых были на немецком языке. Немецкий Маруся учила в школе, но особенно не преуспела, так что на книги смотрела с боязливым уважением и трогать не решалась, так же как красивую фарфоровую чашку с голубыми незабудками на блестящем хрупком боку.

Крюк для люльки, вбитый в деревянный потолок, в доме был только один – за перегородкой в горнице на первом этаже, где всегда спала мать. Спустя девять месяцев после свадьбы Василий собственноручно вбил в потолок рядом с их супружеской кроватью второй такой крюк. В старой люльке, в которой выросло не одно поколение Марусиных предков, умильно пуская пузыри, кряхтел младенец. Родившуюся дочку Василий назвал Анной.

Глава 8. Одинокая ветка рябины

Повзростеть стоит хотя бы для того, чтобы научиться по-настоящему любить.

Ванесса Паради

Наши дни

Войдя в большую, довольно светлую комнату с тремя окнами, Вася невольно помотала головой, отгоняя наваждение. Точно в такой же комнате она прожила первые семнадцать лет своей жизни. Это была их с мамой комната, и попасть в нее можно было из кухни, пройдя по узенькому коридорчику, в который левым боком вдавалась большая русская печка.

Правым боком печка обогревала маленькую, отделенную от горницы перегородкой комнатку, в которой спала бабушка Маша. Правда, в их большом деревенском доме имелся еще второй этаж, на который почти никогда не поднимались и который зимой даже не отапливали. Не было у их семьи потребности во втором этаже. А домик тети Ангелины был одноэтажный, но расположение комнат в нем оказалось точь-в-точь таким же. Кухня с выходящим в нее устьем печи, горница, маленький закуток за загородкой, где стояла кровать Ангелины, и узкий коридорчик в большую комнату, которую сейчас сдали Василисе. В окно тревожно билась ветка рябины. Тоже как дома.

Подушки оказались пышными, белье – свежим, тканые половички – чистыми и радующими глаз веселым разноцветьем, и вообще повсюду царил такой порядок, что муха поскользнется. Сразу стало ясно, что Ангелина – женщина домовитая, хозяйственная и аккуратная, и Вася подумала, что с выбором хозяйки ей повезло.

Василиса провела пальцем по железным шишечкам кровати, таким же, как были у нее дома, и, достав из чемодана вещи и привычно развесив их на протянутой в комнате веревке, чтобы не помялись, решила осмотреть окрестности.

– Тетя Ангелина, я пойду погуляю, – предупредила она хозяйку и, легко сбежав с крыльца, вышла за калитку, оказавшись на пыльной, заросшей борщевиком улице.

– В борщевик не лазь, – Ангелина высунулась из калитки, чтобы напугать жиличку. – Это растение, видишь, зонтики огромные. Даже трогать их не вздумай, ожог получишь.

– Я знаю, – улыбнулась Василиса. – Но все равно спасибо.

Налево, как она поняла, дорога привела бы ее к церкви и автобусной остановке. А вот куда вела дорога направо, пока было неизвестно. Василиса решила это узнать, а заодно присмотреться, каким путем можно будет выйти к лесу, где она увидела Вахтанга. Для этого нужно было либо найти железную дорогу, либо спросить у кого-нибудь, где она. Из соображений конспирации спрашивать не хотелось.

С любопытством вертя головой по сторонам, она разглядывала деревню и стоящие в ней дома. Люди здесь жили основательные. Деревня выглядела жилой, а не дачной. Крепкие сараи во дворах были наполнены дровами. Кудахтали куры, какая-то женщина гнала вдоль улицы корову, хлеща по ее упитанному заду тонкой хворостиной, брехали посаженные на цепь беспородные дворовые собаки. Это была такая же деревня, как та, в которой выросла сама Василиса, а потому здешний быт и уклад был ей совершенно понятен.

Машин было мало. Лишь кое-где за дощатыми заборами виднелся простенький и явно «заслуженный» «жигуленок». В одном из дворов Василиса заметила «Форд», а еще в одном, почти в самом конце улицы, – китайский внедорожник. Вот, пожалуй, и все, чем было представлено автомобильное богатство деревни Авдеево.

Вася достигла конца улицы и уже собралась было повернуть обратно, как вдруг заметила, что дорога уходит немного вправо. Здесь уже был не асфальт, а широкая, крепкая гравийная дорога, борщевик по ее обочинам тоже тщательно скосили. Кроме дома Ангелины это было единственное место в деревне, где с ядовитым сорняком боролись.

Немного подумав, Вася сошла на гравийку и пошла по ней. Впереди виднелся высокий добротный кованый забор с кирпичным основанием. Стоил он бешеных денег, это понимала даже совсем не разбирающаяся в строительстве Вася. Из-за высокого забора виднелся второй этаж дома, выстроенного с той же основательностью. Его красная крыша пламенела, слепя глаза, несмотря на то что день был отнюдь не солнечный. Вася отметила деревянные стеклопакеты, кованый, невиданной красоты дымник на печной трубе, кованые же

фонари на стене. Этот дом так сильно отличался от остальных, которые она успела увидеть в деревне, что Вася невольно замедлила шаг.

Дождь хлынул внезапно. Она даже не успела заметить, что серые тучи, лениво перекатывающиеся по небу, собрались в черное, враждебное ядро. Хляби небесные разверзлись, и на Василису упал столб воды. Для пущего эффекта в небе загрохотало, и ярко-белая молния на миг осветила округу почище фейерверка на городском празднике.

Взвизгнув от неожиданности, Василиса повернулась и припустила обратно к дому. Но будучи девушкой неспортивной, быстро запыхалась и решила не бежать, поскольку уже все равно вымокла с ног до головы. Чертыхаясь и кляня себя за непредусмотрительность, она уныло побрела по гравийной отворотке, надеясь, что не простудится.

Впереди взревело. Звук был не похож на гром, но такой же яростный и страшный. С дороги на огромной скорости вылетел мотоцикл, на котором сидело чудовище. С перепугу Вася даже не сразу поняла, что это человек, одетый в длинный прорезиненный плащ с капюшоном, мотоциклетные очки, закрывающие пол-лица, краги до локтей и грубые высокие ботинки на толстой подошве. Обдав ее запахом гари, каплями дождя и какофонией звуков, чудовище пролетело мимо, быстро скрывшись за стеной дождя.

«Спасибо, что не задавил, – испуганно подумала Василиса. – Вот тебе и тихая деревня. Носятся как угорелые. А видимость-то нулевая почти».

Стараясь идти по самой кромке дорожки, она добралась до улицы, повернула в нужную сторону и, прислушиваясь к каждому шороху, чтобы избежать скрытой в пелене дождя опасности, ускорила шаг.

Естественно, что поворот к дому Ангелины она проскочила. Вася поняла это только тогда, когда перед ней выросло крыльцо магазина. Немного поколебавшись, она решила зайти внутрь, чтобы переждать дождь. И тут же пожалела об этом. В магазине было полно народу. Василиса узнала мрачную старушку, устроившую ей форменный допрос у церкви, а также ее подругу, которая посоветовала попроситься на постой к Ангелине.

– Ну что, пустила тебя Ангелина? – спросила она, тоже узнав девушку.

– Да, спасибо вам за совет, я хорошо устроилась, – ответила вежливая Вася.

– Да уж и не на чем. Было бы за что спасибо, – отозвалась старушка. – У Ангелинки, конечно, к хозяйству рука легкая. У ей и в доме чисто, и сытно. Она смолоду такая была, как и папаша ее, царствие ему небесное. Аккуратисты.

– Ага, – язвительно проговорила мрачная, интеллигентного вида старушенция, вступая в разговор. – Уж ты, Александра Владимировна, расхвалишь – не остановить. Тебя послушать, так Ангелина наша – святая просто. Ты рассказала бы лучше, как ее муж с любовником застукал прямо на семейной кровати. Приехал раньше положенного, не ждала она его в этот день. А она в кровати с лесничим нашим кувыркается.

– Да брось ты, Наташка, – первая старушка даже руками всплеснула от огорчения. – Ну что за язык у тебя такой, вот без костей прям! Это ж когда было-то? Уж лет тридцать прошло, а все ей этот грех вспоминаешь. Уж старухи обе, какой полюбовник?

– Не тридцать, а двадцать пять. Да и грех этот не имеет срока давности. Муж-то ее с горя повесился, – сообщила мрачная старушенция Василисе. – Как их увидел, так выскочил из дома, побежал по улице как оглашенный, да в поле, да потом в лес. Полдня его не было. А вечером вернулся, пошел в баню, она-то думала, топить, глядь в окно, а дымка-то все нет и нет. Пошла посмотреть, что он там, сердешный, такого делает, а он в петле висит. Так и не откачали. В дому-то чисто у нее, это да. А душа грязная. Весь род у них такой. С черной душой.

– Брось, говорю! – миролюбивая Александра Владимировна даже голос слегка повысила. – Прекрати гадости о человеке говорить! Нормальная Ангелина баба. В молодости все не без бревна в глазу были. Это уж сейчас грешить здоровье не позволяет, так что, Наташка, не гневи бога. А ты, деточка, – она улыбнулась Василисе, и улыбка ее была так светла, что Васе показалось, будто мимо ангел пролетел, – не слушай никого. Хозяйка у тебя хорошая, аккуратная и хлебосольная. Ты уедешь, она останется, так что не надо в душу черные мысли о человеке пускать.

– Не буду, – пообещала Вася и выглянула в окно.

Дождь кончился, робкое солнце, немного стесняясь, уже начинало отражаться в лужах, целомудренно прячась в покрывало из туч при бросаемых на него нескромных взглядах. Попрощавшись со старушками, Василиса вышла на улицу и припустила в сторону дома, мечтая переодеться в сухое.

Ангелина накрывала на стол.

– О, пришла, гулена! – приветствовала она свою гостью, которая неловко топталась в дверях, снимая промокшие кроссовки. – Что, под самый дождь попала? Хорошо еще, что града не было, а то у нас тут такой град бывает, с куриное яйцо, что синяки остаются. Беги, раздевайся, а хочешь, так шуруй сразу в баню, я протопила, заодно согреешься. А потом ужинать будем.

Вася вспомнила рассказ неприятной тетки Натальи про то, что в бане повесился муж Ангелины. Раздеваться догола там, где произошла трагедия, ей было неприятно. Настолько неприятно, что Василиса даже передернулась.

– У-у-у-у, вижу, не зря погуляла. Сплетни нагуляла, – протянула Ангелина. – Вот что за люди! Любимое занятие – кости всем перемыть. Не суди, девка. В жизни всякое бывает. Каждый грех в свое время случается. И не обойти его никак, не перепрыгнуть. Что суждено на роду, тому греху и бывать. А в баню сходи. Не та это баня, где Колька мой повесился. Та спустя два года сторела. Эту я уже заново отстроила. Так что иди мыться, не бойся. Там покойников не бывало.

– Покойников я не боюсь, я врач, – призналась Вася. – А за предложение спасибо. Сейчас сухую одежду возьму и схожу попарюсь. А то действительно замерзла.

– Покажу тебе сейчас, как там все устроено, – Ангелина отставила тарелку с картошкой и направилась к двери.

– Да не надо, тетя Ангелина, я разберусь. Я парильщица со стажем. С детства, – засмеялась Вася.

Разлегшись на верхней, самой жаркой полке хорошо протопленной бани, она водрузила себе на лицо замоченный холодной водой сосновый веник, который нашелся в предбаннике, с удовольствием оглядела лежащие в тазу с кипятком веники березовые,

представив, как вволю нахлещется горячей березовой кашей, закрыла глаза и расслабилась.

Все, что происходило сейчас вокруг, так сильно напоминало детство, что она даже чувствовала запах бабушкиных пирогов, узнавала ее легкие шаги, ловко летающие над тестом умелые руки, волосы, заплетенные в косу, уложенную высоко надо лбом.

«К бабушке надо съездить, – подумала Вася. Мысли, разморенные жарким паром, текли лениво, не цепляясь одна за другую. – И проведать ее давно уж пора. Да и расспросить было бы неплохо. Что имела в виду мама, когда сказала, что грехи отцов падают на голову детей? Какие у нее могли быть грехи, у моей тихой, правильной мамы? Из нее самой-то про прошлое слова не вытянуть. Сразу начинает плакать. А бабушка Маша может и рассказать. Она никогда первая не начинает важных разговоров, но на заданные вопросы отвечает честно и прямо. Решено. Вернусь из Авдеево на пару дней пораньше – и сразу к бабушке. Еще и денег сэкономлю. А то десять тысяч Ангелине оставлять жалко, хоть и хорошая она тетка».

1980 год

По ночам, лежа на высокой кровати, Василий смотрел в окно. Из него было видно августовскую ярко-красную рябину, которая нахально стучала спелыми гроздьями в стекло, ухоженный Марусиными руками до последней веточки огород, увешанные тяжелыми яблоками деревья в больничном дворе и саму больницу, вот уже полгода не работающую.

Шуршание рябины не давало Василию спать. Он то и дело просыпался от назойливого и какого-то тревожного шороха ягод. От набухающей внутри тревоги надсадно и мучительно болело сердце. Василий, до последнего времени никогда в своей жизни ничем не болевший, воспринимал эту боль с легким недоумением, как будто зарождалась она не в недрах его тела, а где-то снаружи, а потом обманным путем проникала в организм, струясь по венам, как коварная змея, сворачивалась клубком за грудиной, иногда выпуская струю шипучего яда.

От нестерпимого жжения в груди Василий садился в кровати, непослушными руками искал на тумбочке трубочку с нитроглицерином, стараясь не разбудить жену, аккуратно выдерживал пробочку, доставал таблетку и кидал ее под язык. Спустя минуту-две

выпущенный змеей яд исчезал, и ползучая тварь снова сворачивалась уютным кольцом, усыпляя бдительность.

Василий, как мог, скрывал от Маруси свои проблемы с сердцем. Не хотел беспокоить. Несмотря на совместно прожитые шестнадцать лет, она по-прежнему любила мужа, и эта любовь, перейдя в хроническую стадию, так и не стала менее острой. Маруся жила Истоминым, дышала Истоминым, и даже дочь не занимала в ее сердце такого места, как он.

Периодически накатывающая слабость, острое чувство страха и возникающая вслед за этим беспомощность раздражали Василия безмерно. Как врач с огромным стажем, он понимал, что у него стенокардия, приступы которой мешают нормально спать по ночам, но к болезни своей относился если и не равнодушно, то с некоторым фатализмом, не предпринимая ни малейших усилий, чтобы что-то изменить.

Возникающие боли он снимал нитроглицерином. В дневное время стал меньше двигаться из-за тут же появляющейся одышки и слабости, но на обследование не ложился и курса какого бы то ни было лечения себе не назначал. После того как в Константиновском закрыли больницу, ему вдруг стало неинтересно жить.

Нет, он по-прежнему с ласковой радостью смотрел на хлопочущую по дому Марусю, которая теперь сменами работала медсестрой в Погорелове, и на подрастающую Анну, тоненькую, хрупкую, похожую на маленького беззащитного олененка, грациозно вскидывающую голову при внезапном звуке, широко распахивающую огромные, светло-серые, как у него, глаза.

Его девочка не была создана для того жестокого мира, в котором родилась. Обыденные для любой деревенской девчонки вещи для нее становились непреодолимым препятствием. Она не могла ни растопить печь, ни нанести воды, ни подоить козу. Коз Маруся завела еще в самом начале их семейной жизни, справедливо полагая, что и ребенку, и обожаемому мужу полезно пить козье молоко, и выполняла свой долг по обеспечению их свежим молоком с той маниакальностью, с которой делала все, что относилось к ее семье.

Марусе недавно исполнилось тридцать пять. Девичья угловатость движений давно исчезла, уступив место женской мягкости и плавности. Округлые формы были пышны и на глаз, и на ощупь.

Маруся была красива той настоящей русской красотой, которая сохранилась еще только в глубинке с ее неспешным ритмом жизни. Василий знал, что на нее заглядываются мужчины, но ему даже в голову не приходило ревновать жену. Ее привязанность к нему была такой ровной, глубокой и безбрежной, что скажи ей, что она может быть счастлива с каким-то другим мужчиной, она бы даже не поняла, о чем идет речь.

Маруся была его тылом. Его берегом, к которому он пристал шестнадцать лет назад и где обрел долгожданный дом, семейное счастье и любовь, о чем уже даже не мечтал. Глядя на нее, он каждый день благодарил бога, с которым, разменяв седьмой десяток, вдруг стал вести внутренний диалог, за то настоящее, которое у него было. При переводе взгляда на Анну перед ним возникали картинки будущего. Но прошлое, горькое, надсадное прошлое, наполненное разрывами снарядов, свистом пуль, кровавым месивом бесконечных операций, смертью той, первой, Анны и Генриха, все чаще вставало перед ним, молча и печально смотрело прямо в лицо, заглядывало в глаза, манило к себе, медленно, но неумолимо.

Впервые за много лет Василий начал почти каждый вечер вынимать из своего ящика стоявшего в их спальне комода ярко-красный шелковый платок в белый горох и завернутую в него потрескавшуюся фотографию. Ничем Анна Битнер не была похожа на его Марусю, и чувство, которое он испытывал к этим женщинам, было совсем разным.

– Ну надо же, чтобы понять, какой разной может быть любовь, нужно прожить на свете шестьдесят два года, – бормотал он. Гладил длинными чуткими «хирургическими» пальцами выцветший лак фотокарточки, перебирал скользкий прохладный шелк платочка.

Впервые за много лет Анна Битнер начала приходить к нему во сне. Он помнил ее именно такой, с колечками белокурых волос на крупном выпуклом лбу, хитрыми голубыми глазами, на дне которых прятались бесенята, в шелковом платке в горох на тонкой, но крепкой шее.

Она либо сидела на качелях, стоящих во дворе битнеровского дома, либо пряталась в ветвях яблони, либо сбегала ему навстречу с крыльца, спрашивая что-то по-немецки. Во сне он не мог разобрать слов, но ее звонкий смех звучал в ушах даже после пробуждения.

Сегодня ему снова приснилась Анна. Стоя в конце улицы, на которой высился ее дом, она призывно махала Василию рукой и кричала, что его больницу закрыли, так что он в ней уже не нужен. Сегодня Василий почему-то даже во сне разбирал немецкий язык, хорошо понимая смысл ее слов. Больница в Константиновском действительно была закрыта, потому что большинство жителей окрестных деревень давно уже перебрались в город. С обслуживанием тех, кто остался, благополучно справлялась участковая больница в Погорелове. Медперсонал, включая Марусю, перевели туда, а вышедшего на пенсию Василия отправили на заслуженный отдых.

– Лемешев до восьмидесяти восьми лет консультировал, – растерянно говорил он дома Марусе, – а мне всего-то чуть за шестьдесят. Машенька, как же так получилось, что весь мой опыт никому не нужен?

– Васенька, – все годы своей семейной жизни Маруся называла мужа только так, ласково и нежно. Как в ночь после свадьбы сменила строгое обращение Василий Николаевич на Васеньку, так больше и не отступала от выбранной линии. – Васенька, ну что ты себя мучаешь? Люди глупы и неблагодарны. Если хочешь работать, давай в твой Ленинград поедem. Вернешься в свою больницу.

– Да кому же мы там нужны, Машка, – горестно усмехнулся он. – Уж если в шестидесятые не уехали, когда я еще в силе был, то сейчас уж и подавно. Где жить будем? Где работать? Нет уж, в Константиновском останемся.

– Ну и останемся, – тут же согласилась Маруся. – Не беда. Дом большой, огород нас прокормит, сад чудесный, свежий воздух. Тебя все знают и уважают, а что работы нет, так отдыхай, Васенька. Ты же всю жизнь как вол пахал. Книги свои читай, в гамаке лежи, хочешь, начни мемуары писать.

– Какие мемуары? – Василий захохотал. – «Записки врача», так их Вересаев и Чехов уже написали, чуть ли не сто лет назад. И Булгаков тоже отметил. Так что ничего нового я не создам, Маруся. Я во всем вторичен. Только для тебя я первый.

– Для меня ты единственный, – серьезно ответила Маруся.

– Я знаю. Солнышко ты мое, – это ласковое обращение заставило Марусю вскинуть на мужа глаза в немом изумлении. Обычно Василий был не щедр на ласку.

Разговор этот состоялся полгода назад, и прошедшие шесть месяцев стали самыми муторными и бессмысленными в его жизни. Он действительно много читал, смотрел по телевизору старые фильмы, бестолково брался помогать Марусе по хозяйству, которое так и не освоил, пытался пристраститься к рыбалке, но не понял ее тихой прелести, пробовал гулять по окрестностям, но начал быстро уставать, присаживаться на пригорки с быстро колотящимся сердцем и покрывшей лоб испариной. Именно в эти дни ему и начала сниться Анна, а за грудиной поселилась подлая змея.

От сегодняшнего сна он проснулся, тяжело дыша. Сердце стучало в груди, и с каждым ударом усиливалась боль, вызванная впрыском змеиного яда. Чтобы унять невыносимое жжение, Василий сел в постели. Стучала в окно рябина, нашептывая те же слова, что произнесла во сне Анна: «Ты здесь никому не нужен».

Боль становилась все сильнее, захватывая левую руку, переднюю часть шеи, спину, заставив застонать и закашляться. Схватив с прикроватной тумбочки баночку с нитроглицерином, он немеющими руками попытался достать пробку, но не смог. Тонкий тубик выпал из рук, с глухим стуком ударился об пол и закатился под кровать.

То ли от этого стука, то ли от его стога проснулась Маруся, тревожно вскочила с постели, прошлепала босыми ногами до двери, у которой располагался выключатель. Щелк, и свет озарил комнату, отгоняя предутреннюю августовскую полутьму, обнажил разобранную кровать, сидящего в ней всклокоченного Васю, с болезненной гримасой на лице прижимающего руки к груди.

– Васенька, что? Тебе плохо? – спросила Маруся и метнулась к столу, на котором стоял стакан с водой.

– Очень сильно болит, – прошептал Василий и стал медленно опускаться на белоснежные подушки, уже переступив грань, отделяющую его от настоящего, в котором протягивала к нему руки Маруся, к прошлому, в котором, призывно улыбаясь, махала ему рукой с зажатым в ней красным шелковым платком в белый горох Анна Битнер.

Лилась на постель бесполезная уже вода, смешиваясь с горячим потоком Марусиных слез, но этого Василий Истомина больше не видел и не чувствовал.

Наши дни

До леса оказалось гораздо дальше, чем думала Василиса. С детства привычная к прогулкам на дальние расстояния – и грибы, и ягоды они с бабушкой Машей всегда заготавливали в «товарных» количествах, – она совершенно запыхалась к тому времени, когда впереди показался тот самый лесок, который она рассматривала в окно поезда.

Трава на лугах была некошена, а потому больно била по коленям и бедрам. Василиса чертыхалась, что вместо привычных джинсов надела шорты, впрочем, джинсы тоже вряд ли стали бы спасением – день стоял солнечный, поэтому в них было бы жарко.

Кроме того, с утра она подоила козу, и теперь с непривычки болели руки. С козой Василиса управлялась умело – с того момента, как ей исполнилось восемь, в их семье это стало только ее обязанностью. Однако последние несколько лет переехавшая в город бабушка Маша козу не держала, так что сказывалось отсутствие практики.

Сегодняшняя коза была соседская. За забором, отделяющим участок тети Ангелины от другого, с покосившимся и облезлым домом-развалюхой, она жалобно блеяла. Мычание и разбудило Васю, которая, спросонья долго щурясь на световую дорожку на полу, никак не могла взять в толк, где она находится. Комната вокруг, свет в окне, блеянье козы за окном возвращало ее в детство, но, помотав головой, Вася заставила себя вернуться в реальность.

Накинув халат и шлепки, она вышла из комнаты в кухню. Ангелины дома не было. На столе стоял накрытый чистым полотенцем завтрак: овсяная каша, пирог с луком и яйцом, стакан молока и вареное вкрутую яйцо, явно домашнее.

Быстро умывшись под рукомойником, Василиса присела к столу, предвкушая простой, но вкусный и сытный деревенский завтрак, когда блеянье за окном повторилось. Было оно еще более жалостным, так что Вася, с сожалением отложив надкушенный пирог, вышла на двор и приблизилась к забору. Коза была привязана к столбу, а из открытого настежь окна дома кто-то стонал, не менее жалобно, чем коза.

Забор из простого штакетника был невысоким. В детстве Вася лазала и не через такие, поэтому, лихо перемахнув через него, она оказалась на соседнем участке и подошла к окну.

– Эй, есть тут кто-нибудь? – негромко спросила она.

– Есть, деточка. Есть, красавица, – по голосу Вася узнала вчерашнюю бабушку-ворчунью Наталью. – Давление у меня, доченька. Встать не могу.

– А тонометр есть? – в Васе тут же проснулся врач.

– Да как не быть?

– Тогда я сейчас войду, измерю вам давление и окажу помощь, – решительно сказала Василиса. – Вы не бойтесь, тетя Наталья, я врач.

– Я и не боюсь, – бабушка вдруг колюче засмеялась. – Брать у меня все равно нечего. Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Когда давление было измерено, Вася сбегала в свой дом за аптечкой, которую всегда возила с собой, быстро сделала бабушке Наталье укол и дождалась, чтобы той стало полегче. Лицо ее из пепельно-серого стало розовым, в глазах появился блеск.

– Вот спасибо тебе, дочка! – удовлетворенно сказала бабушка. – Обычно-то мне таблетка помогает. Капотен я пью, мне доктор в районной больнице прописал. Лежала я там в прошлом году. А тут так скрутило, что даже встать не могла. Телефон-то, чтобы «Скорую» вызвать, в другой комнате остался. Думала, помру.

– Не помрете пока, – успокоила Вася. – Но в вашем возрасте телефон нужно всегда держать при себе. Ладно я услышала. А если бы нет?

Сквозь открытое окно снова послышался полный муки голос козы.

– Охо-хо, – бабушка Наталья вздохнула, – недоена кормилица моя, а я уж раньше обеда не встану. Жалко скотину.

– Я подою, – сказала Василиса и, перехватив изумленный взгляд бабушки, добавила: – Вы не бойтесь, я умею.

Козу она подоила действительно ловко и споро, в благодарность приняла от бабушки Натальи литровую банку молока, которую отнесла в дом к Ангелине и поставила в холодильник. Потом все-таки съела свой вкусный завтрак и засобиралась в лес, раздумывая, оставить ли Ангелине записку, куда она подевалась, или не стоит.

После недолгого размышления она отказалась от этой затеи. Вещи ее оставались в доме, так что хозяйка вряд ли могла решить, что она сбежала, а куда она ходит на отдыхе, это ее личное дело.

Отмахиваясь от вездесущих оводов, Вася отерла испарину, выступившую на переносице, и ускорила шаг. До леса с его спасительной тенью было совсем близко. Впереди уже слышался шум железной дороги, по которой мчался поезд. Как определила Вася, мельком взглянув на часы, тот самый, из окна которого она увидела тело Вахтанга.

Лес принял ее в свои объятия гостеприимно и бережно. Запомнив положение солнца, чтобы ориентироваться на местности, Вася зашагала по мягкому моховому ковру, который расстилался у нее под ногами. То тут, то там, встречался черничник. Синих спелых ягод было пока немного, но иногда они все-таки попадались, и Вася останавливалась, чтобы сорвать ягодку и отправить в рот.

Затем ей встретился земляничник. Красная россыпь ягод радовала глаз, рот немедленно наполнился слюной. Лесную землянику Василиса обожала. Зайдя в самый центр полянки, она присела на корточки, достала прихваченный с собой целлофановый пакет и начала ловко и аккуратно собирать ягоду, остро пахнущую счастьем.

«Вот и алиби у меня будет, – думала она при этом. – Если спросят, зачем я в лес пошла, то скажу, что за земляницей. Вечером съем ее с молоком, как бабушка Маша всегда учила».

Предвкушая удовольствие, Василиса даже зажмурилась. Несмотря на совершенно нерадостный повод, который привел ее в Авдеево, она действительно чувствовала себя в отпуске. Все вокруг так сильно напоминало ей детство, что душа замирала от острого ощущения счастья. Если бы еще удалось выяснить, что случилось с Вахтангом, то большего от проведенного здесь времени нельзя было и ожидать.

Собрав землянику, она пошла дальше, перепрыгивая через сломанные, видимо в грозу, деревья. Мох под ногами редел, становилось больше мокрых и осклизлых листьев, елки делались гуще, нахально лезли в лицо своими мохнатыми лапами, больно кололи, будто насмехаясь над ее планами.

Потом стали встречаться грибы, да все белые. Решив, что она никуда не опаздывает, Вася вытащила из закинутого на плечи рюкзака еще один пакет и теперь уже с азартом собирала грибы, радуясь, что хватит на хорошую жареху. Шум железной дороги становился все ближе. В просветах деревьев делалось все светлее, и Вася поняла, что скоро выйдет к железнодорожной насыпи.

Место, где убили Вахтанга, открылось перед ней так внезапно, что она даже отпрянула, не готовая к тому, что увидит. Примятая трава между редкими березами и бурые, будто выцветшие, не до конца смытые недавним дождем пятна крови на стволе дерева отчетливо показывали, что Василиса приблизилась к цели своего путешествия.

Пробравшись поближе и убедившись, что перед ней действительно железная дорога, от которой ее отделяет лишь узкий ряд берез, Вася вернулась к примятой траве, сняла и отложила в сторону свой рюкзачок и, опустившись на колени, начала аккуратно, сантиметр за сантиметром, осматривать место, где оказалась.

Она и сама толком не знала, что ищет. Было совершенно ясно, что после того как здесь обнаружили тело, в лесу перебивали десятки полицейских, наверняка аккуратно собравших все улики. Однако интуиция, которой Вася славилась с раннего детства, гнала ее продолжать поиски.

Василиса планомерно обыскивала территорию, постепенно увеличивая радиус действия, и вспоминала, как в детстве нашла бабушки– Машину сережку. Потеря сережки – небольшой, изящной, со вставленным в золотую оправу голубым камушком, подчеркивающим небесную синеву бабушкиных глаз, – обернулась трагедией, потому что это был подарок деда, которого Вася никогда не видела.

Никогда не плакавшая бабушка, скала, надежда и опора всей семьи, рыдала как малое дитя. Она уже обыскала весь дом, и огород, и баню, но сережка как сквозь землю провалилась. Вернувшись из школы Вася любовалась невиданной картиной – плачущей бабушкой Машей и застывшей над ней в полной растерянности мамой, – аккуратно сняла школьный ранец, в задумчивости постояла посередине горницы, а затем решительным шагом пересекла комнату, миновала узкий коридорчик, нырнула за печку и там, в тесном простенке, где на гвоздях висела бабушкина рабочая одежда, на полу нашла ту самую сережку, сиротливо блестящую голубым камешком в тусклом луче света, лениво заглядывающем сюда из закутка, в котором спала бабушка.

– Как ты догадалась, что она там? – вопрошала ее разом успокоившаяся бабушка Маруся, но Василиса не могла этого объяснить. Картинка, представившаяся ей, когда она размышляла, где

бабушка могла обронить сережку, была такой яркой, что Васе даже показалось, что она в кино, в которое они с мамой иногда выбирались в погореловский клуб.

По утрам бабушка обихаживала скотину и при этом надевала поверх обычной одежды старую холщовую рубаху, оставшуюся еще от ее старшего брата. Вернувшись, она всегда заходила за печь, где снимала рубаху и вешала на специальный гвоздик. Рубаха снималась через голову, видимо, краем горловины бабушка и зацепила сережку, не заметив этого.

– Ничего себе интуиция! – уважительно заметила Маруся, когда внучка рассказала ей о своих логических умозаключениях. С тех пор в их семье к Васиной интуиции было принято относиться с уважением.

Сейчас она просто знала, что ей нужно прочесать этот участок леса, поскольку здесь наверняка есть что-то важное. Не могло не быть, иначе зачем Вася ехала сюда за двести километров от дома? Она уже довольно сильно отдалилась от места убийства, где оставила свой рюкзачок, но продолжала шарить в траве, внутренне сердясь на себя за упорство.

У выступившего на поверхность земли толстого, кривого, жилистого елового корня, похожего на старика, скрюченного тяжелой болезнью, неожиданно что-то блеснуло. Едва сдерживая нетерпение, Вася руками разгребла траву, затаила дыхание перед неизбежным разочарованием, протянула руку и достала серебряную монету, потемневшую от времени, но довольно хорошо сохранившуюся.

Не веря своим глазам, она все смотрела и смотрела на эту монету, не в силах сдержать удивления. У бабушки Маруси была точно такая же. Рубль 1727 года, Петр Второй на аверсе, три короны на его груди. Вернее, когда Вася была маленькая, монет было десять. И именно это оставшееся от деда богатство и позволило маме и бабушке купить по однокомнатной квартире себе и Василисе. Каждая монета стоила четыреста тысяч рублей. Одну бабушка оставила на память о муже, категорически отказавшись продавать. Но и девяти хватило на две маленькие, но уютные квартирки, а также на простенький ремонт и нехитрую мебель.

Было это семь лет назад, когда Василиса оканчивала институт и должна была освободить студенческое общежитие. Последнюю монету бабушка берегла как зеницу ока. Завернутая в вату и

упакованная в жестяную коробочку из-под индийского чая, она лежала в старом дедушкином фибровом чемодане, с которым он приехал в Константиновское. Там же хранилась фарфоровая кружка с голубыми незабудками, красный шелковый платок в крупный белый горох и старая фотография неизвестной Васе женщины, о которой бабушка говорила как-то уклончиво и поджав губы.

Переехав в город, бабушка привезла старый чемодан с собой. Вася голову могла отдать на отсечение, что, когда она в последний раз была у мамы, чемодан лежал на шкафу в прихожей. Их монета, непонятно называемая бабушкой «наследием Багратиона», была в целости и сохранности, но сейчас на Васиной ладони лежала точно такая же.

* * *

Как причудлива память!

Один только взгляд, брошенный на выцветшую фотографию, где бабушка ведет тебя, сердитую и насупленную, из «Детского мира», – и вот уже ты физически ощущаешь детское свое горькое разочарование от того, что купили тебе не возжеленную немецкую красавицу-куклу, а всего лишь бежевого плюшевого медведя.

Мало того, ты начинаешь чувствовать тот особенный, ни с чем не сравнимый запах, который стоял в этом волшебном магазине, куда ты в свои пять лет входила, затаив дыхание.

Ты гладишь старую фотографию, и под пальцами твоими не чуть скользкий глянец снимка, а толстый, немного колючий драп бабушкиного пальто, за которое ты доверчиво держишься в автобусе.

А в другой руке у тебя пакет с медведем, и, несмотря на то что еще пять минут назад ты была совсем не рада покупке, ты уже представляешь, как дома нетерпеливо сорвешь с пакета ленточку и посадишь медведя на диван, и он будет твой, только твой, и вечером он ляжет с тобой спать, и ты всю ночь будешь прижиматься к его теплему плюшевому боку.

Ты помнишь, как жарко тебе было в толстой черной искусственной шубе шагать от остановки в предвкушении более близкого знакомства со своим медведем. Как было мокро и горячо

волосам под двумя шапками – маленькой, белой, связанной из некусачих хлопчатобумажных ниток, и большой, шерстяной, ярко-зеленой, с вывязанным сложным узором. И как ты жалела, что у медведя нет шапки, и размышляла, удастся ли уговорить бабушку связать ему ее из разноцветных остатков ниток, или ему так и ходить с босой головой.

И хрусткий снег под резиновыми калошами, надетыми на валенки, и желтый мех бабушкиного воротника, и ее хорьковая шапка, немного потертая в том месте, где она соприкасается с воротником, становятся такими реальными, словно и не было после этого похода в «Детский мир» почти сорока лет.

Куда делся тот медведь? Долго ли им играли? Не помнится. Все-таки как причудлива память!

Глава 9. Новые знакомства

Злость и гнев не в состоянии решить ни одной проблемы.

Грейс Келли

Наши дни

Аккуратно очистив монетку от налипшей на нее влажной земли, Вася спрятала ее в кармашек шорт и побрела обратно, к оставленному рюкзачку и пакетам с земляникой и грибами. Сердце ее учащенно билось от понимания важности находки. Монета, скорее всего, имела отношение к убийству Вахтанга, хотя Вася и представить себе не могла, какое именно.

Монета была из далекого прошлого, и разгадка преступления, видимо, тоже крылась в прошлом. Том самом прошлом ее семьи, о котором ей ничего не было известно.

«С бабушкой бы поговорить, – в который уже раз за последние дни тоскливо подумала она. – Ну почему я, раззява, никогда не спрашивала у нее о прошлом деда, о том, откуда взялась у него эта монета, у кого еще могла быть точно такая же! Какие такие тайны скрывает наша семья, что о них не принято говорить вслух? Кто мой отец? Мама не хотела говорить на эту тему, а я и не настаивала. Дура, ей-богу, дура!»

В кустах раздался треск, но она не обратила на него внимания, увлеченная своими мыслями. До места убийства оставалась всего пара шагов, Вася уже видела между деревьями свой рюкзачок и невольно ускорила шаг, подстегиваемая тайной, которая пока не имела разгадки. Монета сквозь джинсовую ткань жгла ей кожу, как будто была раскалена.

Треск повторился, Василиса, нагнувшись к рюкзачку, инстинктивно повернула голову в сторону ломающихся сучьев и обомлела. Из кустов на нее смотрел здоровенный кабан. Это был взрослый секач, и Василиса с запозданием вспомнила, что, прочесывая территорию в поисках важных улики, к коим можно было отнести найденную монету, видела характерные кабаньи следы – острое

раздвоенное копытце, но по беспечности своей не обратила на это внимания, как и на яму с водой, изрытую все теми же копытцами.

Для деревенской девчонки это было непростительно. Василиса лучше многих знала о печальных последствиях встречи с разъяренным диким вепрем, которые в большинстве случаев заканчивались серьезными травмами, зачастую даже несовместимыми с жизнью.

Сдерживая панику, разраставшуюся в груди как снежный ком, летящий с горы, она пыталась вспомнить, как нужно себя вести при встрече с кабаном. Лучше всего было незаметно скрыться, однако секач уже увидел ее и теперь, не двигаясь, отслеживал своими крохотными, налитыми кровью глазками малейшее ее движение.

Единственная мысль билась в голове у Василисы: нападет или нет. Задумай кабан спастись от нее бегством, у нее появлялся бы шанс. Реши напасть, шансов у нее не останется.

Бежать было бессмысленно. Василиса помнила, что кабаны бегают гораздо быстрее людей. Лучшее из всего, что она могла бы сделать, это залезть на дерево. Василиса медленно и неторопливо подняла голову к веткам того дерева, рядом с которым стояла. Пожалуй, они были расположены не очень высоко от земли, и она попыталась на глаз прикинуть траекторию своего движения: сначала подпрыгнуть и уцепиться руками за нижние сучья, потом подтянуть ноги к животу, затем попробовать закинуть их на сук. Последний раз она лазила по деревьям лет пятнадцать назад, но попробовать явно стоило.

Выстрел, раздавшийся из кустов, прозвучал так неожиданно, что Вася вздрогнула, потеряла равновесие и со всего маху шлепнулась на землю, так и не успев совершить спасительный кульбит.

В кустах, где стоял кабан, послышался визг, затем шорох и треск, и сидящая на земле с вытаращенными глазами Вася увидела, как тяжелая туша вепря рухнула на землю, подминая под себя ветки.

– Не бойтесь, он уже не причинит вам вреда.

Вася замотала головой, пытаясь понять, откуда сначала раздался спасший ее выстрел, а теперь доносился голос. В противоположной от секача стороне раздвинулись кусты, и из них выбрался высокий, довольно крепкий мужчина с седоватым ежиком на голове.

Солнце било ему в спину, так что черт лица было не разобрать. Василиса лишь отметила, что одет он был в летний вариант

охотничьего костюма, распространенный в любой местности и продаваемый в магазинах «Охота и рыбалка». В ее родной деревне такие костюмы были практически у каждого мужика.

– Вас не учили, что, когда вы находитесь в незнакомом лесу, нужно громко петь? – спросил мужик, подходя и протягивая Васе руку, чтобы она смогла подняться.

– Петь? – Руку Василиса решительно отвергла и, собрав остатки гордости, поднялась с земли самостоятельно.

– Ну да, чтобы громкими звуками отгонять живность, притаившуюся в лесной чаще. Я, конечно, видел, что вы собираетесь залезть на дерево, и такое решение, честно говоря, очень похвально, потому что оно единственно разумное в данной ситуации, но было бы гораздо проще, если бы вы спугнули кабана заранее и не дали ему на вас выйти.

– Я понятия не имела, что в этом лесу водятся кабаны, – по мере того как до нее доходил смысл случившегося, у Василисы начал дрожать подбородок.

– Так что же вы одна отправляетесь в незнакомый лес, даже не спросив, существует ли в нем опасность?

– Да, я не права, – призналась Вася. – Спасибо, что вы меня спасли. На дерево я бы, конечно, залезла, но что было бы дальше, представляю себе плохо.

Она повернулась к своему спасителю спиной, чтобы поднять с земли рюкзак, и услышала его тихий смех.

– Что смешного? – осведомилась она достаточно агрессивно. Василиса Истомина больше всего на свете не любила, когда над ней смеются.

– Боюсь, что в лес вы сегодня сходили напрасно, – голос незнакомца дрожал от веселья, и Василиса судорожно схватилась за карман, в котором лежала драгоценная монета. Монета была на месте, но, повертев головой в поисках того, что могло вызвать такой искренний мужской смех, Василиса обнаружила, что, падая, раздавила не только пакет с белыми грибами, превратившимися в мало пригодную для готовки кашу, но и пакет с земляникой. Теплый ароматный сок пропитал ее джинсы аккурат в районе попы.

Пережитый страх, напряжение последних недель и острая жалость по поводу потерянной земляники смешались в какой-то

невиданный коктейль, по разрушительной силе равный коктейлю Молотова, и Вася отчаянно зарыдала, размазывая слезы по лицу и всласть завывая, не стесняясь даже совершенно чужого мужика, который озадаченно стоял перед ней.

– Ну хватит-хватит, – он сделал еще один шаг вперед, обнял ее сильными руками и прижал к груди, которая под тонкой тканью пятнистой рубашки оказалась твердой и рельефной. – Испугалась, я понимаю. Но все уже позади. Не плачь.

Рыдать на груди незнакомца было неожиданно приятно, так что Вася позволила себе пошмыгать носом еще минуты две, после чего решительно отстранилась. Он отпустил ее сразу, не пытаясь удержать.

– Спасибо вам, – дрожащим голосом сказала Вася. – И за то, что кабана убили, и за то, что сейчас утешаете. Так-то я не имею привычки рассупониваться перед незнакомцами, просто тут совпало все, ужасно неблагоприятно.

– Бывает, – он вытащил из кармана штанов большой клетчатый носовой платок, очень чистый, и протянул ей. Вася высморкалась и благодарно посмотрела на незнакомца. Смотреть приходилось снизу вверх.

– Меня Василисой зовут, – сказала она, хотя он ни о чем ее не спрашивал. – А вас?

– А меня Валерой, – тут же отозвался он, не обратив на ее необычное имя никакого внимания. – Пойдемте, я вас из леса выведу.

– А кабан? – спросила она, повернувшись в сторону неподвижно лежащей туши.

– Дичь жареная, не улетит, – процитировал он фразу из известного кинофильма. – Я вас до края поля доведу и за тушей вернусь. Хоть сезон охоты еще не открыт, оставлять такой трофей в лесу я не намерен.

– А что же вы делали в лесу, если охота еще запрещена? – спросила Василиса и тут же поймала себя за язык. Это было довольно невежливо – задавать такие вопросы незнакомому человеку. Он усмехнулся.

– Скажем так, гулял. А ружье прихватил с собой, потому что в отличие от вас знаю, что здесь водятся кабаны.

Валера повернулся и широкими шагами двинулся прочь из лесной чащи. Подхватив рюкзак, еще раз тайком проверив, на месте ли

монета, и бросив последний, полный сожаления взгляд в сторону своей неудавшейся грибной и ягодной добычи, Вася засеменила вслед за ним.

– А вы в Авдеево живете? – крикнула она, чтобы заставить его снизить скорость.

– Да, – односложно ответил он. – А вы приезжая?

– Да, дачница. Снимаю комнату у тети Ангелины.

– Знаю, – он остановился, поджидая ее, и глядящая под ноги Вася со всего маху снова ткнулась в его твердую грудь. – Вчера вы бродили неподалеку от моего дома, так что я уже имел честь вас видеть. Вы, правда, были с ног до головы мокрая.

– А, так это вы проехали мимо меня на мотоцикле, – догадалась Вася. – У вас дом такой... – она замолчала, подыскивая подходящее слово, – ...основательный. непохожий на все остальные.

– Я все в жизни делаю основательно, – согласился Валера. – Если захотите, приходите в гости, покажу свои хоромы изнутри.

– Спасибо, – пискнула Вася, понимая, что никогда в жизни не войдет к нему в дом. Во-первых, это неприлично – незамужней девушке ходить к едва знакомому мужчине. Во-вторых, от него исходило ощущение какой-то невиданной ею доселе силы. И, пожалуй, опасности.

Сезон охоты был еще не открыт, и тем не менее он оказался неподалеку от того места, где убили Вахтанга, да еще с ружьем в руках. На грибника он был совсем не похож, а больше в эту пору в лесу было делать совершенно нечего, так что Вася вдруг запоздало испугалась.

К счастью, впереди уже виднелось поле, по которому она сюда пришла, затем луг, а там и до деревни было рукой подать. Гул железной дороги стал едва различим за оставшимися позади деревьями.

– Ну ладно, Василиса, до свидания, – попрощался Валера, и Васе почему-то стало приятно, что он запомнил ее имя. – Если еще раз окажетесь в наших лесах, то послушайтесь моего совета: пойте, да как можно громче. Поняли?

– Поняла, – засмеялась Вася. – Еще раз спасибо вам.

Вернувшись домой, она со вкусом поведала тете Ангелине о своих лесных приключениях. Квартирная хозяйка встретила ее как-то

настороженно, но во время рассказа оттаяла, охала и ахала, всплескивая полными руками, смеялась, когда Вася описывала, как упала точно на грибы и землянику.

– Иди уж, отмывайся да отстирывайся, – сказала она, когда Вася закончила свой рассказ. – А в лес одна и впрямь не суйся. Места у нас глухие. Да и вообще. Окаянные места.

Василиса целый вечер думала над тем, что значат эти слова, но так ничего и не придумала. Отстирала шорты, предусмотрительно перепрятав серебряную монету, сбегала их прополоскать на речку и, чтобы хоть как-то сгладить неприятные воспоминания дня, решила затеяться с пирогами.

– Тетя Ангелина, можно я пирогов напеку? – спросила она.

– Пеки, – удивленно ответила та. – Только печь-то с утра уже остыла.

– Не беда, я протоплю, – уверенно ответила Вася. – Сейчас несколько поленьев кину и, пока топится, в магазин сбегая, за творогом. Вы что больше любите – рогульки или открытый пирог?

– Да мне что, – медленно и как будто нехотя ответила Ангелина. – С чем напечешь, с тем и будет. Яйца вон бери свежие. Тебе бабка Наталья принесла, в благодарность.

– За козу, что ли? – Василиса засмеялась, вспомнив утреннюю дойку. – У меня сегодня весь день сплошные приключения. Что ты будешь делать!

Спустя три часа румяные горячие пироги – с творогом, с капустой, с картошкой и с яйцом, накрытые найденным в комодке чистым вафельным полотенцем, – доходили в центре стола. Рядом пыхтел обнаруженный Васей в сених и натопленный дедовским методом медный самовар. Как все в доме Ангелины, начищен он был до блеска, даже глазам было больно смотреть в его яркие бока.

Заварив чаю с мятой и листочками смородины, гордая своими домашними умениями, Вася пригласила возившуюся в огороде хозяйку к столу.

– Вот что, девка, – решительно сказала та, откусив от пирога с творогом и вдруг отложив его в сторону. – Я недомолвок и экивоков не люблю. Поэтому спрошу сразу. Почто ты мне соврала?

– В смысле? – непонимающе посмотрела на нее Василиса и вдруг сообразила и начала краснеть, наливаясь помидорным румянцем.

– В смы-мысле, – передразнила ее Ангелина. – Ты мне что сказала? Что городская. Что в деревню в первый раз в жизни приехала. А я что вижу? Когда у картошки первый урожай, ты в курсе, печь топишь, самовар растопляешь, любо-дорого смотреть. Козу доишь. Одежду в комнате на веревке развешиваешь, как испокон веку деревенские делают. От борщевика бережешься. Баню любишь. Пирог в печи печешь. Деревенская ты девка! Навык у тебя такой, что в кровь вьелся, не вытравишь. А раз так, то зачем ты мне соврала и по какой такой надобности в глушь нашу приехала?

– Правда ваша, – Василиса понурила голову, так ей было стыдно. – Сама не знаю, зачем соврала, тетя Ангелина. Я ведь действительно в деревне родилась и выросла. Только далеко отсюда, в Вологодской области. А сюда приехала, потому что тут, неподалеку от вашей деревни, друга моего убили. Не хотелось мне про это говорить. Расспросов не хотелось. Да вот все равно приходится. Правильно меня бабушка всегда учила: не умеешь врать – не берись.

– Это в лесочке пару недель назад мужика нашли, так это твой? – охнула Ангелина и приложила руки к губам. – Ну надо же! Как же, помню-помню. Как нашли его, сердешного, так милиции понаехало ужась сколько!

– Полиция сейчас, – машинально поправила Василиса.

– Да без разницы. Три дня тут крутились, по домам ходили, как же. А потом уехали. Так и не нашли, выходит, кто его? – в ее внимательных глазах светилось горячее любопытство.

– Не нашли, – вздохнула Вася. – Я и решила приехать, посмотреть, что к чему. Понимаете, нечего ему тут было делать. Совсем нечего. Не было у него тут никаких знакомых.

– А ты уж всех его знакомых знаешь? – усомнилась Ангелина.

– Всех не всех, но мы много раз мимо вашей деревни вместе на поезде ездили, и никогда он даже полсловечком не обмолвился, что тут кто-то живет.

– А ты-то чего разузнать хочешь?

– Сама не знаю, – призналась Вася. – Но чувствую, что ответ тут искать надо.

– Эх, девка, молодая ты еще. Не понимаешь, что не каждый вопрос ответа требует, – Ангелина снова взяла пирог, откусила от него и прихлебнула успевшего остыть чаю. – От иного ответа подальше

держаться надо, вот что я тебе скажу. Тогда и проживешь дольше и спокойнее.

– Тетя Ангелина, а когда полиция по домам ходила, так и не выяснили, знал кто-нибудь Вахтанга из местных или нет?

– Никто его не признал, – Ангелина снова шумно отпила чаю из чашки.

– А тут все давно живут?

– В Авдеево-то? Давно. Тут место не престижное, богатые не строятся. Как жили десятки лет назад, так свои дома по наследству детям и внукам и передали. У меня дом этот, к примеру, – родина отца. Он как на пенсию вышел, так сюда вернулся. И муж у меня из этих мест. – На этих словах Вася вздрогнула.

– Эх, девка. Жизнь штука сложная. Я тебе уже говорила. Иной грех всю жизнь отмаливать надо. Так что не суди ты меня.

– Да что вы, я и не сужу, – пробормотала Вася и, чтобы перевести разговор с неловкой темы, спросила: – А Валера местный?

– Валера??? А-а-а-а, Валера. Местный, конечно. С пятидесятих годов тут живут. Ссылные они. Немчура – она немчура и есть. Приехали сюда из Казахстана. Бабку его звали Магда. Маленькая такая, жилистая была, глаз злой. Посмотрит, как рентгеном прошьет насквозь. И сын ее, Валеркин отец. Адольфом звали. Вся деревня над этим именем потешалась. Парня этого иначе как фашистом и не кликали. Потом он уехал куда-то, возвращался только мать проведать. Говорили, в Питер, учиться, да мне то неизвестно. С женой приезжал да с ребенком. Вот с этим самым Валерой. На самом-то деле его Вальтером зовут. Валера – это так, для удобства.

– Вальтер – красивое имя, – Вася покатила его на языке, как льдинку.

– Да уж чего красивого, – Ангелина поджала тонкие губы. – Вальтер Адольфович Битнер. Язык сломаешь, пока выговоришь.

1956 год

Адольф открыл глаза. Хмурое утро вползало в комнату сквозь щели в ставнях. За те полгода, что они тут жили, он так и не мог привыкнуть к тому, что на ночь мама закрывала окно ставнями. В Казахстане было иначе. Там и зимой, и летом он просыпался и сразу видел в окно укутанные дымкой горы. Даже в жару горы были одеты в

кокетливые снежные шляпки, а дымка была чем-то типа вуали, которую дамы опускали с тульи шляпы на лицо, закрывая его от нескромного взгляда.

В жизни женщин в шляпке с вуалью Адольф никогда не видел, только на картинках в книжке. Но они были так же изысканны и прекрасны, как горы, которые всегда оказывались рядом, куда бы он ни шел. Это была обязательная часть пейзажа, и, поселившись в Авдеево, Адольф в первое же утро, проснувшись, испугался, что случился апокалипсис, потому что гор в окне не увидел. Он закричал от страха и разбудил маму, а потом вспомнил, что просто он не в Казахстане, а в России.

Острое чувство потери от отсутствующих в окне гор он испытывал каждое утро недели две, а потом мать начала на ночь запирает окна деревянными ставнями, потому что иначе им по ночам били стекла. Они были чужаки, фашисты, немчура, но к этому, в отличие от того, что здесь не было гор, привыкать не требовалось. В Джамбуле, где он родился и вырос, его дразнили точно так же.

Самое первое его детское воспоминание было связано с маслом. До того, как отец собственными руками построил мазанку, в которой они жили уже только своей семьей, они обретались в бараке, в котором спали, выясняли отношения, стонали в бреду, рождались и умирали пятнадцать семей. В уголке барака, отгороженные занавеской, стояли трехэтажные нары, на которых Битнеры вместе с Адольфом занимали второй этаж. На первом этаже спала семья крымских немцев, также сосланных за пособничество врагу, – сорокалетние муж с женой и двое сыновей. Третий этаж был отдан во владение пятидесятилетней семейной пары, вечно мрачной жены и худого, сутулого, суетливого мужичонки.

Мрачная женщина работала в столовой при кожевенном заводе. И как-то принесла с работы горшочек топленого масла. С соседями по нарам супруги поделились, что было, то было, а затем задвинули горшочек под нары, в самый дальний и темный угол, чтобы не украли.

Адольфу тогда было года полтора. Уходя на работу, родители оставляли его на полу, чтобы не упал с высоченных нар. Магда стелила пуховый платок и сажала на него сынишку, а чтобы он не уполз, его за ноги привязывали веревкой к ножке трехъярусной кровати. Оставляли в досягаемости горшок и чашку с водой. Вот, пожалуй, и все.

Горшочек Адя нашел, ползая под кроватью. Открыл, ощутив божественный сладкий запах, вспомнил, как вчера перекатывал вечером во рту маленький тающий комочек, зажмурился и колупнул не очень чистым пальцем жирную, крупитчатую желтую массу.

Несмотря на совсем юный возраст, он знал, что поступает плохо, беря чужое, но остановиться не мог, азартно колупал в горшке и облизывал пальцы, по которым, как и по подбородку, стекало масло.

Вернувшиеся с работы соседи нашли его обессиленным от еды, сладко спящим в обнимку с пустым горшком прямо под нарами. Всю ночь его рвало так, что Магда всерьез начала опасаться, что ребенок не выживет. С тех пор он никогда и ни при каких обстоятельствах не ел масла, ни сливочного, ни тем более, упаси бог, топленого.

Сколько Адольф себя помнил, он всегда рисовал. Углем на найденном куске картона, грифелем на доске в школе, подаренным отцом карандашом на оберточной бумаге. Втайне ото всех, даже от родителей, он мечтал стать настоящим художником, понимая, впрочем, что дорога в художественное училище, а уж тем более в институт культуры ему закрыта.

В Авдеево мечта и вовсе потускнела, разве ж в деревне художником станешь. Только и остается, что рисовать для себя. Это Адольф и делал в любую свободную минуту. По памяти он рисовал Казахстан, в котором вырос. Тюльпановые поля в окрестностях Джамбула. Горы в дымке – легкой вуали, прикрывающей их летом, в теплом, пуховом, в тончайшую нитку связанном платке зимой.

Адольф скучал по горам так же сильно, как по отцу. А еще он все время мерз, потому что летом привык к раскаленному полуденным солнцем песку, по которому бегала босоногая детвора. Привык к сладкому соку персиков, стекающему по подбородку. Сладкой-пресладкой черешне, которую можно было воровать из чужого сада. Здесь же даже лето было мокрым и холодным, а из фруктов доступны только мелкие, кислые и, с точки зрения Адольфа, абсолютно несъедобные яблоки. Казахстан грезился ему по ночам, как всегда снится далекая, оставшаяся в прошлом родина.

После того как в пятьдесят пятом году был отменен указ о депортации немцев и они были сняты с учета в спецпоселениях, мать бредила мечтой уехать из Казахстана обратно в Россию. Глядя в одну точку горящими немигающими глазами, она часами рассказывала сыну

о Ленинграде, его улицах, каналах, памятниках, мостах, исторических зданиях, Эрмитаже и своем родном доме в колонии на Гражданке.

Ее эйфория быстро развеялась, потому что переезжать немцы могли куда угодно, кроме тех мест, где они жили до ссылки, поэтому дорога домой была им заказана. Мать все-таки предприняла попытку и взяла билеты на поезд Джамбул – Ленинград, который больше недели тащился по пыльным пустынным степям, потом по средней полосе, все ближе и ближе к городу Ленина, который, как и дам с вуалью, Адольф видел только на картинке. Выйдя на Невский, мальчик застыл, потрясенный мощью и величием города, который всегда снился его отцу.

Ленинград ему понравился, о чем он и сказал матери. Магда горько улыбнулась, жесткая складка прорезала ее щеки, как всегда, когда она пыталась воспроизвести что-то, отдаленно похожее на улыбку.

– Генетическая память, – сказала она, совершенно непонятно для сына. – Это генетическая память в тебе говорит. В этом городе жили твои прадеды и деды. Этот город очень любил твой отец и мечтал в него вернуться. Не успел.

К отцовскому другу, которого Адольф мельком видел всего один раз в жизни, они и отправились сразу с вокзала. Дверь никто не открыл.

– На работе, наверное, – расстроено сказала Магда. – Что же нам теперь, до вечера ждать? Вот что, поедем-ка в Александровскую больницу.

– Зачем в больницу? – испугался Адольф, в котором еще с болезни отца жил неистребимый страх перед всем, что было связано с медициной. – У тебя что-то болит?

Потеряв отца, он до колик в животе, до рвотных спазмов и судорог боялся, что мама тоже заболеет, но она только тихо улыбнулась его испугу и взъерошила рукой кудрявые, белокурые, нестриженные вихры.

– Ничего у меня не болит, сынок. Просто в этой больнице работает человек, к которому мы приехали. Его зовут Вася Истомин. Возьмем у него ключ, чтобы под дверью не сидеть.

Больница оказалась довольно большой, и Магда даже растерялась, потому что понятия не имела, как и где им искать Истомина. Она

беспомощно тыкалась то в одну дверь, то в другую, но в ответ на ее расспросы все лишь пожимали плечами. Василия тут никто не знал.

– Может, и зря приехали, – расстроено сказала Магда, – домой-то он в любом случае вернется. А тут ищи его, свищи. Хоть встань перед окнами и закричи во всю глотку: «Вася Истомин, где ты?»

– Вы Истомина ищете? – рядом остановился мужчина с седым чубом. Он был еще не старым, но седина в волосах придавала ему излишней солидности.

– Да-да, Истомина, – восторженно сказала Магда. – Вы не подскажете, как нам его найти?

– Это невозможно, – покачал головой незнакомец. – Василия Николаевича уже два года нет в Ленинграде.

– А где же он? – неподдельно удивилась Магда.

– Сослали его. В Вологодскую область, – и незнакомец рассказал Битнерам о незавидной истоминской судьбе, о газете с портретом Сталина, выброшенной в мусорное ведро, и о том, как Василий чудом избежал ареста.

– Вот оно как... – задумчиво протянула Магда. – Я-то всегда считала, что Васька – счастливчик, его любая беда и война стороной обходят, не то что моего Генриха. А оказывается, одинаковая у них судьба. Не зря они столько лет дружили.

Согнув плечи, как под непосильной ношей, Магда пошла прочь от больницы. Наскоро попрощавшись с незнакомцем, Адольф побежал вслед за ней. На всю жизнь ему врезалась в память страшная картина, как мать стоит на мосту, который она называла странным словом Аничков, вцепившись руками в перила, смотрит в темную, мертвую гладь воды в реке Фонтанке, а он не понимает, что у нее на уме, и вдруг пугается, что она сейчас бросится в стылую октябрьскую воду.

– Подождите, – оклик был негромким, и Адольф даже не сразу понял, что он обращен именно к ним. Все его внимание было сосредоточено на маме. – Извините, но я не могу отпустить вас просто так. Вы упомянули имя Генрих, это же лучший друг Василия Николаевича, верно?

– Верно, – Магда повернулась спиной к воде и облокотилась на перила моста. Мужчина с седым чубом стоял перед ними и смотрел с внимательным сочувствием. – А вы вот кто?

– Простите, что не представился. Волохов. Игнат Волохов. Мы с Василием Николаевичем вместе воевали. Всю войну прошли, от первого до последнего дня, а потом вот в Александровскую больницу вместе устроились. Я все про него знаю. И то, как расстроился в сорок пятом, когда про ссылку узнал, и то, как он к вам в Казахстан ездил. Вы ведь Магда, верно, а мальчик ваш Адольф.

– Да, – Магда смотрела на незнакомца уже не так настороженно.

– Вам же ночевать негде, вы к Василию Николаевичу ведь приехали, так что давайте я вам помогу. Пойдемте ко мне домой, моя жена рада будет.

– Да нет, это неудобно, – пробормотала Магда, зябко поводя плечами под стареньким тонким пальто, под которое уже проникла вездесущая ленинградская сырость.

– Да что тут неудобного, боже мой? Василий Николаевич столько раз про вас рассказывал, что мне кажется, я вас тоже всю жизнь знаю! Пойдемте, пойдемте. Не стесняйтесь, прошу вас.

Так они оказались в доме у Игната, где хозяйничала его милая, глубоко беременная жена. Точнее, жили Волоховы в большой коммунальной квартире на Лиговском проспекте. Комнату Игнату дали от больницы благодаря усилиям хлопотавшего за него Василия.

– Я сам-то не местный, – рассказывал он Магде, подливая чая погорячее. – Я в Ленинград в медучилище приехал учиться, на фельдшера. А сам-то я из-под Загорска, знаете такой город в Московской области? – Про Загорск Магда ничего не знала, но Игната это ничуть не сконфузило. – Из деревни Авдеево я. Нас тогда три человека поступать приехали. Очень хотелось именно в колыбели революции жить. Мы училище окончили, а дипломы-то получить не успели, так на фронт и забрали меня. А там уж с Василием Николаевичем жизнь счастливо свела. Он меня и старше-то всего на четыре года, а такое чувство, будто он мне отец. Все время помогал. И когда из окружения выходили, и потом на войне, и когда в больницу устроились работать, и с комнатой вот. Он эту квартиру вообще для медиков выбил. Здесь шесть комнат, так во всех врачи и медсестры из Александровской больницы живут.

Далеко не все, кто работал в этой больнице, оказались приятными людьми, в этом Магда убедилась, когда выходила в туалет. Востроносая, с мелкими чертами лица молодая женщина, толкающая

впереди себя девчущку лет пяти, грубо задела ее плечом и прошипела вслед: «Понаехали тут. И так не протолкнуться, так еще некоторые гостей приперли на ночь глядя».

– Какие у вас соседи... неприятные, – огорченно сказала Магда, вернувшись в комнату.

– Это вы, наверное, про Клавку, – догадался Игнат. – Не обращайтесь внимания. Муж у нее пьет, дерет ее как сидорову козу, вот она и озлобилась. А так она баба неплохая. Мы с ней из одной деревни, она тоже из Авдеево в медучилище приехала, тоже в больнице работает. Дочка у нее – чудо.

В разговорах засиделись до полуночи, и так уж вышло, что Магда рассказала, что ехать им с Адольфом некуда.

– Так что же вы будете делать? – всплеснула руками Игнатовая жена и даже заплакала от огорчения.

– Не знаю, – честно призналась Магда. – Я думала, Вася нам поможет, придумает что-нибудь. А оно вон как вышло. Адреса-то его вологодского вы не знаете?

– Нет, – покачал головой Игнат. – Я даже друга Василия нашел, грузина, с которым он с института дружил. Думал, он мне адрес даст, я бы съездил или написал хотя бы. А грузин со мной даже разговаривать не стал, послал по-матерному – и все. Не в настроении, видать, был человек. Но знаете что, давайте я вам адрес своих родителей дам. Они так в Авдеево и живут. Деревня у нас большая, колхоз крепкий, работа для вас найдется, да и дома свободные есть, устройтесь как-нибудь.

Так Магда и Адольф Битнеры с легкой руки Игната Волохова оказались в Авдеево, неподалеку от намоленного поколениями города Загорска, когда-то называемого Сергиевым Посадом. Председатель колхоза встретил их хмуро, но на работу Магду все-таки взял. Домик им выделили на окраине деревни, старый, маленький, покосившийся, с прохудившейся крышей. Ее следующим летом подремонтировал приехавший в отпуск Игнат вместе со своим отцом. Волоховы-старшие, как могли, помогали Битнерам – то картошкой, то хлебной краюшкой.

Адольф пошел в школу, терпеливо снося насмешки деревенских мальчишек и медленно, но верно завоевывая новых друзей. И продолжил рисовать горы, даже в самую сильную жару покрытые

кокетливой шляпкой снега, а в мороз закутанные в тонкий пуховый платок туманной дымки.

Глава 10. Скелеты в шкафу

Когда мужчина уверен в себе, это подкупает.

Ольга Остроумова

Наши дни

Расследование, которое вела Василиса, никак не хотело продвигаться. За три дня, проведенные в Авдеево, она протопила печь, напекла пирогов, подоила козу, вымокла под ливнем, насобирала грибов и ягод и избежала печальной участи после негаданной встречи с кабаном, но к разгадке гибели Вахтанга не приблизилась ни на шаг.

Ее дни были похожи на обычный отпуск, проведенный в деревне, коих в ее жизни было немало, но для такого времяпровождения вполне годилось родное Константиновское, ехать к черту на кулички было совсем не обязательно. С большой натяжкой некоторую интригу создавала найденная в лесу монета, однако доказательств, что она имеет отношение к убийству, не было никаких.

«Хреновый из меня сыщик», – сердито думала Василиса, нежась ранним утром на мягкой перине. За три дня она вволю отоспалась, и хронический недосып от постоянных дежурств начал отступать, сменяясь с детства вьевшейся в кровь привычкой к ранним пробуждениям.

Вот и сейчас часы показывали без малого шесть утра, а сна уже не было ни в одном глазу. Правда, и уснула она вчера чуть ли не в девять вечера, сморенная лесными приключениями, пережитым страхом и чувством острого стыда перед Ангелиной, которая так ловко поймала ее на лжи.

В деревне Вася всегда спала как младенец, крепко и без сновидений. Деревенские звуки, проникающие в распахнутое настежь окно, не будили, а, наоборот, дополнительно убаюкивали, даря ощущение той безопасности, которую испытываешь только в детстве.

Где-то вдалеке кричал петух, у колодца кто-то звякал ведрами, шелестела листва, чуть скрипели деревянные стены старого дома, стукнула щеколда на калитке, и по гравийной дорожке зашуршали

тихие, приглушенные шаги. Во дворе Ангелининого дома бродил кто-то чужой.

Чувство безопасности как волной смыло. Василиса была не дома, и где-то здесь, в этой деревне, жил человек, раскrojивший голову Вахтанга острым топором. Несмотря на отсутствие доказательств, Вася была в этом абсолютно уверена. Ее хваленая интуиция даже не говорила, а кричала об этом, а потому требовалось постоянно быть настороже.

Надев тапочки и накинув легкий халат, Вася на цыпочках выскочила из комнаты, отперла дверь в сенях и вышла на крыльцо. Там никого не было, лишь снова скрипнула щеколда на калитке, зато на лавочке у дома стояли корзина, полная белых грибов, и пластмассовое пятилитровое ведерко, доверху засыпанное спелой лесной земляникой, на которой белела сложенная вчетверо записка. «Это вам компенсация за вчерашнее происшествие», – размашистым округлым почерком было написано в ней. Помимо воли рот Василисы расплылся до ушей.

«Валера, – подумала она, вспомнив крепкую фигуру, плотно упакованную в летнюю «зеленку». – Запомнил, что я попой подавила все грибы и ягоды, решил сделать приятное. Интересно, с чего бы это?»

Несмотря на хорошую фигурку и симпатичную внешность, Василиса не была избалована мужским вниманием. За ней никто никогда не пытался ухаживать, и Вахтанг Багратишвили остался практически единственным ее романтическим приключением, не считая, конечно, однокурсника Мити, с которым она деловито лишилась невинности на первом же курсе и быстро рассталась без всяких сожалений с обеих сторон. Роман с Митей длился месяца два, и за это время надоел он Васе хуже горькой редьки, потому что все время норовил у нее списать и постоянно канючил, что не готов к очередному семинару.

Как бы то ни было, ей даже в голову не пришло, что поступок Валеры мог быть вызван мужским интересом к ней, Васе. Ее новый знакомый мог просто оказаться хорошим человеком, решившим восстановить ее «боевые» лесные потери, или ему было что-то от нее нужно, что автоматически переводило его из разряда хороших людей в подозрительные.

Так уж была устроена Василиса, что никогда ни о ком не думала плохо заранее. Она не была наивной дурочкой и прекрасно понимала, что среди людей часто попадаются плохие и злые, корыстные и подлые. Однако изначально каждого нового человека встречала приветливо и непредвзято и считала его хорошим до тех пор, пока он не совершал что-то плохое именно по отношению к ней. Валера пока ничего плохого не делал. Даже наоборот. От кабана спас, грибы собрал, ягоды принес. Так что, затащив тяжеленную корзину и ведро в дом, она решила, что при первой же возможности поблагодарит его за подарок.

Возможность представилась тем же днем. Еще до завтрака Василиса под добродушное ворчание Ангелины почистила грибы и отправила сушить на печку, чтобы увезти свой трофей домой, нажарила целую сковороду белых с картошкой и сметаной, которую до обеда поставили томиться в печь, а после завтрака, дурея от аромата земляники, в первый раз вскипятила варенье в выданном Ангелиной специальном медном тазу.

У бабушки Маши тоже был такой таз. Каждое лето его до блеска натирали речным песком, и лет с десяти эта обязанность лежала на Васе. Тереть таз было увлекательно и даже весело. Солнце отражалось в его ярких боках, пускало зайчики по воде, брызгало во все стороны, устраивая праздничный солнечный фейерверк.

У Ангелины в кладовке оказалось два медных таза. В одном, поменьше, Вася и варила свое пахучее варенье, жмурясь от предвкушаемого удовольствия поедания пенек. А второй, тяжелый, большой, висел на гвозде, вбитом в деревянную стену, и выглядел потускневшим и печальным.

Деньги за выделенный на варенье сахар Ангелина брать отказалась, поэтому Вася в знак благодарности решила вычистить ей тяжеленный таз. Выключив конфорку и оставив варенье остывать, она надела шорты и майку, кряхтя от натуги, сняла таз со стены и поволокла его в сторону речки.

На деревенском пляже то ли по причине нежаркой погоды, то ли из-за того, что день был рабочий, никого не оказалось. Мелкий чистый песочек спускался к воде, вход в реку был пологий, левее установлены удобные широкие мостки, по которым можно было перебраться на другой берег. Оглядевшись по сторонам, Василиса скинула босоножки,

расположилась у самого входа в воду и принялась усердно тереть бока таза мокрым песком.

Таз был огромным. Спустя полчаса Василиса устала и взмокла, а результаты ее усилий были видны только с одного медного бока.

«Хуже дурака только дурак с инициативой», – уныло подумала она, но привычка никогда не отступать от начатого заставила ее снова взяться за тяжелую работу. Через сорок минут она с удовлетворением рассматривала таз, блестящий на солнце как снаружи, так и изнутри. Руки горели от мокрого колючего песка, волосы прилипли к влажному, потному лбу, и Вася решила перед уходом искупаться.

Лето в этом году выдалось нежаркое, богатое на дожди и грозы. Несмотря на конец июня, вода в реке прогрелась не больше чем до восемнадцати градусов, но Васе всё было нипочем. Скинув шорты и майку, она, как была в белых трусиках и лифчике (купальник остался на веревке в ее комнате, потому что купаться она не планировала), аккуратно вошла в чистую, прохладную воду, обхватила себя руками за плечи, чтобы стало чуть теплее, быстро сделала несколько больших шагов и с визгом присела.

Из кустов послышался негромкий смех. Василиса обернулась, но никого не увидела и, решив, что ей почудилось, легла на воду и поплыла, уверенными гребками отталкиваясь от струящейся вокруг нее воды. Минуты за две доплыла до другого берега неширокой, но, как она убедилась, пытаясь достать ногой дна, глубокой речки, нырнула, разворачиваясь, и двинулась в обратный путь.

Вода была чистой. По крайней мере, вдоль берегов росли кувшинки, желтые и белые, которые, как знала Вася, водятся только в очень чистой воде. Подплыв поближе, она с наслаждением вытягивала из реки длинные скользкие стебли, которые, уходя на глубину, обволакивали ее ноги, будто приглашая в подводное царство, но срывать цветы не стала. Кувшинки не жили в несвободе и увядали, даже если их сразу же погружали в ведро с водой.

Вглядевшись в толщу воды, Вася заметила сонмы мальков, деловито снующих туда-сюда. По всем признакам здесь водились и раки, поэтому она решила как-нибудь вечером предпринять вылазку на речку, чтобы наловить раков и вволю отвести душу. Вареных раков она любила с детства.

Выходить из воды не хотелось, к ее температуре Вася уже привыкла и чувствовала себя достаточно комфортно, поэтому переплыла реку туда-обратно еще два раза, почувствовала, что мышцы наливаются приятной тяжестью, и только после этого выбралась обратно на песчаный бережок и наклонилась к своим одежкам и мобильнику, заботливо спрятанным под сияющим от счастья тазом.

– А вы хорошо плаваете.

От неожиданности Василиса подпрыгнула на месте и обернулась все к тем же кустам, из которых выходил Валера. Глаза его смеялись.

– Вас не учили, что подсматривать из кустов некрасиво? – задиристо спросила она, осознав, что стоит перед ним в нижнем белье, да еще начисто лишенном кружавчиков и прочих финтифлюшек, обязательных для уважающей себя женщины.

Белье Вася носила удобное, а потому простое – хлопчатобумажные трусики и гладкий бесшовный лифчик. Они хорошо стирались, были незаметны под врачебным костюмом и комбинировались с любой одеждой. На лето у Васи было два белых лифчика, а на зиму два черных. Съёмные бретельки позволяли носить их с сарафанами и вечерними платьями. Трусы тоже были черные и белые. Синтетическую красоту, нещадно натирающую кожу колкими кружевами, она не признавала в принципе. И до сего момента ни разу в жизни не переживала по поводу того, что ее белье выглядит недостаточно соблазнительно. Вахтанг предпочитал, чтобы она ходила по дому голой, и на ее неэстетичные бельевые пристрастия внимания не обращал. А после и некому было.

– Я не подсматривал, – спокойно возразил Валера. – Я смотрел. Я же не прятался в кустах, а ловил рыбу, так что упрек ваш совершенно не обоснован.

Василиса действительно заметила в его руках удочку, путаясь в штанинах, нервно натянула шорты, которые тут же промокли некрасивыми неровными пятнами, и разнервничалась еще больше.

– Поверьте мне, Василиса, – он вдруг взял ее за руку. Этот жест не был ни навязчивым, ни развязным, только утешающим, – поверьте мне, не происходит ничего страшного. Штаны на мокрой попе у всех выглядят точно так же, как у вас, и я вас заверяю, что видывал в жизни гораздо более шокирующие картины. Не парьтесь.

– В жизни как в бане. Каждый сам решает, париться или нет, – засмеялась Василиса, почему-то враз переставшая стесняться. – Вы правы, париться из-за своего внешнего вида глупо и бессмысленно, так что не буду. Кстати, я же вас еще не поблагодарила.

– По-моему, всю дорогу из леса вы только и делали, что меня благодарили. Ей-богу, тот кабан не стоил столько благодарности.

– Я сейчас о грибах и землянике. Это было очень трогательно. И благородно. Так что действительно спасибо вам, Вальтер.

Он изумленно посмотрел на нее.

– О, вижу, вам уже известны особенности моей биографии.

– Немного, – призналась Василиса. – Я только знаю, что вы из семьи ссыльных немцев. А сейчас живете где-то в другом месте, несмотря на свой большой дом.

– Другое место – это Питер. На самом деле я там родился, а сюда приезжал каждое лето. Родители сплавливали к бабушке, на свежий воздух и парное молоко. А места эти я люблю, поэтому, когда появилась финансовая возможность, старый дом снес, поскольку он к тому моменту уже почти совсем развалился, и приезжаю время от времени, мозги прочистить. На самом деле мои бабушка с дедом тоже были из Питера, так уж жизнь сложилась, что бабушка обосновалась здесь. Дед-то к тому моменту уже умер.

– Ну надо же, как интересно! Дело в том, что мой дед тоже родился и вырос в Питере, а потом волею судьбы оказался в вологодской глубинке, а там уж и мама родилась, и я. Похожие у нас судьбы, правда?

– Не знаю, – он пожал плечами под пятнистой рубашкой «зеленки». – Я вашу судьбу не изучал. А про своего деда знаю только то, что по Питеру он тосковал до последних своих дней. Когда умирал, в бреду все говорил про Фонтанку, Неву, про то, как мосты разводят.

– И мой дед очень любил Питер, – Василиса вдруг оживилась. Подмеченное ею сходство семейных историй почему-то увлекло ее по-настоящему. – Тоже мечтал показать моей маме город, в котором вырос, но так уж сложилось, что она туда поехала уже после того, как дед умер. А ваш дед был кто? По специальности, я имею в виду.

– Ничего героического и романтического, – Вальтер усмехнулся. – Сапожником он был. В Ленинграде работал на знаменитой фабрике

«Скороход», а в Джамбуле, это город в Казахстане, куда их сослали, разнорабочим был на кожевенной фабрике. А ваш?

– А мой дед был врач. Очень хороший врач. Настоящий. Он всю войну в полевом госпитале прослужил, оперировал замечательно, бабушка всегда говорила, что у него руки просто золотые были. У нас вообще, знаете, медицинская семья. Бабушка и мама – медсестры, а я тоже врач.

– Хорошая профессия, – Вальтер почтительно наклонил голову. – А я юрист, который, в силу обстоятельств, стал бизнесменом. Тоже ничего героического.

– Ой, не знаю, – Вася вздохнула, – по-моему, заниматься бизнесом в нашей стране могут только настоящие герои. Мы с Лидкой, это моя подруга, – сочла нужным пояснить она, – как-то обсуждали, что, может, пора уже перестать вламывать на две ставки и попробовать открыть какое-то собственное дело, но она мне сказала: «Ой, Истомина, как врачи мы с тобой еще что-то, может, из себя представляем, а бизнесумен из нас точно не выйдет. Нечего и пытаться».

– Погодите, – Вальтер даже остановился на узкой дорожке, по которой они шли от реки. Он нес ее начищенный таз, причем подхватил его так непринужденно, словно это было само собой разумеющееся дело. – Погодите-ка. Ваша фамилия Истомина? И зовут вас Василиса?

– Ну да, я Василиса Истомина.

– А ваш дед был врачом и жил в Питере?

– Да. Василий Истомин. Меня в честь него называли, – Вася никак не могла взять в толк, что его так удивило.

– В это трудно поверить, – Вальтер потер рукой лоб, – но у моего деда был друг Василий Истомин. Самый близкий и самый лучший друг. Мне об этом отец рассказывал. Не думаю, чтобы это было просто совпадение. А у вашего деда был друг Генрих Битнер?

– Не знаю, – честно призналась Василиса. – Видите ли, в нашей семье как-то не принято говорить о прошлом. То есть я, конечно, знаю, что деда сослали из Ленинграда в нашу деревню, что он был солидно старше бабушки, про его фронтовые заслуги знаю, а вот про друзей... Я часто про это думала, когда выросла. Мне кажется, бабушка очень сильно ревновала деда к его прошлому. К той части его жизни, которая

прошла без нее. Поэтому и не рассказывала об этих годах. А может, и сама не знала. Мама говорила, что дед был человеком очень добрым и ее сильно любил, но закрытым. Она его называла «человек в футляре», хотя бабушка за такое определение очень сердилась.

– А вот я как раз очень хорошо знаю как семейную историю Битнеров, так и их друзей, – засмеялся Вальтер. – Для моего отца это как раз самые любимые истории. К примеру, я знаю, что ваш дед в молодости был очень влюблен в сестру моего деда. Ее звали Анной Битнер, она умерла в блокаду, и он поэтому очень долго не женился. А моего деда вместе с бабкой сослали в Казахстан, а там уже родился мой отец. Его называли Адольф, Адя.

Адя. Это слово всколыхнуло в Васе давние детские воспоминания. Кукла Адя – белокурый пупс в коротких штанишках и кепочке, сидящий на сундуке в спальне бабушки. Откуда-то всплыло в ее трехлетнем сознании именно это имя, так расстроившее маму. Интересно, какие тайны скрывает ее семья и что общего между историей Истоминых и семьей этого человека, идущего рядом с ней. Одной рукой он прижимал к себе тяжелый таз, а другой взял Василису под локоть, и в том месте, где его пальцы касались ее оголенной кожи, она чувствовала жжение, как будто прикасалась локтем к раскаленной печной конфорке.

– Расскажи мне про вашу семью, – попросила Вася, – мне правда интересно. Мне кажется, что наше прошлое имеет много общих тайн. И я бы хотела их знать.

– Есть тайны прошлого, которые не надо доставать из сундуков, – серьезно сказал Вальтер. – Вы уверены, что готовы узнать все, что предпочитает скрывать ваша бабушка?

– Я не думаю, что она скрывает, я считаю, что она умалчивает, а это не одно и то же, – возразила Вася. – Если я спрошу, то она расскажет, я в этом уверена. Просто мне никогда не приходило в голову спрашивать. У нас в семье всегда тщательно оберегалось личное пространство друг друга. Как-то не принято было лезть в душу.

Незаметно для Василисы они дошли до забора, за которым стоял большой дом Вальтера. Увлеченная его рассказом, Вася даже не обратила внимания, что оказалась на чужой территории. Недалеко от входа стояла большая, увитая диким виноградом пергола, в которой они и расположились. Злополучный таз был водружен на стол.

Вальтер рассказывал о том, как жила семья Битнеров в Казахстане, как умер от туберкулеза Генрих, как Магда с Адольфом поехали в Питер, к Василию, но узнали о его ссылке и были вынуждены при помощи доброго человека Игната Волохова обосноваться в Авдеево.

– Волохов? – перебила его Василиса. – Как-то давно я застала конец разговора. Бабушка сказала такую фразу: «Конечно, сволочь редкостная этот Волохов, но надо признать, что если бы не он, то я бы Васю вообще не встретила».

– Не знаю, о том ли человеке шла речь, – Вальтер пожал своими могучими плечами, и Василиса впервые подумала, что он красив той настоящей мужской красотой, которая обычно так нравится женщинам. На вид ему было лет сорок. И выглядел он хорошо, как человек, который не имеет финансовых проблем, не предаётся излишествам, регулярно отдыхает и занимается спортом. – Не знаю, – повторил он. – В нашей семье о Волоховых всегда говорили хорошо и уважительно. Игнат нам очень помог, да и его родители тоже, уже здесь, в Авдеево. Сволочью он точно не был.

– А его родственники сейчас в Авдеево есть?

– Есть, дочь. Она учительницей всю жизнь проработала, а когда на пенсию вышла, то сюда вернулась, в родовой дом. Живет здесь, в библиотеке местной подрабатывает. Вы хотите с ней встретиться?

– Не знаю, – медленно произнесла Вася. – Я здесь, в Авдеево, узнаю про каких-то людей, которые имели отношение к моей семье и о которых я никогда в жизни не слышала. Такое чувство, что действительно в любой момент из шкафа выпадет скелет. В принципе, я ехала сюда именно за скелетом, но не думала, что он может оказаться моим семейным.

– А зачем вы сюда ехали? – невзначай любопытствовал Вальтер.

– Это долгая история. Вообще-то я признаю, что мое решение было спонтанным и дурацким, но почему-то в тот момент, когда я его принимала, оно казалось мне логичным и единственно верным. Вы, наверное, знаете, что в том лесу, в котором мы с вами вчера встретились, нашли труп человека?

Она не заметила, а скорее ощутила, что ее собеседник напрягся. Только что он сидел рядом с ней абсолютно расслабленный и с

энтузиазмом рассказывал о своих и ее предках, а сейчас словно электрическое поле повисло между ними.

– Слышал, – сухо ответил он.

– В общем, этот убитый человек, его звали Вахтанг Багратишвили, он был... Ну, довольно давно мы были вместе, – почему-то говорить такие вещи Вальтеру Битнеру ей было так неудобно, что она покраснела и замямлила. – И так вышло, что именно я увидела его труп в лесу. То есть я тогда не знала, что это труп и что это он. Я в окно поезда увидела, что кто-то лежит в лесу, а уже потом выяснилось, что это был Вахтанг и что его убили.

Эта информация явно не нравилась Вальтеру. Василисе даже показалось, что он стал выше ростом и теперь не просто сидит рядом с ней в соседнем плетеном кресле с мягкими белыми подушками, а нависает над ней, подавляя ее волю.

– И зачем вы сюда приехали? – каким-то незнакомым, совсем чужим голосом спросил он.

– Попытаться понять, что он тут делал, – честно призналась Василиса. – Следствие уверено, что его убил кто-то из его многочисленных любовниц, подозревая в том числе и меня, а я просто убеждена, что следы преступления ведут сюда, в Авдеево.

– Вы собираетесь эти следы прятать или искать? – холодно любопытствовал Вальтер.

– Я не убийца, – щеки Василисы вспыхнули. – Я хочу понять, что произошло. Вот и все.

– Ну, на мисс Марпл вы не тянете по возрасту, – задумчиво произнес Вальтер, – поэтому будем считать, что вы эта, как ее, героиня романов Донцовой – Даша Васильева.

– А вы читаете дамские романы? – огрызнулась Вася.

– Речь не обо мне. А вам не приходило в голову, милая дама, что браться за расследование может быть опасно?

– Я не веду никакого расследования. Я просто захотела своими глазами увидеть это место и, если повезет, что-нибудь разузнать о прошлом Вахтанга.

– Если повезет остаться в живых, – голос Вальтера стал задумчивым. – Придется за вами присматривать, чтобы вы не вляпались в неприятности почище, чем история с кабаном.

– Я вполне могу за себя постоять, – сухо сообщила Василиса. – Как заявил мне следователь, у меня сильные врачебные руки, я выросла в деревне и легко управляюсь с топором.

– И на этом основании вы решили, что вас подозревают в убийстве? – уточнил Вальтер. – Н-да, по женской логике, вполне достаточно, чтобы отправиться навстречу приключениям.

– Теперь я еще больше убеждена в том, что приехала не зря, – Вася вдруг взяла себя руками за горло, он с изумлением уставился на нее. – Понимаете, есть какая-то связь. Между тем, что я увидела Вахтанга в окно, тем, что он приехал именно сюда, тем, что здесь живете вы и ваш дед был другом моего деда.

– Связь абсолютно точно есть, – согласился Вальтер. – Более того, она самая прямая. Дело в том, что у вашего деда был еще один друг. И звали его Анзор Багратишвили.

– Точно! – закричала Вася так громко, что он даже отшатнулся. – У деда был друг грузин, бабушка говорила. Он и в Константиновское к деду приезжал, и все время привозил ему лимоны. А дед угощал бабушку, она до этого никогда в жизни лимонов не видела. Я только никогда не слышала фамилии этого друга. А оказывается, он родственник Вахтанга.

– Скорее всего, дед, – задумчиво проговорил Вальтер.

– Послушайте, – теперь уже Вася схватила Вальтера за руку, – мы обязательно должны во всем этом разобраться! Жили-были три друга, и жизнь их внуков – вас, меня и Вахтанга – пересеклась в деревне Авдеево. Это не может быть простым совпадением. А может быть, – она испытующе посмотрела на него, – а может быть, Вахтанг ехал к вам?

– Может быть, – Вальтер пожал плечами. – Только меня здесь в это время не было, так что я никогда в жизни его не видел. Но вы правы, это ж-ж-ж неспроста. То есть вы предлагаете объединиться и вести расследование вместе?

– Для начала я предлагаю, чтобы вы рассказали мне все, что знаете, – требовательно произнесла Вася. – А то мы с вами находимся в неравных условиях. Вы про прошлое знаете все, а я ничего.

– Так я уже почти все рассказал, – Вальтер пожал плечами. – В 1964 году произошла частичная реабилитация российских немцев. Появился знаменитый указ от 29 августа, в котором утверждалось, что

«огульные обвинения» немцев в пособничестве фашистским захватчикам «были неосновательными и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина». Моему отцу был 21 год. Он сразу же уехал в Питер. Он очень хорошо рисовал и мечтал стать художником. Так что поступил в знаменитую Репинку, окончил ее и всю жизнь проработал в мастерской живописи Академии художеств.

Когда он поехал учиться, то попытался еще раз разыскать твоего деда, – незаметно он перешел на «ты». – По тому адресу, который хранила его мать, моя бабушка Магда, и по которому им в 1955 году никто не открыл, жила женщина по имени Вера. Она твоему деду много лет была гражданской женой и относилась к нему очень хорошо, поэтому в память о нем сдала отцу комнату. Ту самую, где жил твой дед.

У Василисы от информации голова шла кругом. Ее дед, которого боготворила бабушка, оставшаяся вдовой в тридцать пять лет и так и не вышедшая замуж снова, оказывается, не только любил некую Анну Битнер (Вася вспомнила мутную фотокартонку, которая хранилась в фибровом чемодане и на которой, видимо, и была изображена та самая Анна), но и жил с никому не известной дамой по имени Вера.

– А что было дальше? – хмуро спросила она.

– У Веры была дочь Ирина. На тот момент ей было 27 лет, она была старше моего отца, но так уж вышло, что через десять лет стала его женой. У них родился я.

– Ты как-то грустно про это говоришь, – отметила Вася, тоже переходя на «ты». – В вашей семье что-то случилось?

– Случилось, что отец влюбился. Мы с ним как-то говорили по душам, и он сказал, что никогда не думал, что из-за женщины жизнь может пойти под откос. Что он всегда был уверен, что роковая любовь – это чушь. Что когда Генрих как-то сказал, что Анна испортила Василию жизнь, потому что он до конца дней не мог ее забыть, хоть и женился на другой, то он не поверил, что такое возможно.

Мысль о том, что дед не мог забыть Анну, несмотря на то что в любви и согласии жил с бабушкой Машей, Василисе не понравилась, и она нахмурилась. Вальтер этого не заметил.

– Только один раз мы с ним это обсуждали, – продолжал он, – и отец сказал, что судьба есть, что она его настигла, что все, что

предначертано нам в жизни, записано на неведомых скрижалях, которые хранятся на небесах, что он сам точно так же оказался покалечен любовью к женщине, которая не ответила на его чувства, как когда-то Василий Истомина, и что, по иронии судьбы, эту женщину звали Анна Истомина.

Вася непроизвольно ахнула и приложила ладони к горящим щекам.

– Анна Истомина – это моя мама, – тихо сказала она.

Глава 11. Навстречу судьбе

Характер – важнейшее слагаемое красоты.

Софи Лорен

1982 год

Ленинград ошеломил Анну. Он был настолько не похож на все виденное до сих пор в родном Константиновском, что частенько, идя по улице, она вдруг останавливалась, не обращая внимание на то, что ее со всех сторон толкают, и, замерев, рассматривала старинные, благородные, ни на что не похожие дома, автобусы и троллейбусы, перевозящие толпы людей, диковинные магазины, к примеру Гостиный Двор, в котором продавалось то, что никогда-никогда-никогда не попадало на деревенские прилавки.

Здесь все было по-другому, и Анна впервые в жизни подумала о том, как должен был тосковать отец, после всего этого великолепия практически заживо похороненный в сельской глуши.

В институт – Первый ленинградский медицинский институт – она поступила легко, потому что училась всегда хорошо, к вступительным экзаменам готовилась ответственно и вдумчиво. Ей даже в голову не приходило, что она может не преодолеть вступительных испытаний или недобрать баллов. Этот институт окончил ее отец, поэтому то, что она тоже будет здесь учиться, само собой разумелось.

Маруся ее отъезд во взрослую жизнь приняла спокойно, как данность. Со дня смерти Василия прошло уже два года, но она так и не отошла от своей страшной потери, скользя лишь по самой поверхности жизни и не зацкливаясь на каком-то ее проявлении.

Анне никогда не приходило в голову сомневаться в том, что мать ее любит, но эта любовь была совершенно ровной, без излишней опеки, тревоги или сентиментальности. Еще ребенком Анна поняла, что в материнском сознании главное – это отец, а она существует как его часть, обязательное дополнение, желанное и любимое, но ни в коем случае не рассматриваемое как отдельная, самостоятельная единица. На маму она совершенно не обижалась.

Отправляя ее в Ленинград, мама позвонила старинному другу отца – дяде Анзору, частенько навещающемуся в Константиновское. Выйдя на пенсию и демобилизовавшись из армии, он похоронил в Белоруссии жену и вернулся в родной Питер, где обосновался его единственный сын Гурам, или, как звали его в семье, Гура.

Тридцатиоднолетний кандидат философских наук жил с женой и двухлетним сынишкой отдельно от отца. И в небольшой двушке Анзора, на довольно далеко расположенном от центра Гражданском проспекте, нашлось место и для Анны.

– Даже слышать не хочу ни о каком общежитии! – раскатисто грохотал он, встретив Анну на вокзале. – Дочь моего друга будет жить у меня. Не обижай меня, дорогая. Комнату тебе отдельную выделю. Приходи когда хочешь, уходи когда хочешь. У меня много книг по медицине, вся библиотека в твоём распоряжении. Буду блюда грузинские для тебя готовить. Одному-то лень у плиты стоять, вот язву уже себе нажил. А с тобой будем вкусно питаться, разнообразно. Вах, любишь лобио? А сациви любишь? А чахохбили?

От всех этих названий у Анны голова шла кругом. Мама готовила дома самую простую еду: наваристый суп из мяса с картошкой, в котором стояла ложка, гречневую кашу, жареные грибы. Все это было сытно и питательно, но о том, что кулинария – это таинство, Анне довелось узнать лишь на восемнадцатом году жизни, когда она попала в дом Анзора.

Жить у него было необременительно и удобно. В ее дела он не встревал, готовиться к занятиям она могла в тишине, лишенной гомона студенческой общаги, делать уборку, а эту обязанность она взяла на себя в первые же дни, поскольку слушать о деньгах Анзор не желал, было нетрудно. Стирка тоже была на ней, потому что в ванной комнате стояло такое чудо, как стиральная машина «Вятка-автомат». Вечерами Анзор рассказывал внимательно слушающей Анне про юные годы, про ее отца, про войну, про службу в Азербайджане и Белоруссии, о своей жене, по которой он искренне горевал, о Гуре и его жене, которую Анзор, не признаваясь в этом даже самому себе, слегка недолюбливал, об обожаемом внуке Вахтанге, Бубе.

С Гурамом она познакомилась в тот же самый день, как приехала. Вечером он забежал к отцу, чтобы познакомиться с гостьей. Анне он понравился. Гурам был большой и добродушный увалень с вечно

всклокоченными черными кудрями, характерным носом с горбинкой, крупными руками и волосатой грудью, просвечивающей через рубашку.

У него была своя машина – новенькая, недавно купленная «копейка», и он охотно подвозил Анну до института во время экзаменов, а потом, когда начался учебный год, иногда встречал после занятий.

Анна жадно впитывала все, чем с ней щедро делился большой прекрасный город. Гурам открыл для нее Кировский театр, знаменитую Мариинку, и она, замерев от восторга, посмотрела «Лебединое озеро» и «Жизель», в которых блистала Ольга Ченчикова. Он водил ее по залам Эрмитажа, свозил на закрытие фонтанов в Петергоф, катал на маленьком кораблике по каналам Ленинграда, увлекательно рассказывал о собрании картин Русского музея и после ее многочисленных просьб, брезгливо щурясь, отвел в Кунсткамеру.

У него всегда находилась для нее то шоколадная конфета «Гулливер», которые, как выяснилось, Анна очень любила, то охапка желтых лохматых осенних астр, теряющих лепестки на ветру, то маленький флакончик французских духов. Вначале Анна не удивлялась, что он тратит на нее так много времени, считая это признаком гостеприимства, очень развитого у южных народов и не растраченного в северном климате второй столицы России, однако через пару месяцев начала с легкой тревогой думать о том, как воспринимает их постоянные совместные культурные вылазки жена Гурама Нина.

– Не попадет тебе, что ты со мной? – как-то спросила Анна, заглядывая Гураму в черные, горящие, беспокойные глаза. У такого добродушного толстяка, как он, не могло быть таких глаз – мятежника и бунтовщика, но в глазах Гурама горел именно такой, мятежный огонь. Появился он недавно, и Анну это пугало.

– Не попадет, – он успокаивающе погладил ее по руке. – В доме мужчина хозяин. Он решает, куда ходить и что делать. Моя Нина это понимает и лишних вопросов не задает. А если задаст, – голос его вдруг стал резким и отрывистым, мохнатые брови сошлись на кустистой переносице, – то пусть пеняет на себя.

– Гура, я не хочу, чтобы вы из-за меня ссорились. Я уже пообвыклась немного, на ленинградских улицах не плутаю, могу и

сама в театры и на выставки ходить. Или с девчонками с курса.

– То есть ты меня только как провожатого воспринимаешь? – горько сказал Гурам. – Я тебе что, экскурсовод?

– А кто ты мне? – в свою очередь, удивилась Анна. Несмотря на маленький рост, тоненькую фигурку и огромные глаза, делающие ее похожей на беззащитного олененка, в нужные моменты она могла говорить достаточно резко. – Ты мне друг, сын друга моего отца, приютившего меня в Ленинграде. Гурам, иначе ведь и быть не может, ты что, не понимаешь?

– Нет, не понимаю! – он развернулся к ней лицом на мокрой, залитой октябрьским дождем улице. – Почему я не могу быть для тебя чем-то большим, чем друг? Я тебе не нравлюсь?

– Потому что ты женатый человек, потому что у тебя семья, маленький сын, и я никогда не смогу через это переступить. Ты мне нравишься, Гура, – чтобы его не обидеть, она решила слегка покривить душой, ее маленькая ложь все равно ничего не меняла, – но у тебя есть семья, и этим все сказано.

– Какая ты, – в октябрьском сумраке его глаза горели ярче, чем обычно, – ты необыкновенная, Анна! Я никогда не встречал такой девушки, как ты!

В полном молчании они дошли до ее дома. Неловкость, вызванная этим разговором, некоторое время держалась, но больше они к нему не возвращались. Гурам по-прежнему иногда приглашал ее в театр или на выставку, но встречи эти стали реже и не выходили за рамки приличий. Постепенно Анна успокоилась.

– Где ты будешь встречать Новый год? – спросил ее Гурам в середине декабря.

– Не знаю, – Анна пожала плечами. – Думала к маме уехать, но у нас на третье января экзамен по химии назначили, так что не успею вернуться. Думаю, посидим с дядей Анзором перед телевизором.

– А поехали со мной на дачу к одному художнику! – неожиданно предложил Гурам и, заметив ее нетерпеливое движение тонким плечиком, поспешил уточнить: – И Нина поедет, отец согласился с Бубой посидеть, там прекрасная компания собирается, интересная, веселая, художники, преподаватели университета. Ты не думай, весело будет. На машине моей поедем, там Новый год встретим, первого

выспимся, баню натопим, а второго утром – домой, успеешь к экзамену подготовиться, не сомневайся!

Предложение выглядело заманчиво. Отмечать Новый год в компании с сентиментальным Анзором, да еще и с капризным, крайне избалованным Бубой ей не хотелось. Сокурсницы ее слегка сторонились. Для коренных ленинградонок она была чужая, а иногородние за первые месяцы учебы уже сплотились в общезитии, разбились на парочки и компашки. Анна не тяготилась своим одиночеством, поскольку вообще была человеком довольно замкнутым и не склонным к веселью, однако Новый год все-таки подразумевал хотя бы какой-то праздник.

– Конечно, поезжай, – сказал ей Анзор, когда она с ним посоветовалась. – Что тебе с нами сидеть, со старым да с малым? Поезжай, дочка. Гура присмотрит, чтобы тебя никто не обидел.

Так и вышло, что утром 31 декабря Гурам заехал за ней на своей машине. На переднем месте сидела Нина, и Анна окончательно успокоилась. Ехать было недалеко, километров сорок. На даче – в деревянном домике с жарко натопленной печкой – они оказались уже к обеду, наскоро перекусили макаронами с тушенкой, захваченными с собой предусмотрительной Ниной, после чего занялись приготовлениями новогоднего ужина.

На кухне от Анны толку не было никакого. Там распорядилась Нина, под присмотром которой раскатывались тонкие хачапури, резалась курица и толклись грецкие орехи. Во дворе мужчины наряжали огромную елку, Анна робко предложила свою помощь им, но они лишь отмахнулись, пробегая мимо нее к лавке, на которой стояла коробка с игрушками, и к столику с быстро пустеющей бутылкой коньяка.

От шума и сутолоки у Анны заболела голова. Обреченно думая о том, что все-таки она совершенно не компанейский человек, она вышла за калитку и побрела вдоль поселковой улицы, рассматривая стоящие за заборами дома, резные дымники на печных трубах, деревья, жалобно протягивающие ей не выдерживающие тяжести снега ветви, и окна, в которых где-то горел свет, а где-то было темно.

– Здравствуйте, – вдруг услышала она и остановилась. Навстречу ей двигался какой-то человек с непокрытой, несмотря на мороз, головой. На его белокурых кудрях, красивыми кольцами ниспадающих

на длинную, мощную шею, лежали снежинки, как и на аккуратной, тщательно подстриженной бороде.

«В белом венчике из роз впереди Иисус Христос», – не совсем к месту ей вспомнился Блок, и Анна решила, что это оттого, что она никогда раньше не видела бородатых мужчин.

– Здравствуйте, – вежливо ответила она.

Так в ее жизнь вошел Адольф Битнер.

Наши дни

Километрах в десяти от Авдеево, в излучине, река разделялась на два рукава, между которыми образовывался довольно большой остров, практически полностью затапливаемый в разлив, но вполне обитаемый в другое время года.

Добраться до него можно было только на лодке, поэтому островок лишь изредка служил прибежищем для авдеевской детворы, неохотно отпускаемой родителями на столь большое расстояние, тем более с ночевкой.

Места здесь были глухие, встречающиеся по берегам другие деревни – заброшенными и нежилыми, поэтому большей частью островок, заросший типичной для заливного луга растительностью, оставался безлюден и пустынен. Несколько лет назад Вальтер, с детства любивший это место, выкупил землю здесь в собственность, поставив в самой высокой точке избушку не избушку, шалаш не шалаш, но довольно прочное строение с камышовой крышей, под которой можно было спрятаться, чтобы переждать непогоду.

Бывал он здесь нечасто, пару раз за лето да иногда осенью. Здесь думалось лучше, чем где бы то ни было, поэтому он мог часами смотреть на безмятежную воду, периодически закидывая спиннинг. Рыбу он жарил на углях, завернув ее в фольгу. А еще в большом закопченном котелке варил раков, которые без счета водились на мелководье.

На остров Вальтер Битнер и привез Василису Истомину. Она только заикнулась о том, что хочет наловить раков, как он тут же и пригласил ее сделать это в его тайном убежище. Предложение выглядело заманчиво. Ходить в ночное Вася обожала с детства. Белая ночь, костер, разведенный на берегу реки, картошка в углях, красные раки-кардиналы в котелке с кипящей речной водой, звезды на не

смыкающем глаз небе, неспешное течение воды и столь же неспешное течение жизни, останавливающей в такие минуты свой хаотичный бег. Впрочем, о беге времени Вася в детстве не думала.

Поездка полностью оправдала ее ожидания. Сначала они плыли на добротной надувной лодке, легко поддающейся сильным рывкам весел вначале и ровному стрекоту мотора, когда они немного отошли от Авдеево. Затем Василиса с интересом разглядывала берега, открывающиеся ее взору. Места здесь были настолько глухие, что по дороге они не увидели ни одного человека.

Затем, в излучине, река повернула и тут же распалась, разделилась на два протока, один пошире, другой поуже, похожих на жирафику и ее детеныша, грациозно вытянувших шеи и тревожно следящих друг за другом в вынужденной разлуке. Чуть впереди длинные шеи сплетались вновь, однако дотуда Вальтер и Василиса не доехали. Уверенно направив лодку в более тонкую протоку, Вальтер пришвартовался примерно в середине небольшого островка, в центре которого стояла небольшая избушка.

«Была у зайчика избушка, и не простая, а лубяная», – почему-то вспомнилось Васе. Она легко выпрыгнула из лодки, потянулась и замерла в восторге, ощутив смесь запаха речной свежести и аромата цветущего лугового разнотравья. Это место дышало покоем, и от этого было как-то особенно легко и радостно. Словно все горести и печали последних недель остались далеко позади. Вася знала, что ощущение обманчиво, но легко отдавалась сейчас на волю опутавшего ее морока.

– Здорово здесь! – искренне сказала она. – Скажи, что нужно делать, может, картошку почистить?

– Давай, – Вальтер вытащил лодку на берег, привязал к вбитому колышку, легко покидал на песок спрятанные под лавкой на корме спальники, две удочки, рюкзак и пакеты с продовольствием. – Я сейчас ершей наловлю. Мы их зажарим и будем как семечки грызть. Вкусно-о-о. А ты пока чисти и вари картошку. Пообедаем, а ближе к вечеру будем ловить раков на ужин. Обещаю увлекательную охоту.

Картошка оказалась рассыпчатой, ерши – удивительно вкусными, помидоры – сладкими. Блестела крупная морская соль, вызывая у огурцов непрошеные слезы. В большой пластмассовой бутылки шипел домашний квас. С утра Василиса напекла домашних рогулек с

творогом, чем вызвала скупое одобрение Ангелины. Вальтер рогульки тоже похвалил, и это вдруг сильно обрадовало Василису.

Помыв после обеда в реке посуду, она притащила отыскавшийся в вещах Вальтера складной стул и стала наблюдать за Битнером, деловито устанавливающим сетку, чтобы перегородить относительно неширокую протоку. В высоких броднях и резиновых штанах на лямках, он бесстрашно заходил почти по шею в темную, непрозрачную речную воду. Следя за его размеренными неторопливыми действиями, Василиса вдруг почувствовала, что ее клонит в сон. Сытный обед и свежий воздух сделали свое дело.

– Там в избушке спальник уже расстелен, – негромко крикнул Вальтер, заметив ее разморенный вид. – Поспи, пока я тут управляюсь. Лучше вечером попозже посидеть, тут такая красота, когда звезды на небе.

Проснувшись, Вася обнаружила, что спала почти четыре часа. Часы, а в избушке, к ее немалому изумлению, обнаружились допотопные ходики, уже показывали восьмой час вечера. Снаружи не доносилось ни звука. Немного пристыженная, Василиса выбралась наружу и замерла от открывшейся ее глазам картины.

Вальтер Битнер плыл по реке. Ритмично поворачивалась мощная шея, ровные крупные гребки толкали вперед его тело, на котором блестели капли, отражающие неяркое, вечернее уже солнце. Он был похож на большого дельфина, выныривающего из воды, показывающего свои гладкие, вздымающиеся в размеренном дыхании бока и снова уходящего под воду, которая явно принимала его за своего.

Вася судорожно сглотнула. Ее новый знакомый не делал ничего вызывающего или нескромного. Он просто купался, но это было настолько красиво и чувственно, что впервые за несколько лет Василиса ощутила некоторое томление внизу живота.

Вообще-то к сексу она относилась спокойно. Нет – и не надо. Год назад бабушка, в разговоре с которой Вася позволила себе удивиться данному обстоятельству, спокойно заметила, что в ее холодности нет ничего необычного.

– А вся порода наша такая. И я, и Аня, и ты, видать, в нас пошла. Нам для того, чтобы загореться, любить надо. А без любви только дым один, а ровного огня все равно из нас не высечь.

Сейчас Вася будто слышала тоненькое шипение подожженного бикфордова шнура. Незаметная глазу искра побежала по ее венам, но потухнет ли она от нечаянного ветерка или взорвется, разметав все вокруг, на этот вопрос пока ответа не было.

– Искупайся! – услышала она и снова перевела дыхание. Вальтер уже вышел из воды и, накинув на голову большое полотенце, извлеченное из недр все того же рюкзака, вытирался. Голос его из-под махровой ткани звучал приглушенно. – Вода – как парное молоко. Освежишься после сна, а то вечером спать не полезно. Голова заболит. Я уж разбудить тебя хотел, но ты так сладко посапывала, что не решился. Иди, искупнись.

Мысль о том, что он заходил в домик и смотрел на нее, спящую, тоже волновала. Василиса вдруг рассердилась на себя за подобные глупости, рывком стащила через голову сарафан и решительно пошла в теплую, ласково принимающую ее воду, благо, собираясь на остров, надела купальник еще дома.

Вальтер, прищурившись, смотрел ей вслед. У нее была ладная фигурка – тоненькая, но не худая, с достаточно крепкой попкой, упругой грудью размера эдак второго, тонкая длинная шея с трогательно спускающимися по ней завитками стриженных русых волос. Он не любил женские стрижки, ему всегда нравилось, когда волосы были длинными, тяжелыми, спускающимися ниже выступающих острых лопаток, но ей, он не мог этого не признать, стрижка шла, делая образ совершенным и законченным. Она была независимая, самостоятельная, выросшая в деревне девчонка, но при этом очень женственная и элегантная, с присущей очень немногим врожденной утонченностью не только черт, но и движений.

Глядя, как она идет к воде, аккуратно пробует ее ногой, не торопясь и не жеманясь, входит в реку, скрывается в ней по талию, ложится на воду и плывет, делая аккуратные взмахи и не поднимая брызг, он испытал эстетическое удовольствие, тут же перешедшее в непроизвольное желание. Он крикнул, вспомнив, что однажды уже видел ее купающейся. Она была похожа на русалку, чувствующую себя в своей стихии и ничуть не боящуюся воды. Внучка Василия Истомина действительно хорошо плавала, и Вальтеру отчего-то было приятно, что в копилке ее умений есть и это, в общем-то, привычное для деревенского человека.

Вдоволь наплававшись, Василиса переделалась в домике, натянула джинсы, закатала их к коленкам, и они быстро наловили целую гору раков, смеясь и отчаянно соревнуясь между собой.

Вечерело. Мягкий туман поднимался над рекой, отдающей накопленное за день тепло. Туман стелился вдоль берега, укутывая ноги. Василиса стала еще больше похожа на речную русалку. Было в ней что-то еще, неуловимое, вызывающее в памяти смутные воспоминания, но, как ни силился Вальтер, так и не мог поймать ускользающую мысль, кого же именно она ему напоминает.

Булькала вода в котелке, отчаянно краснели раки. Вальтер достал из реки отправленные туда охладиться бутылки с пивом.

– Я не пью пиво, – отчего-то виновато сообщила Василиса.

– Почему?

– Не люблю.

– Это хорошее пиво, – засмеялся он. – Нефильтрованное пшеничное. С раками – самое то. Попробуй, тебе понравится.

Ей действительно понравилось, и она с удивлением подумала, почему же не пила пиво раньше, а потом вспомнила. Вахтанг, как истинный грузин, признавал только красное вино, ну и чачу, конечно. А дома она всегда пила наливки, которые мастерски делала бабушка Маша. Некому было приучать ее к пиву, вот она и не привыкла.

Постепенно вступала в свои права ночь. Теплая и светлая, какой и положено быть ночи в конце июня. Раки были давно съедены, пиво выпито, но идти спать отчего-то не хотелось. Как и разговаривать. Василиса и Вальтер молча и расслабленно сидели на берегу и смотрели, как вдалеке, где сплетались в поцелуе жирафьи шеи проток, жадно пьет воду уставшее за день солнце.

Василиса пристально смотрела туда, вдаль, будто пыталась помочь солнцу утолить неизбывную жажду. Она выглядела такой же светлой, ясной, тихой и прозрачной, как обнимающая их за плечи ночь, и Вальтер вдруг понял, на кого она похожа.

– Знаешь, кто ты? – спросил он хрипло. – Ты родная сестра белой ночи.

– Кто? – изумленно спросила она и тут же вспомнила – «Туман баюкала вода и надвигались ваши очи, которых нет смелей и кротче. Сестра родная белой ночи, благодарю вас навсегда», – по памяти

процитировала она. – Это Евтушенко, отличное стихотворение. Особенно когда на музыку положено и Сергей Никитин поет.

– Да, – он радостно улыбнулся от того, что они говорили на одном языке. – Я, когда впервые услышал эту песню, все думал, что он имел в виду, говоря, что девушка похожа на белую ночь, а сегодня, глядя на тебя, понял.

– Поздно уже, – тихо сказала она. – Я пошла в избушку, ладно? А ты залей костер и приходи. Хорошо?

– Приду, – пообещал он, волнуясь.

Почему-то его страшило то, что должно было произойти между ними. Он нарочито медленно и тщательно закопал рачьи панцири в землю, собрал в пакет накопившийся за день мусор и отнес его в лодку, вымыл в реке котелок и нехитрую посуду. Когда поводов задерживаться не осталось, он подошел к домику, прислушался к царящей там тишине, которую можно было резать ножом, как масло, отворил скрипнувшую дверь и шагнул внутрь, оставив снаружи все свое волнение.

«Тень белая ко мне шагнула, как будто ходики шатнуло», – вспомнил он, обнимая тонкую, девичью совсем спину Василисы, склоняя свое лицо к ее губам, растворяясь в ее ответном поцелуе и тут же теряя всяческую способность соображать. «Незаслуженный мой случай», – успело мелькнуть в его сознании, и он надолго провалился в бессознательную пучину всеобъемлющего и ничем не омраченного счастья.

* * *

То, что происходит с каждым из нас, уже когда-то происходило с кем-то другим.

Неопровержимым доказательством этого являются стихи и песни, сложенные кем-то другим, не нами.

Сознайтесь, у каждого из нас было такое: увидишь в Интернете новое стихотворение или услышишь вдруг по радио незнакомую до этого песню, и сердце останавливается, пропуская удар, а то и два, а потом начинает бешено стучать, словно нагоняя пропущенное. А мы стоим, пытаюсь унять трепыхание в собственной груди и осознавая,

как же так случилось, что это стихотворение или эта песня написаны про нас.

Любая песня для кого-то – целый жизненный этап, оставленный позади или переживаемый сейчас. «Она делает вид, что смеется, я стараюсь не думать о ней»... «Ты – мой дом, мой очаг, мой костер в лесу дремучем»... «Рядом с тобой мир зеленее, рядом с тобой солнце теплее»... «Кто крыльев лишился – боится влюбляться, но должен над страхом потери подняться»... Ну вы поняли, о чем я.

У поэтов прослойка между душой и окружающим миром гораздо тоньше, чем у простых смертных, и именно поэтому они могут облекать в красивые и проникновенные слова то, что мы чувствуем, чем боеем, от чего мучаемся, но что не можем сформулировать так красиво.

Именно поэтому в минуты счастья и особенно в минуты грусти мы слушаем чужие песни, точно передающие наше настроение. А от того, что кто-то когда-то это уже переживал, становится чуть легче. Правда ведь?

Глава 12. Рай в шалаше

Мужчина, воплощающий в себе все лучшие качества, – сущее наказание.

Софи Лорен

1984

Счастье было таким густым, что его можно было резать ножом. По крайней мере, так казалось Анне. Она была все время счастлива. И когда по утрам умывалась в маленькой ванной комнатке, галантно пропускаемая вперед Анзором, и когда бежала в институт на экзамены, которые сдавала на одни пятерки, и когда до ночи сидела в библиотеке, конспектируя труды Маркса и Ленина, и уж тем более когда по вечерам бегала на свидания с Адольфом.

Адольф Битнер занимал ее мысли все время. Она даже к экзаменам готовилась, отгородив в своей голове небольшое уютное пространство, в котором царствовал Адольф, и не пуская туда ни хитроумную латынь, ни однокурсников, ни добряка Анзора, ни даже маму.

Впрочем, Маруся жизнью дочери в Ленинграде интересовалась слабо. Раз в неделю они созванивались, поэтому она знала, что Анна цела, сыта и довольна. А больше ей было знать и ни к чему, несмотря на то что ее возвышенная дочь плохо была приспособлена к жизни. Всеми ее бытовыми сторонами занимался Анзор, а духовная часть была отдана на откуп Адольфу. Анна иногда посмеивалась над собственной несамостоятельностью, но жизнь ее была налажена и текла спокойно, без всплесков.

Счастье, в котором она купалась, тоже было ровным и спокойным, как море в штить. С Адольфом они виделись практически ежедневно. Лишь иногда он уезжал в недолгие командировки или бывал занят при подготовке к крупным выставкам. Во время командировок Анна, скучая, соглашалась сходить в театр с Гурамом, который по-прежнему был ее верным рыцарем, а в подготовку выставок с энтузиазмом включалась сама. Друзья Адольфа по художественному цеху уже хорошо ее знали и относились к ней с насмешливым почтением. Она

не пила спирт, не курила, вздрагивала, когда слышала мат. Она была очень далека от художественных вольностей и богемного образа жизни, но и сам Адольф тоже держался в этом мире обособленно, так и оставшись здесь чужаком.

Он не был мажором, сыном высокопоставленных родителей. Он не баловался травкой или алкоголем, чтобы поймать волну вдохновения. Впрочем, вся компания, в которой он вращался, была уже довольно остепенившейся. Все между тридцатью и пятьюдесятью. У всех семьи, жены, дети, разводы за плечами. Молоденькая Анна выглядела среди них как желторотый скворец. Жены и подруги художников с некоторой долей ревности смотрели на ее юную свежесть, однако вела она себя скромно, мужчин не отбивала, грязных намеков не понимала и потому не представляла ни малейшей опасности. Некоторые недоумевали, как Адольфу может быть интересно в обществе столь неискушенной спутницы, но на подколки он не реагировал, а Анну любил, берег и опекал, что постепенно свело на нет чужое нездоровое любопытство.

В середине июня Анзор уехал к родне в Грузию. Наготовил полный холодильник еды, чтобы Анна не осталась голодной, велел ей хорошо сдавать экзамены и отбыл, увезя с собой целый ворох подарков. Анне даже пришлось помогать Гураму провожать отца на вокзал. Хотя они и ехали на машине, но чемоданов, узлов, баулов и свертков было столько, что дополнительная пара рук, пусть даже и таких тоненьких, как у Анны, оказалась совсем нелишней.

– Ты куда сейчас, домой? – спросил Гурам, когда отец наконец-то был устроен в купе. – Тебя подвезти?

– Нет, Гура, спасибо, – мягко улыбнулась Анна. Улыбка на мгновение осветила ее лицо, и она стала такой красивой, что Гурам даже замычал от внезапно пронзившей его боли. Вот уже год он безумно любил эту девочку, похожую на длинноногого грациозного олененка. Он был готов развестись с женой, оставить сына, если бы только Анна этого захотела. Но она видела в нем лишь друга, и он с ума сходил от невозможности что-либо изменить.

Общие знакомые поговаривали, что она встречается с Адольфом Битнером, но Гурам сплетням не верил. Адольф был старше его на девять лет, худой, высокий, довольно мрачный субъект, живущий на грошовые заработки. Ходил и зимой, и летом в грубом вязаном

свитере, надетом прямо на голое тело, его ботинки частенько просили каши. Всклопоченный, странный, он был совсем не похож на аккуратного Гурама, преподавателя кафедры философии Ленинградского университета, имеющего неплохую зарплату и еще лучшие перспективы в будущем.

Возвышенная, тонко чувствующая Анна не могла предпочесть ему Адольфа. В этом было бы что-то неправильное, несправедливое. И Гурам предпочитал не слушать сплетен, загоня болезненную ревность куда-то на край сознания.

– Давай я тебя подвезу, – предложил он, только чтобы не расставаться с нею прямо сейчас. – Куда скажешь, подвезу.

– Ну, подвези, – вдруг согласилась она. – Такая жара, что в троллейбусе сейчас, наверное, не продохнуть, а пешком топать далеко. Мне к Медному всаднику. Ладно?

– Ладно, – Гурам пожал своими могучими плечами. – А что это тебя туда потянуло?

– У меня там встреча назначена, – она засмеялась и легонько шлепнула Гурама по руке. – Гура, не приставай. Это же неприлично, ты же не на допросе.

– Да бог с тобой, какой допрос! – возмутился он. – Просто мне удивительно, зачем человеку, уже год прожившему в Ленинграде, вдруг летним вечером нужен Медный всадник. Но встреча так встреча, как скажешь. Садись.

Довольно быстро он домчал ее до нужного места, она выпорхнула из машины, бросив короткое «спасибо», повернулась спиной и тут же забыла о Гураме. Это было видно по тому, как она устремилась к видневшемуся неподалеку памятнику. Она вся была уже внутри скорого свидания, а в том, что у нее именно свидание, Гурам не сомневался. Заглушив машину, он, не торопясь, пошел вслед за ней.

– Это вовсе не слезка, – бормотал он себе под нос, понимая всё бесстыдство того, что сейчас делает. – Я за нее отвечаю. Вот и отец, уезжая, сказал, чтобы я за ней приглядывал. Она же молоденькая совсем, наивная девочка. Попадется ей какой-нибудь мерзавец, обидит еще, не дай бог.

Подойдя к памятнику Петру с другой стороны, он притаился в кустах, глядя на тоненькую фигурку в развевающемся на летнем ветру платье. Одна Анна стояла совсем недолго. Не прошло и двух минут,

как она повернулась немного в сторону, лицо ее осветила улыбка, совсем другая, чем та, что предназначалась ему, Гураму, это он отметил с болезненной ревностью, и пошла кому-то навстречу, все ускоряя шаг, вот уже почти побежала, подпрыгнула и с размаху повисла на шее у подхватившего ее Адольфа Битнера.

– Ну почему ты всегда приходишь раньше меня? – услышал Гурам его голос.

– Адя, так это же не важно. Просто ты общественным транспортом добирался, а меня Гура привез, – ответила она.

То, что Гурам подвез ее к месту свидания, не вызвало у Адольфа ни малейшей ревности. Нежно поцеловав девушку, он поставил ее на землю, взял под руку, и они направились в сторону набережной, причем, как успел заметить сквозь поглотившую его мысли черноту Гурам, голова Анны доверчиво лежала на широком, хоть и довольно костлявом плече Адольфа.

Удивительный это был вечер. Много лет спустя Анна помнила его до мельчайшей детали. Это был последний вечер ее счастливой жизни. Ее безмятежной юности, назавтра перечеркнутой без малейшей надежды на будущее счастье. Нева ласкала гранит набережной, как будто бережно умывая непослушного чумазого ребенка. По каналам скользили кораблики, и они даже прокатились на одном из них, обдуваемые летним ветерком, жадно вдыхающие запах тины, пригибающие голову под многочисленными мостами.

– Загадала желание? – спросил у Анны Адольф, когда они проплывали под очередным мостиком, с которого махали им вслед прохожие.

– Да. Чтобы ты был мой, – тихо ответила она.

– А я и есть твой, – он взял ее за подбородок длинными, чуткими пальцами художника, повернул ее лицо и твердо посмотрел в глаза. – Я всегда буду твой. Как ты думаешь, твоя мама не будет против? Я ведь старше тебя больше чем на двадцать лет.

– Папа был старше мамы еще больше, – Анна пожала плечами. – А она его обожала и сейчас любит, хотя его уже три года как нет. Так что в нашей разнице в возрасте ни для нее, ни для меня нет совсем ничего необычного. Если у нас с тобой родится дочь, то она тоже будет считать, что это нормально – муж намного старше жены.

– У нас родится дочь, – звучит как музыка, – сказал он и поцеловал сначала Анины закрытые глаза, а потом сомкнутые губы. – Ты, как музыка, милая моя Аня. Легкая, воздушная, сплетенная из ветра и капель речной воды. Иногда я представляю, как рисую твой портрет, и всегда вижу именно такой вечер, как сегодня. Ленинград, июнь, белые ночи. Да, именно так, ты похожа на белую ночь, такая же хрупкая, неуловимая, недолгая.

– Почему же я недолгая? – лукаво прищурясь, спросила Анна. – Я хочу, чтобы мы с тобой были вместе долго-долго. Всю жизнь.

– Я тоже этого хочу, – почему-то печально сказал Адольф, но она не спросила о причинах печали, таящихся в его светлых глазах.

Они тогда долго гуляли по ночному Ленинграду. Сидели на бетонном парапете, ожидая, пока разведут мосты, затем, тихонько целуясь, терпели, пока мосты сведут снова, чтобы пешком дойти до дома Анзора, где жила Анна.

– Зайдешь? – спросила она. – Анзор в Грузию уехал. Дома никого нет.

– Если я зайду, то не смогу держать себя в руках, – хрипло сказал Адольф. – Ты даже представить себе не можешь, какой огонь ты зажигаешь во мне. Даже удивительно, ты как прозрачное небо, как ночной туман, как капли воды, но от тебя пылаешь почище, чем от факела.

– Пойдем, – тихо ответила она и, видя, что он в нерешительности остановился перед ее подъездом, потянула его за рукав грубого, но легкого льняного свитера. – Не надо себя сдерживать, Адольф. Мы же вместе. Поэтому давай станем вместе совсем. Ну, ты понимаешь, о чем я.

На мгновение Адольфу стало смешно. Худенькая девушка, совсем девочка, объясняла ему, взрослому, много выдавшему мужику, что должно происходить между мужчиной и женщиной. Причем делала это очень храбро. Подхватив ее на руки, он быстро вошел в подъезд и взбежал на третий этаж, на котором располагалась квартира Анзора.

– Я очень понимаю, о чем ты говоришь, – засмеялся он, тяжело дыша, не от ноши, которая, казалось, ничего не весила, а от полыхавшего в нем огня. – Ты абсолютно права. Мы станем вместе совсем. Иначе и быть не может.

Промелькнули книжные полки в прихожей, узкий поворот, за которым пряталась кухня, вход в гостиную – обиталище Анзора. Скрипнула дверь маленькой комнатки, эхом откликнулся диван, на котором уже год спала Анна, и тут же снова вскрикнул, застонал под более тяжелым, незнакомым телом, распластаный и покоренный. Белая ночь заглядывала в незашторенное окно, чтобы убедиться, что все хорошо, все правильно, все так, как должно быть.

– Битнерам и Истоминым на роду написано любить друг друга, – шепнул Адольф в маленькое, отливающее перламутром ухо. И больше они до самого утра не произнесли ни слова, скользя в извечном танце, ноты и па к которому много веков назад придумала природа.

Наши дни

Вальтер проснулся резко, как от удара. Вокруг стояла тишина, не нарушаемая даже тихим плеском рыбы в реке. Он скосил глаза и улыбнулся. Внутри спальника, брошенного поверх свежего сена на земляном полу избушки, рядом с ним тихонько сопела Василиса Истомина. Во сне она была сама скромность, и не скажешь, что всего несколько часов назад выделявала такое, о чем он и сейчас не мог вспоминать без легкого томления в паху. Она была горячая, неутомимая, легко отзывающаяся на его нескромные желания, но при этом естественная и открытая, без малейшей фальши. Опыта у нее было маловато, это не вызывало сомнений, однако эта неопытность вкупе с темпераментом, видимо врожденным, подкупала особенно, заставляя сердце биться чаще.

Еще раз покосившись на девушку, которая ровно дышала в спокойном глубоком сне, Вальтер неторопливо вылез из спальника, вышел из домика, стараясь, чтобы ненароком не скрипнула дверь, и с удовольствием потянулся, разминая затекшие за ночь мышцы.

Еще струился ночной туман вдоль реки, трава была мокрой от росы, но яркое, без малейшей дымки солнце предвещало жаркий день. Битнер решил искупаться. Скинув одежду, он, нагой, вошел в теплую, почти парную воду и быстро поплыл, разрезая гладь реки мощными ровными гребками. Ему было хорошо и спокойно.

Девушка, которая спала сейчас в избушке, не могла иметь никакого отношения к убийству Багратишвили. Сейчас он был в этом уверен. Ее попытка самостоятельно разобраться в преступлении

выглядела наивной и глупой, но в ней ощущались отвага и упорство, а эти качества Вальтер ценил в людях больше всех остальных.

Зачем Вахтанг приезжал в Авдеево? Чтобы встретиться с ним, Вальтером? Но для чего? Или его интерес был связан с Волоховым? Тогда почему это не всплыло в ходе следствия? Вопросов было гораздо больше, чем ответов, но в одном Вальтер был отчего-то уверен: след преступления тянулся в далекое прошлое, в котором еще были живы и дружны их с Василисой деда.

Проплыв вокруг всего островка, на котором они так славно провели вчерашний день, он вылез из воды, прямо на мокрое тело натянул трусы и брюки и тихонько вошел в домик, чтобы взять полотенце и рубашку. Она почему-то лежала на полу, вместе с майкой и джинсами Василисы. Вспомнив, при каких обстоятельствах они раздевались, Вальтер удовлетворенно хмыкнул и потянул кучу-малу за край своей рубашки. Что-то звякнуло, и, нагнувшись, он увидел старинную монету, видимо, выпавшую из кармашка Вазиных джинсов. Монета была потертая и, сразу видно, очень дорогая. С аверса ее строго смотрел Петр Второй. Какое-то смутное воспоминание закрутилось в мозгу у Вальтера, он аккуратно присел на пол рядом со спальником и нежно погладил девушку по щеке.

– М-м-м, – она заворочалась, просыпаясь, открыла ясные, будто и не со сна глаза и улыбнулась, нежно и доверчиво. – Доброе утро.

– Доброе утро. Как спалось?

– Отлично. Давно так не высыпалась, – честно сказала Василиса.

– Можно я у тебя спрошу? Откуда у тебя эта монета? Это твоя? Или в наследство от деда осталась?

– Не то и не другое, – Вася завозилась, вылезая из спальника, в котором лежала совершенно обнаженная. Увидев ее высокую ладную грудь, Вальтер судорожно сглотнул, тут же забыв о какой-то там монете. Но Вася быстро оделась, совершенно не стесняясь его жадного взгляда. – У моего деда действительно были такие монеты. Бабушка хранила. Десять штук. Только когда я оканчивала институт, было решено на них купить квартиру. Сначала мне, потом маме с бабушкой. Монеты, как дед и говорил, оказались очень дорогими. Девяти штук хватило с запасом на ремонты и мебель. А одна монета осталась. На память. Ее бабушка продавать категорически отказалась.

– И это она?

– Да нет же. Наша монета дома. А эту я нашла в лесу. В тот самый день, когда мы с тобой встретились. Это было неподалеку от места, где убили Вахтанга. Я как раз возвращалась на ту полянку, когда кабана увидела.

– Интересно, – медленно сказал Вальтер. – Очень интересно. А ты знаешь историю тех монет, которые хранились у твоей бабушки?

– Нет. У нас было не принято говорить о прошлом, я же тебе объясняла, – с досадой ответила Вася.

– Да, я помню. Видишь ли, мой отец рассказывал мне, что у друга твоего деда, Анзора Багратишвили, были старинные монеты, доставшиеся ему по наследству. Он уверял, что они из клада Багратиона, закопанного после того, как французы в первую отечественную оставили Москву и спасались бегством. Уходя на фронт, Анзор по совету твоего деда оставил их на хранение моему деду Генриху Битнеру, и тот сумел пронести их через горнило ссылки и вернул Василию Истомину в пятьдесят первом году, когда тот приезжал к нему в Казахстан.

– Дед не мог присвоить чужие деньги! – воскликнула Вася. – Он был очень порядочный человек.

– Я этого и не говорю, – Вальтер пожал плечами. – Анзор вполне мог поделиться с другом за то, что тот вернул монеты. Отец говорил, что у него на всю жизнь врезалось в память, как он, маленький, вечно голодный мальчишка, смотрел на лежащие на столе монеты, которые Генрих не тронул. Он уже тогда понимал, что это огромное богатство. Дед, худой, уже смертельно больной, харкающий кровью, отказался взять часть монет, хотя Василий ему и предлагал. Сказал, что если Анзор сочтет нужным, то сам потом рассчитается с нашей семьей. А без спроса невозможно брать чужое. Я, конечно, тех монет никогда не видел, поэтому и не знаю, такие же они, как эта, или нет.

– Наверное, ты прав, – Вася задумчиво прикусила губу. – Эта монета точь-в-точь такая, как лежит у нас дома. Но я не понимаю, откуда она могла взяться в лесу. Скорее всего, ее выронил именно Вахтанг, ведь получается, что это он прямой наследник рода Багратионов.

– Видишь ли, если рассуждать логически, то в Авдеево Вахтанг мог хотеть встретиться только с двумя людьми. Первый человек я. И тогда можно предположить, что он решил спустя много лет исполнить

волю Анзора и вернуть мне монеты, предназначавшиеся Генриху. Василию же он монеты оставил, значит, вполне мог решить поделиться и с потомками Генриха.

– Спустя пятьдесят лет? – недоверчиво спросила Вася.

– А почему бы и нет?

– Но почему монета одна? Куда же девались все остальные?

– Не знаю.

– Вальтер, а может быть, вы все-таки встретились? – дрожащим голосом спросила Вася. – Может быть, остальные монеты у тебя?

– Я не убивал Вахтанга, – твердо сказал Вальтер. – Я клянусь тебе, что никогда его не видел. И монету эту держу в руках впервые в жизни.

– Тогда он мог ехать не к тебе. Ты сказал, что таких людей двое. Кто второй?

– Дочь Волохова. Он тоже был знаком с твоим дедом и моим отцом. Он – то звено, которое связывало Битнеров и Багратишвили. Ну, кроме твоего деда, конечно.

– Да. И ты говоришь, что Волохов был хороший человек, который спас вашу семью, а бабушка считала его мерзавцем, повинным в том, что деда сослали, – задумчиво проговорила Василиса. – Что-то тут не сходится. Придется все-таки навеститься к дочери Волохова. Вполне возможно, что тайны прошлого откроются именно после разговора с ней. Да и тайны настоящего тоже. Ты знаешь, где она живет?

– Ты тоже знаешь, – засмеялся Вальтер. – Ты с ней каждый день здороваешься.

– Ангелина – дочь Волохова? – не веря собственным ушам, спросила Василиса.

– Почему Ангелина? – теперь уже удивился Вальтер. – Дочь Волохова – ваша соседка. Наталья Игнатьевна.

– Бабка Наталья, – потрясенно сказала Вася, – у которой я козу доила?

– Да какая же она бабка? Ей шестьдесят лет всего, – Вальтер снова засмеялся. – Она родилась в тот год, когда отец с бабушкой из Казахстана приехали и с Волоховыми познакомились. Просто она не очень здоровый человек, полная, давление высокое, вот и выглядит старше своих лет.

– Я должна с ней поговорить, – решительно заявила Василиса. – Давай поедем обратно в деревню. Я и так уже столько дней впустую потратила. Скоро отпуск кончится, а я так ничего толком и не узнала. Мне кажется, что она расскажет что-то, что прольет свет на все загадки.

– Только одну я тебя не пущу, даже не думай, – произнес Вальтер, быстро скатывая спальник. – В конце концов речь идет не только о тайнах прошлого, но и об убийстве. Реальном убийстве, которое произошло совсем недавно. Это значит, что убийца, скорее всего, где-то рядом. И мне это совсем не нравится.

– Я буду вспоминать это место, – тихо проговорила Василиса, обернувшись на покрытый разнотравьем островок, когда их лодка отчалила от берега. – Я знаю, что вчерашний день был одним из лучших в моей жизни.

– Выше нос, – подбодрил ее Битнер. – Мы сюда с тобой вернемся еще столько раз, сколько ты захочешь.

Бабка Наталья, которая, как, присмотревшись, поняла Василиса, действительно была еще совсем не старой женщиной, хоть и выглядела куда хуже Ангелины, встретила их без всякого удивления.

– А, Валера, – сказала она, открыв дверь и окинув взглядом своих непрошенных гостей. – Проходи. И ты, девочка, тоже. Я знала, что ты придешь. С того момента, как фамилию убитого узнала, так и ждала. Придет ко мне Валера.

– Вы знали Вахтанга? – дрожащим голосом спросила Василиса.

– Нет, никогда не видела.

– Тогда почему вы ждали, что Вальтер должен к вам прийти?

– Потому что мама хорошо знала фамилию Багратишвили. Как и Битнеры, они были связаны с Василием Николаевичем Истоминым. Человеком, который в войну отцу жизнь спас, – пояснила Наталья Игнатьевна.

– Это был мой дед, – Вася увидела, как Наталья вдруг побледнела.

– Да ты что? – охнув, Волохова приложила полные руки к груди. – Ой, погодите, надо мне валокордину выпить. Аж сердце зашло. Шутка ли? Внучка Василия Николаевича со мной рядом живет. Козу мне доит.

– Наталья Игнатьевна, – Василиса терпеливо дождалась, пока пожилая женщина накапает себе в маленький граненый стаканчик

остро пахнущую жидкость и выпьет, поморщившись и запив водой, – пожалуйста, расскажите нам все, что вы знаете. Мы с Вальтером совсем запутались. Нам кажется, что причина убийства Вахтанга, так звали убитого, – пояснила она, – кроется в прошлом.

– Из-за прошлого не убивают, какое бы страшное оно ни было, – задумчиво сказала Волохова. – Прошлое всегда неразрывно связано с настоящим. Просто люди со временем не меняются. Коли раньше был подлецом и мерзавцем, то и сейчас не перевоспитаешься ни за какие коврижки. Давайте хоть чаю вам налью, что уж совсем-то посуху разговаривать, тем более что разговор будет длинный.

Вскипятив электрический чайник, расписанный под хохлому, Наталья налила чаю, разложила по розеткам дивно пахнущее летом и солнцем земляничное варенье, достала магазинную сладкую сдобу, налила вазочку меду и приготовилась рассказывать.

По поводу ареста и ссылки доктора Истомина Игнат Волохов переживал страшно. За войну и послевоенные годы не было у него человека ближе и роднее. Именно Истомин благословил Игната на женитьбу, именно он был рядом, когда у Волоховых сразу после рождения умер первенец, именно он выбил им комнату в большой квартире на Лиговке, добился, чтобы Игната назначили старшим медбратом в отделении, выписывал для него премии, да и вообще всячески помогал, заменив ему отца, хоть и сам был ненамного старше.

Несколько лет после ссылки Истомина Волохов пытался раздобыть адрес опального доктора. Получилось это не сразу. Лишь в пятьдесят пятом году, уже после приезда Битнеров и рождения дочери Наташи, он разузнал, что живет Истомин в селе Константиновское Вологодской области, и сразу написал ему письмо.

Письмо то осталось без ответа, так же как и десятки других, посланных по тому же адресу и вернувшихся обратно даже не распечатанными. Игнат долго гадал, что же случилось с доктором Истоминым. Переехал? Умер? Но затем встретил в Александровской больнице какого-то вологодского врача, прибывшего на курсы повышения квалификации, и узнал, что нет, Василий Николаевич до сих пор практикует в Константиновском и славится своими золотыми руками на всю округу.

Почему-то старый друг не хотел отвечать на его письма. Чтобы понять, что же произошло, в шестидесятом году Игнат сел на поезд и отправился на Вологодчину, чтобы повидать Истомина. Обрато он вернулся спустя два дня, мрачный и расстроенный донельзя. Жена выяснила, что доктор его даже на порог не пустил, назвав стукачом и доносчиком.

С трудом Игнату удалось понять, что именно его Истомин обвиняет в истории с портретом Сталина. Расстроился Волохов так, что три ночи в прямом смысле не спал. Он никак не мог взять в толк, почему Василий, ради которого он, не задумываясь, отдал бы жизнь, мог поверить, что верный Игнат его предал.

Он и так, и сяк крутил в голове события семилетней давности, но действительно по всему выходило, что в момент злосчастной уборки не было в кабинете никого, кроме Василия и Игната. Никто не мог видеть, как газета с портретом Сталина была смята и выброшена в мусорное ведро, а значит, никто, кроме Игната, и не мог быть виноват в доносе.

– Отец тогда чуть с ума не сошел, – рассказывала Наталья Игнатьевна. – Он точно знал, что не предавал, но кто тогда мог это сделать?

Спустя три дня Волохов вспомнил, что в тот день уборку в кабинете делала Клавка, его коллега и соседка по квартире. Она и выносила мусорное ведро, в котором валялась скомканная газета.

Клавка с десятилетней дочкой по-прежнему жила в той же коммуналке, что и Волоховы. Несмотря на поздний час, взбешенный Игнат ворвался к ней в комнату, против обыкновения забыв даже постучать.

– Ты чего? Белены объелся? – спокойно спросила Клавка, не вставая из-за стола, за которым что-то неаккуратно ела. Ее дочь у окна делала уроки, как успел заметить Игнат, решала примеры по математике, прилежно водя пером по бумаге.

– Клавдия! – Игнат тяжело дышал. – Скажи мне, Клавдия, это ты на Истомина донесла? Ну, тогда, когда он газету выбросил.

– Что это тебя торкнуло спустя семь лет? – поинтересовалась Клавка. Она пальцами разрывала куски жирной селедки, и эта картина – толстые, сосискообразные пальцы в перстнях из дутого золота, по которым стекает масло, – вызвала у него острый приступ тошноты. Он

даже испугался, что его вырвет прямо здесь и будет стыдно перед этой толстой неопрятной бабой в химических кудряшках. И перед девочкой ее будет стыдно тоже.

– Да только сейчас сообразил, что кроме тебя и меня никто про эту газету не знал. Я донос точно не писал, хоть Василий Николаевич и считает иначе, значит, ты. Больше никому. Так писала или нет?

– А если и писала, – Клавка смачно облизала пальцы и рыгнула. Тяжелый селедочный дух поплыл по комнате. – Что ж с того? Я, может, только рада была, что его сослали наконец подальше с глаз моих. Ишь, коренной петербуржец, белая кость, доктор хренов, всегда на нас как на грязь под ногами смотрел. А вот, выкуси! – Она сложила масляные пальцы в дулю и сунула ее чуть ли не под нос Игнату. Тот невольно отшатнулся.

– Клавка, ну что ты врешь? – прошептал он, оглушенный известием, что именно Клавка стала причиной истоминских бед. – Да лучше и добрее человека, чем Василий Николаевич, и на свете-то не существовало никогда.

– Да ну? – Клавка недобро прищурилась. – А кто меня премии лишил и уволить грозился? Так орал на меня тогда, я думала, все больные в курсе будут. Опозорил меня перед всем светом.

– Клавдия, так ты ж больную без присмотра бросила. Она у тебя чуть не умерла от открывшегося кровотечения. Ты ж с дежурства ушла в подвал к истопнику. Ты спасибо должна была сказать, что тебя не уволили. Подумаешь, премия... А ты отомстила в ответ, да еще так гадко! Ты ж Истомину жизнь сломала! Врач от бога в глуши деревенской пропадает. Скольким бы людям он здесь жизнь спас...

– Подумаешь! Врач он от бога. Такой же, как и все. Только мнил о себе чересчур много. Вот я его и приземлила. Чтоб от простого народа не отрывался. Самое место ему в глуши. Я там полжизни провела и не померла. Ты тоже деревенский. И в деревне люди живут. Их тоже лечить надо, так что все по справедливости.

– Господи, какая же ты сволочь, Клавка! – сдавленным голосом сказал Игнат. Перед глазами его стояла кровавая пелена, в которой плыла комната с покосившимся шкафом и треснутым трюмо, девочка, сидящая в углу и не обращающая на мать и соседа ни малейшего внимания, плоское, как блин, лицо Клавки с ярко-красными накрашенными губами. Растекшаяся от селедочного жира помада

въелась в трещинки вокруг рта, превратив лицо в какую-то жуткую гротескную маску. – А он считает, что это я на него донес. Вот что, пиши бумагу, что это ты. Я ему ее в письме отправлю. Чтобы не считал меня подлецом. Меня, который с ним всю войну... – голос Волохова дрогнул.

– И не подумаю даже, – Клавка фыркнула. – Мне еще и лучше, что он на меня не думает. А тебе так и надо. Что, обиделся на тебя твой кумир? Думаешь, я не помню, как ты ему все время зад целовал? Василь Николаич то, Василь Николаевич это, – насмешливо передразнила она.

Потом Игнат и сам не помнил, как сжался кулак, как тяжелый удар обрушился на Клавкину голову. Вскрикнув, она упала.

– Ты же знаешь, что было дальше, – медленно сказала Наталья Волохова Вальтеру, – что ж сам девочке не рассказал?

– Да она не спрашивала, – Битнер пожал плечами. – В общем, Клавка тогда с сотрясением мозга попала в больницу. Завели против Игната уголовное дело. Как его жена ни упрашивала, чтобы Клавка забрала заявление, та отказывалась. Волохова осудили. Дали три года. А жену его вместе с дочкой, – он покосился на Наталью Игнатьевну, – тут же выписали из квартиры на Лиговке. Жилье-то было служебное, а в Александровской больнице Волохов больше не работал. Так что его семья была вынуждена вернуться сюда, в Авдеево, к родителям Игната.

– Да, мне пять лет было, – покивала головой Наталья Волохова. – Я здесь в школу пошла. Здесь нас с мамой и застало известие, что отец на зоне умер от воспаления легких. В первую же зиму. А Истомину он о том, что не виноват в доносе, так и не написал. Стыдно было, что осужден за то, что женщину ударил. Так что ваш дед, Василиса, до конца своих дней был убежден, что Игнат Волохов его предал. А на самом деле это было совсем не так.

– Наталья Игнатьевна, – Василиса молитвенно сложила руки, – скажите, вы знаете, зачем и к кому приезжал в Авдеево Вахтанг? Мог он хотеть с вами встретиться?

– Думаю, нет, – пожилая женщина потерла рукой лоб. – Мы никогда в жизни не пересекались. Папа знал, что у Василия Николаевича есть друг Анзор Багратишвили, а у того сын Гурам. Он вообще все про Истомина знал, до мельчайших подробностей. Но

после пятьдесят третьего года они не виделись, а в шестидесятом отца не стало, а ни я, ни мама никого из них никогда не видели. В Авдеево с Битнерами общались, – она слабо улыбнулась Вальтеру, – потому что отец их сюда отправил, а бабушка с дедом помогали, как могли. Ну и тетя Магда маму очень поддерживала, когда отец умер. А с Адольфом я дружила. Он меня, сикалявку, никогда в обиду никому не давал. Все знали, что если меня тронешь, то Адя жару задаст. Когда он в Питер переехал, ух я и плакала!

– Получается, Вахтанг мог приехать только к Вальтеру, – заключила Василиса.

– Вася, я его не видел, – мягко сказал тот. – В тот день, когда убили Вахтанга, меня и в стране-то не было.

– А где ты был? – недоверчиво спросила Василиса.

– В Германии. У меня же российско-немецкая фирма, поэтому я часто летаю по делам в Дюссельдорф. Хочешь, могу паспорт показать. С отметками на таможне. Я вернулся в Питер в тот день, когда ты нашла тело. К тому времени Вахтанг был уже давно мертв. Он мог ехать ко мне, хоть я и не знаю зачем. Но встретился с ним кто-то другой. И этот другой и стал его убийцей.

– Но как же нам узнать, кто это был?! – закричала Вася.

– Не надо вам это узнавать, – Волохова тяжело поднялась со стула и поставила подогревать остывший уже чайник. – Поверь мне, девочка моя, попытки самостоятельно расследовать преступление всегда кончаются новым преступлением. Следствие идет? Идет. Вот пусть они и разбираются. А ты не лезь в это дело. И ты, Валера, тоже. Не к добру это все, слышите?

Она в упор посмотрела на Василису, и под ее тяжелым немигающим взглядом той вдруг стало страшно. Так страшно, что даже руки заledenели.

Глава 13. На крутом вираже

*Слезы могут значить больше, чем улыбка.
Потому что улыбаемся мы всем подряд, а плачем из-
за тех, кого любим.*

Одри Хепберн

1984

Анна проснулась и, еще не открывая глаз, вспомнила, что случилось что-то очень хорошее. Ах да... Этой ночью Адольф Битнер остался у нее ночевать. Анна села в кровати, до хруста потянулась, чувствуя приятную истому во всем теле, придирчиво осмотрела постель, на которой несколько часов назад потеряла девственность. Боли она не почувствовала, крови, как она сейчас убедилась, тоже не было.

Невольно улыбнувшись, она вспомнила, как приставала к матери с расспросами, как это, когда первый раз занимаешься любовью. Больно ли? Страшно ли?

– Если с любовью, то не больно и не страшно, – сказала Маруся как отрезала. Но потом, смягчившись, добавила: – Ты сама поймешь, когда придет время. Просто когда придет понимание, что это он, тот самый, единственный на всю жизнь, тогда пожалуйста. И штамп в паспорте никакого значения не имеет. А вот из любопытства или чтобы быть как все, этого не делай. Счастья не принесет. Только боль, страх и разочарование.

Анна точно знала, что сегодня ночью поступила правильно. Адольфа она любила так сильно, что сердце в груди заходило. Она помнила, как в ее детстве мама смотрела на отца, когда он этого не видел. Обожание и преклонение читалось в ее взгляде. Мама была растворена в отце так сильно, как это вообще возможно. И Анна, молча завидовавшая маминому умению так страстно и безоглядно любить, теперь знала, что и она способна на такое же глубокое чувство.

Поглядев на часы, она ахнула. Они показывали уже одиннадцатый час утра, а на двенадцать была назначена консультация перед

экзаменом. Адольфа уже не было, проснувшись в семь утра, он поцеловал Анну в висок, тихонько, практически не разбудив, сообщил, что уходит и позвонит ей вечером, и ушел, тихонько притворив дверь.

Аккуратно заправив свой диван и накрыв его связанным мамой шерстяным пледом, она накинула халатик и побежала чистить зубы. Без ночной рубашки она спала впервые в жизни. Анна слегка покраснела, вспомнив сопровождающие этот факт обстоятельства, рассмеялась собственному смущению, скинула халат и встала под упругие струи душа. Из-за журчания воды звонка в дверь она не расслышала, так же как скрежетания ключа в замке и тяжелых мужских шагов по длинному коридору квартиры.

Дверь ванной распахнулась так внезапно, что она вскрикнула и уронила лейку душа, которую держала в руке. На пороге стоял Гурам.

– Гура, ты что, с ума сошел, ты зачем меня пугаешь?! – возмутилась она, судорожно заворачиваясь в клеенчатую шторку для ванны. – И вообще, выйди немедленно.

– То есть ему на тебя, голую, смотреть можно, а мне нельзя? – медленно и тяжело спросил Гурам. – Хорошо, я выйду, но наш разговор не окончен.

Грузными, незнакомыми шагами он вышел в коридор и проследовал на кухню, где загредел чайник. Дрожащими руками Анна выключила воду, боязливо вылезла из ванны, накинула на дверь крючок, кляня себя, что не сделала этого раньше, быстро вытерлась, надела и тщательно застегнула халат, намотала на влажные волосы полотенце и решительно вышла на кухню.

– Что ты здесь делаешь? – независимо спросила она, стараясь, чтобы голос ее звучал твердо.

– Так это дом моего отца, – несмешливо сказал Гурам. – Ты считаешь, что я не имею права тут бывать?

– Имеешь, но было бы неплохо предупреждать, что ты собираешься прийти.

– Зачем? – он, прищурившись, смотрел на нее. – Чтобы ты успела одеться или чтобы успела выставить за дверь своих любовников?

– Каких любовников? Ты хочешь меня оскорбить?

– А ты хочешь сказать, что сегодня здесь не ночевал Битнер?

– Гурам, только не говори, что ты следил за мной, – от возмущения у Анны даже горло перехватило. – А если он здесь и

ночевал, то твое какое дело? Я уже совершеннолетняя, имею право встречаться с кем захочу.

– То есть я тебе только друг, а с ним можно и спать, пользуясь тем, что отец в отпуске. Я думал, что ты нежный неиспорченный цветок, потому и вел себя с тобой по-джентльменски, а надо было, как он, сразу в койку. Со шлюхами ведь так поступают?

– По-моему, у тебя нет никакого права разговаривать со мной в подобном тоне, – решительно сказала Анна, хотя внутри у нее все мелко-мелко дрожало. – Я люблю Адольфа, он любит меня, мы были вместе. Это правда. Никаких других любовников, как ты выразился, у меня нет и никогда не было. Думаю, при твоей привычке за мной шпионить тебе это прекрасно известно. Кроме всего прочего, мой моральный облик тебя не касается.

– Да? Помнится, ты говорила, что я твой друг.

– Да, ты был мне другом. До этого момента. И позволю себе напомнить, что я тебя предупреждала, что никем, кроме друга, ты мне никогда не станешь.

– Да что же в нем есть такого, что ты выбрала его, а не меня? – с болью в голосе воскликнул Гурам. – Он же старше меня, худой, некрасивый. Почему он, а не я? Почему, Анна?!

– Гура, да разве на такой вопрос можно ответить? – воскликнула она. – Если я тебе скажу, что он похож на бога, разве ты меня поймешь? Он единственный человек, предназначенный мне судьбой. Я это точно знаю. Кроме того, Гурам, ты хороший, добрый человек, но ты же женат! Я говорила тебе, что даже если бы я тебя полюбила, то никогда не смогла бы переступить через твою жену и сына.

– Но у него тоже есть жена и сын! – заорал Гурам. – Что, он тебе про это не говорил? Забыл, наверное. Он женат уже десять лет, у него сыну девять. Почему в его случае тебя это обстоятельство не останавливает?

– Я не знала, – Анне показалось, что у нее останавливается сердце. – Гура, я правда не знала. Он мне ни разу не говорил, что женат, что у него есть ребенок.

Она села на табуретку у стола, потому что почувствовала, что у нее отказывают ноги. От резкого жеста размоталось и свалилось на пол полотенце с головы. Длинные темные волосы мокрым каскадом

упали на согнутые плечи. Она машинально откинула их назад, и в этом жесте было столько грации и изящества, что Гурам застонал.

Подскочив к ней, он двумя руками схватил ее за плечи, поднял рывком с табуретки и встряхнул.

– Аня, милая моя, любимая, желанная! – он начал осыпать ее лицо и шею поцелуями. Безвольно повисшая в его руках Анна не сопротивлялась. Она вообще никак не реагировала на происходящее, раздавленная полученным известием. Гураму на минуту показалось, что он держит в своих руках тряпичную куклу, а не женщину.

От нее пахло мылом и свежестью, кожа под его губами была нежной и тонкой, как будто фарфоровой. Зарывав от охватившего его желания, Гурам подхватил Анну на руки и понес в ее комнату, уложил на диван и начал расстегивать маленькие пуговицы халата.

– Что ты делаешь? – Казалось, она пришла в себя и начала отталкивать его руки. – Гурам, ты с ума сошел, отпусти меня немедленно!

– Нет, не отпущу. Ты моя, а не его. Ты с самого начала была моя, – хрипел он, подминая под свое грузное тело ее тонкую хрупкую фигурку. Халат он разорвал и отбросил в сторону. Эта ненужная тряпка мешала ему видеть ее совершенное тело с плавными изгибами талии, маленькой упругой грудью и крепкой попкой. Он так ее хотел, что у него мутилось в голове.

Кое-как расстегнув штаны, он обрушился на нее сверху, придавил своим весом, не давая вырваться на свободу, прижал руки, на ощупь нашел вход в вожделенную глубину ее тела, задвигался быстро, грубо, ритмично, зажимая губами ее кричащий рот. Он не соображал, что делает. Бушевавшая в нем темная сила требовала освобождения. Он рвался вперед, пытаясь достичь разрядки, которая, как дождь в грозу, смыла бы то душное напряжение, в котором он находился. Продираясь сквозь чащу мыслей, чувств, желаний, эмоций, он рычал, как раненый зверь, попавший в капкан.

Тонкий писк цеплял его за край сознания, он не понимал, что это за звук отвлекает его от толчкообразных движений навстречу долгожданному счастью, и только достигнув пика, закричал от накрывшего его волной болезненного удовольствия, затем замер, перестав двигаться, упал на лежащую под ним девушку, замер на

мгновение и тут понял, что тонкий писк – это ее плач, жалобный, как у попавшего в беду щенка.

Весь ужас того, что он только что сделал, накрыл Гурама, как ватное пальто, брошенное на голову.

– Аня, Анечка, – он откатился в сторону, чтобы освободить ее тело от непомерного груза. Она тут же судорожно натянула на себя сбившееся вязаное покрывало, откатилась к стене и закрыла лицо руками. – Аня, я не знаю, что на меня нашло. Я скотина. Прости меня. Я не хотел, чтобы так. Аня...

– Уйди, Гурам, – она уже не плакала, но в ее огромных оленьих глазах отражалась такая боль, что он внутренне содрогнулся. – Не надо ничего говорить. Просто одевайся и уходи, хорошо?

– Да-да, я сейчас уйду. Аня, пожалуйста, не говори отцу. Это его убьет. Он не вынесет мысли, что я подонок.

– А ты такую мысль выносишь? – она больше не смотрела на него. – Уходи, Гурам. Конечно, я ничего не скажу твоему отцу. Он хороший, порядочный человек. Он действительно обо мне заботился весь этот год.

– Аня...

– Ты уйдешь когда-нибудь или нет?

– Да-да, я уйду. Мы потом все обсудим. – Судорожно приведя в порядок одежду, Гурам выскочил из квартиры. Хлопнула входная дверь. Анна осталась лежать на диване, невидящим взглядом глядя в белый потолок.

– Никакого потом не будет, – негромко сказала она вслух.

До конца дня она успела сделать так много, что позже, вспоминая, сама удивлялась своей организованности и решительности. Первым делом она собрала все свои вещи в два чемодана, с которыми приехала в Ленинград год назад, отвезла их на Московский вокзал, сдала в камеру хранения и купила билет на вечерний поезд до Вологды.

С вокзала она поехала в институт, где уже закончилась консультация, на которую она так и не попала. К счастью, ей не встретился никто из однокурсников, потому что она не представляла, как могла бы сейчас с кем-то разговаривать. Здание института, который окончил ее отец и поступлением в который так гордилась она сама, высилось надгробным памятником ее мечтам.

В ее Ленинграде с ней не могло быть Адольфа. Адольф ее обманул, Гурам изнасиловал. Оба они ее предали. Ей не нужен был такой Ленинград. Пройдя в деканат, она написала заявление об отчислении с курса, выдержала атаку изумленного декана, на глазах которого лучшая студентка курса собиралась бросить учебу, коротко объяснила свое решение семейными обстоятельствами. Выглядела она при этом такой измученной, что декан ей сразу поверил, предложил оформить академку, но она решительно отказалась, вытерла подступившие слезы, забрала документы и выскочила на улицу.

До отхода поезда она еще успела съездить на Невский, пройти мимо Казанского собора, дойти до Исаакиевского, со стороны посмотреть на Медного всадника, у которого вчера вечером была так безоблачно счастлива, как не могла быть больше никогда. У памятника целовалась какая-то парочка.

– Счастливые, – подумала Анна, – потому что молодые... Чего бы им и не быть счастливыми?

Она вдруг поняла, что ощущает себя хорошо пожившей древней старухой, у которой нет впереди ничего, кроме бессмысленного ожидания смерти. Подивившись этому обстоятельству, она, не ощущая вкуса, съела пончик, купленный с уличного лотка, запила его холодным летним квасом и уехала на вокзал, а оттуда в Константиновское.

Маруся встретила ее удивленно, но неожиданно радостно. Видно было, что ей одиноко одной в их огромном старом доме, в котором не слышно шагов любимых. Анна не стала скрывать от мамы, какая беда с ней приключилась.

– Институт-то, может, зря бросила? – осторожно осведомилась Маруся. – Ведь так мечтала по стопам папы пойти.

– Пойду по стопам мамы, – невесело усмехнулась Анна. – Медучилище в Вологде окончу, стану медсестрой. Не могла я, мама, остаться в Ленинграде. Мне там дышать нечем.

– Понимаю, – серьезно сказала Маруся. – Удивительный город. Васеньке столько горя принес, тебе жизнь сломал. Не наше это, доченька, место. Мы с тобой деревенские. Нам тут, видимо, и жить. А что касается любви, встретишь ты ее еще в жизни. Обязательно встретишь.

– Нет, мама, – Анна тихо заплакала. – Я однолюб, как и ты. А значит, никогда мне больше не видать женского счастья.

Через два месяца Анна поняла, что словно в память о страшном последнем ленинградском дне ждет ребенка.

– И хорошо, – сказала, выслушав новость, Маруся. – Дети – это счастье. Воспитаем.

– Так люди же на смех поднимут! Позор безмужней ребенка воспитывать.

– Добрые и умные поддержат, а на дураков да злых нечего и внимания обращать, – возразила Маруся. – Дите ни в чем не виновато.

– Мама, я же не знаю, чей это ребенок, – Анна горько расплакалась. – То ли о светлом память, о ночи, проведенной с Адольфом, то ли о темном, поступке Гурама.

– Да лучше и не знать, – Маруся погладила ее по голове. – Твой это ребенок, Аннушка. Твой и больше ничей. Родится, назовем Васенькой.

Наши дни

Вальтер и Василиса вышли из дома Волоховой, шагнули за калитку.

– Удобно тебе меня провожать, – засмеялась Вася. – В соседний дом.

– А я тебя не провожаю. Ты сейчас соберешь вещи и переедешь ко мне, – его голос не допускал возражений.

– А не быстро ли? – все-таки позволила себе усомниться Василиса.

– В самый раз. Теперь, когда, считай, вся деревня знает, что мы с тобой интересуемся обстоятельствами смерти Багратишвили, тебя нельзя оставлять без присмотра.

– Так уж и вся? По-моему, мы с тобой только с Натальей Игнатьевной поговорили.

– Или ты не деревенская?.. То, что сказано на одном конце деревни, спустя два часа становится известно на другом. Кроме того, ты, может, и не заметила, но, когда мы разговаривали, под открытым окном кто-то стоял.

– Да ты что?! – У Василисы даже голос сел от внезапного испуга.

– Точно тебе говорю. Я, знаешь ли, охотник, я шаги по траве хорошо слышу. Так что, помимо нас троих, есть еще кто-то, кто в курсе. Так что, оставаться в доме у Ангелины тебе опасно. Что могут сделать две беззащитные женщины? Да ничего.

– А ты, значит, меня защитишь? Да, крепкий мужчина?

– Да, – Битнер внезапно стал серьезен. – Вот только мне обязательно нужно в Питер съездить на два дня. Крупная сделка, я ее три месяца готовил, теперь договоры подписать нужно. Может, со мной поедешь? Страшно мне тебя здесь оставлять.

– Нет, – Василиса решительно помотала головой. – Я тут останусь. Если мы с тобой правы, то в самое ближайшее время может произойти что-нибудь интересное.

– Вот это-то меня и пугает. – Он почесал свою крепкую шею и сверху вниз посмотрел на Васю. – Хотя все-таки есть вероятность, что все это – не больше чем совпадение, а Вахтанга убил какой-то бродяга, позарившийся на серебряные монеты.

– Зачем Вахтанг стал бы их показывать бродяге? – резонно возразила Вася. – Нет, Вальтер, таких совпадений не бывает. Я на сто процентов уверена, что он вез эти монеты тебе, а кто-то про это узнал и не дал вам встретиться.

– Этот кто-то не может быть местным. Он должен жить в вашем городе, твоём и Вахтанга. Только там он и мог кому-то рассказать, что собирается сюда, в Авдеево.

– Верно, – согласилась Василиса. – Только тот, кто живет в моем городе, никак не мог знать, в Авдеево ты будешь в день приезда Вахтанга, или в Питере, или вообще в Германии. Тот, кто выманил Вахтанга на встречу в лес, был заранее уверен, что в этот день тебя тут не окажется. А узнать об этом из нашего города невозможно, понимаешь?

– Верно, – Вальтер задумчиво прикусил нижнюю губу. – Иди в дом, собирай вещи. Я тебя тут подожду. Нечего нам такие вопросы обсуждать, стоя посреди улицы. Дома договорим.

– Если Ангелины нет дома, мне придется ее подождать, – виновато сказала Вася. – Рассчитаться, да и вообще. Не по-людски это – взять и уйти, не попрощавшись.

– Прощайся, – Вальтер неопределенно пожал плечами, – я никуда не тороплюсь. Устрою тебя на новом месте и поеду. В моем доме ты

точно будешь в безопасности. Главное – двери никому не открывай.

Ангелина была дома. Услышав о том, что Василиса переезжает, она заохала, засуетилась, по-бабьи завздохала.

– Ой, девка, как же это сладилось у вас так быстро? Да оно и ладно. Валерка-то парень хороший. Состоятельный. В Германию часто ездит, дом у него там. Так-то ты девка, гляжу, не промах. Вон сразу какого мужика оторвала. А посмотришь на тебя, так тихоня тихоней.

– Да ладно вам, тетя Ангелина, – Василиса засмеялась, – можно подумать, я специально кавалера побогаче выбирала. Познакомились мы случайно, сами знаете.

– Ага. Так я тебе и поверила. У меня дочка, молодая, красивая, вроде тебя. Тоже городская. Я уж ей сколько раз говорила: захомай ты Валерку. Будешь в Питере жить, как сыр в масле кататься. Ан нет, не получилось у нее. Уж она вокруг него и так, и сяк, а он – ноль внимания. А ты сразу подцепила, зубастенькая.

Ангелина посмотрела на Васю чуть ли не с ненавистью. Девушка испуганно отпрянула, но выражение лица хозяйки тут же сменилось на привычное, строго-хмурое.

– Ладно, не бери в голову. Как моя мать говорила, на каждый болт найдется гайка. Просто моя Катюшка с другой резьбой, вот Битнеру и не подошла.

– Я у вас пять дней прожила. Вот деньги. И спасибо за гостеприимство.

– Да не на чем, – Ангелина добродушно рассмеялась. – Может, поругаетесь еще, так возвращайся. Твоя койка завсегда тебя дождетя.

– Спасибо, – Василисе почему-то захотелось побыстрее уйти из этого дома.

– погоди, – окликнула ее уже с порога Ангелина. – Я вот рогулек напекла с творогом, возьми. Вечером с Валеркой поедите. Разогреешь в микроволновке. Уж всяко у него микроволновка есть.

– Вальтер в Питер вечером уедет, – сказала Василиса и осеклась.

– Ну, сама поешь, эка невидаль. Давай-давай, бери. Вкусные рогульки. Я вместо сахара мед внутрь положила, так что понравится тебе, не думай. И не сердись на меня, дуру старую. Позавидовала я тебе из-за Валерки. Правда в зятях его представляла. Да, видно, не судьба.

Василиса выволокла свою сумку на крыльцо, где ее терпеливо дожидался Вальтер.

– Пошли? – спросил он.

– Пошли, – кивнула она. – А ты, оказывается, сердцеед.

– В смысле?

– Да меня сейчас Ангелина чуть не съела. Оказывается, на тебя ее дочка виды имела, а ты меня, замухрышку приезжую, к себе в дом ведешь.

– Чего? – Он от изумления даже остановился. – Какие виды? Какая дочка? Катька, что ли? Прошли те годы, когда я, сопляк зеленый, на такую дешевку повелся бы. Грудь домиком, губки бантиком, попа гузкой, лобик сердечком. Фу, пакость.

Описанная картинка была такой живой, что Вася невольно рассмеялась.

– Бог с ней, с Ангелининой дочкой, – сказала она. – Давай лучше продолжим про убийцу разговаривать. На чем мы остановились?

– На чем? – переспросил Вальтер, откровенно любуясь ею, сосредоточенной и серьезной.

– На том, что кто-то из местных должен был знать, что тебя нет в Авдеево.

– Я здесь о своих перемещениях так-то особо никому не докладываю. Приехал – здрасте. Не приехал – тоже хорошо.

– И все-таки, кто из местных мог знать, что ты в Германию едешь, а значит, тут ни при каком раскладе не появишься?

– Наталья Игнатьевна. Я в последний приезд ей говорил, что у меня в Питере дел недели на три, а потом я в Германию полечу. Предложил ей за лекарствами в Сергиев Посад съездить, потому что иначе меня потом месяц не будет.

– Во-о-от, – удовлетворенно протянула Василиса. – Остается только узнать, могла ли Волохова знать, что Вахтанг сюда собирается. Это она говорит, что с ним незнакома, но это ведь совершенно не обязательно правда.

– А мне вот интересно совсем другое, – задумчиво сказал Вальтер. – Полиция ведь не сидит сложа руки. Они наверняка уже тоже раздобыли какую-то информацию, и если бы мы не играли с тобой в доморощенных Натов Пинкертонов, а делились всем, что узнали, с

правоохранительными органами, то, может, и дело бы быстрее сдвинулось с мертвой точки.

– Пожалуй, ты прав, – задумчиво согласилась Вася. – Я позвоню сегодня майору, который ведет дело об убийстве. Тем более что он уже вполне мог решить, что я сбежала от правосудия. Я же у него была подозреваемой номер один. А если не у него, то у следователя точно.

– Ты же не на подписке о невыезде.

– Нет, но вдруг они решат, что это неправильно?

За разговорами они дошли до дома, в котором жил Битнер. Основательный забор остался за Васиной спиной. Засов, который задвинул Вальтер, был надежным, дверь в дом – стальной.

– Действительно крепость, – заметила Вася.

– Да. Окна на первом этаже бронированные, так что можешь ходить по дому без опаски. Стекло не разбить ни камнем, ни пулей. Проходи, я тебе тут все покажу.

– Спасибо, утешил, – пробормотала Вася и с любопытством ступила на порог этого удивительного дома, непохожего на все остальные здания в округе.

По дому как нельзя лучше можно было судить о пристрастиях и привычках его хозяина. Здесь не было никаких излишеств и ни капли вычурности. Василиса усмехнулась, вспомнив модный в последнее время стиль «Прованс», который так любили воплощать в своих жилищах люди с деньгами. Виньетки, лепнину, всевозможные завитушки на стенах, мебели и в элементах декора лично она не любила, как бы гламурно и модно они ни выглядели. Стиль ампир тоже был не по ней. Ей всегда нравились простые решения, без нагромождений, много стекла и воздуха. Дом Вальтера Битнера был именно таким.

На первом этаже, том самом, с бронированными окнами, располагалась просторная кухня с русской печкой, газовой плитой, функциональным деревянным кухонным гарнитуром и огромным дубовым столом с высокими стульями, за которым можно было запросто усадить человек десять. Спрятанный в простенке газовый котел доказывал, что хозяин дома все делает обстоятельно. Тут была горячая вода и центральное отопление на газу.

– А газ откуда? – полюбопытствовала Вася. – Неужто деревня газифицирована? Почему тогда у Ангелины его нет?

– Да бог с тобой! – засмеялся Вальтер. – Откуда тут газопровод? Я газгольдер закопал под землю. Поэтому у меня все на газу.

– И баня?

– Нет, баня на дровах, иначе она была бы ненастоящая, – ответил он.

На столе лежали грубые льняные салфетки. На окнах колыхались от ветра такие же льняные шторы, удивительно гармонирующие с окружающим пространством. В гостиной, конечно же, был большой камин, перед которым на полу лежала медвежья шкура. Кожаный диван и кожаное же кресло. Небольшой столик с разбросанными по нему газетами. Глобус в центре комнаты, в котором, как догадалась Вася, таился вместительный бар, и высокие, под самый потолок, книжные шкафы из массивного темного дерева. Книг было так много, что Василиса от восхищения даже остановилась.

– Ничего себе! – прошептала она. – И все это собрал ты?

– Ну, не только я. Так-то отец еще начал. Вот тот стеллаж – это книги по искусству. Они все его. Вон там – русская классика. В дальнем углу – современная зарубежная проза. А вот тут, поближе к дивану, полное собрание всех детективов, как отечественных, так и импортных. Это уже моя слабость. Я сюда на Новый год приезжаю и целыми днями валяюсь на диване и читаю детективы. Снаружи снег метет, ветер завывает, а у меня тепло, поленья в камине трещат, а Пуаро или Мегрэ распутывают сложные преступления. Красота! Для меня – лучший вид отдыха.

– Да, для меня тоже, – Вася засмеялась. – Ты так вкусно про это рассказываешь, что я вдруг пожалела, что сейчас лето, а не зима. Мне так и представилось, что ты уедешь, а я заберусь под тот клетчатый плед и буду книжку читать.

– Да уж, топить камин в такую жару не стоит, – Вальтер усмехнулся и тут же снова сделался серьезным. – Но я тебе обещаю, что зимой ты сюда обязательно приедешь и сможешь читать, сколько твоей душе угодно.

Васе внезапно стало так неловко, что даже уши загорелись. Ей очень нравился этот мужчина, с которым она так внезапно и так, по своим меркам, быстро стала близка. Но до Нового года было еще так далеко, а перспектива сохранить отношения до зимы столь туманна, что даже думать об этом было глупо и наивно. Невольно она

вздохнула. Ее приключение рано или поздно должно было закончиться, и она боялась, что вместе с ним канет в небытие и этот удивительный мужчина, встреча с которым явно была подарена ей судьбой.

Он был красивый, взрослый, умный, видно, что обеспеченный. У него была своя жизнь – с фирмой в Питере, делами в Германии, обстоятельным и надежным домом в Авдеево, и то, что в этой жизни могло найтись место для простой докторицы, внучки старого друга его деда, было вовсе не очевидно. В глубине души Василиса считала себя настолько обычной, что, пожалуй, даже немного скучной. А Вальтер Битнер был блестящей партией, что, к примеру, подтвердила и Ангелина. Неведомую Васе Ангелинину дочку Битнер отверг, но Вася была вовсе не уверена, что чем-то лучше этой самой дочки. Дойдя в своих умопостроениях до этой мысли, она снова вздохнула.

– Ты чего вздыхаешь, как старая бабка? – спросил Вальтер. В его светлых, как у норвежского викинга, глазах плясали бесенята. – Не хочешь, чтобы лето кончалось? А, сестра белой ночи? Не переживай, осень еще не скоро.

– Я и не переживаю, – пробормотала Вася и толкнула еще одну дверь. За ней оказалась обычная гостевая комната, небольшая, но светлая. Здесь стоял раскладной диван, телевизор на тумбе, узкий шкаф и удобное кресло. – Мне сюда? Я здесь буду ночевать?

– Зачем? – удивился Вальтер. – Ты будешь ночевать в моей спальне. Это на втором этаже, пойдем.

Опять немного смутившись и радуясь, что по широкой лестнице из лиственницы он идет впереди и не видит ее предательски покрасневших щек, Вася поднялась на второй этаж и снова осмотрелась. Здесь располагалась вместительная хозяйская спальня, еще несколько гостевых комнат, которые можно было переоборудовать, к примеру, в детские, большая ванная с туалетом, в которой, помимо ультрасовременной душевой кабины, обнаружилась еще и огромная ванна, куда легко можно было залезть вдвоем, а также сауна за плотной стеклянной дверью. В маленькой комнатке находился кабинет хозяина, в котором обнаружился интернет-модем, огромный эпловский моноблок, принтер и сканер в одном флаконе, факс и куча другой офисной техники.

– Ты здесь работаешь, что ли? – спросила Вася, чтобы хоть что-то спросить. От мысли про огромную ванну на двоих у нее снова заалели щеки. А отсутствие детских вещей в спальнях натолкнуло на мысль, что она совсем ничего не знает о своем новом знакомом. Женат ли он, разведен ли, есть ли у него дети? Ответов на эти вопросы у нее не было, а для понимания ситуации, в которой она очутилась, а главное, для обдумывания путей ее развития, ответы эти были бы совсем нелишними.

– Бывает, – кивнул Вальтер. – Иногда мне так тошно в городе становится, что я прыгаю в машину и уезжаю сюда. Здесь спокойнее, проще, привычнее, что ли. Здесь все настоящее, вот совсем ничего наносного нет. А бизнес без контроля не оставишь. Поэтому, если надо, рулю отсюда. Тут все для этого есть. Кстати, если тебе надо, то комп и Интернет не запаролены. Пользуйся.

– Спасибо, но мне как-то ни к чему, – Вася пожала плечами. – Я, наверное, несовременная. Даже в социальные сети хожу редко. Предпочитаю с друзьями вживую общаться. Хотя у меня друзей не особенно много. Я считаю, что они штучный товар. А перед каждым встречным душу обнажать и всю свою подноготную выкладывать и смысла нет.

– Тоже верно, – Вальтер сказал это как-то рассеянно, видно было, что его мысли уже заняты чем-то другим. – Значит, так. Ты тут располагайся, вещи распаковывай. Я сейчас быстро нам тортилью приготовлю, поедим, и я поеду. Хочу в Питере с дороги еще успеть немного поспать, чтобы на подписание договора явиться со свежей башкой. Не обидишься?

– Не обижусь, – Вася улыбнулась. – А что такое тортилья?

– О-о-о. Это удивительно пафосное и красивое название скрывает за собой обычный омлет с картошкой, ветчиной и помидорами, – Вальтер, глядя на ее разочарованное лицо, расхохотался. – Я не был готов к визиту столь прекрасной дамы, но обязуюсь исправиться и сразу после возвращения запечь креветки на гриле.

– Ладно, придется есть яичницу, но только потом пусть будут креветки, смотри не обмани.

Весело болтая, они съели удивительно вкусную тортилью, затем, пока Вася мыла посуду, Вальтер быстро собрался и отнес в машину какие-то нужные ему вещи. Закончив, она вышла на крыльцо и молча

смотрела, как он ходит вокруг своей большой и очень похожей на него машины, хлопает дверцами, ищет ключи, темные очки, портфель, а затем широкими шагами пересекает двор, чтобы оказаться рядом с ней.

– Не хочу от тебя уезжать, – пробормотал он, окунув губы в ее пушистые, коротко стриженные волосы. – Вот не хочу, и все. Может, ну его к лешему, этот договор?

– Ты что, – испугалась Вася, – не надо! Дела не должны страдать. Ты уедешь и послезавтра вечером уже вернешься. Я буду читать твои книжки, пить твое красное вино, гулять по твоему дому и думать о тебе. Глядишь, и соскучиться не успею.

– Нет уж, ты лучше соскучься, – он наклонился и требовательно, но нежно прикоснулся губами к ее губам. – Я очень хочу, чтобы ты соскучилась. И я тоже буду по тебе скучать, а потому сразу после моего возвращения нас ждет необыкновенная ночь. Там, в избушке, я не успел с тобой как следует познакомиться.

– Езжай уже, – тоненьким голоском попросила Вася. – И возвращайся как можно быстрее. Потому что я уже начинаю скучать, хотя ты еще и не уехал.

Хлопнула дверца, открылись дубовые ворота, машина, рыча, выехала на гравийную дорогу. Василиса как зачарованная смотрела, как, подчиняясь электронному приказу, ворота смыкаются снова, как сам по себе ложится в пазы тяжелый кованый засов, в который уже раз за день тяжело вздохнула и пошла обратно в дом, не забыв тщательно запереть за собой дверь.

Убийца Вахтанга ходил где-то совсем рядом. В этом она теперь была совершенно уверена. А потому нужно было оставаться внимательной и осторожной, позвонить майору Бунину и только после этого с чувством выполненного долга завалиться на кровать с книжкой. Вася уже знала, что именно будет читать. Агату Кристи. Ведь шустрая и проницательная мисс Марпл как орешки щелкала сложные задачки с убийствами, приключаящимися как раз в такой тихой и чуть сонной деревне.

Глава 14. Огненная ярость

*Никто не может остановить силу желания,
идущую из сердца.*

Наталья Орейро

1984 год

Вот уже неделю Адольф метался по Ленинграду как безумный. Он просто физически ощущал, как медленно сходит с ума. Анна пропала. После такой нечаянной, такой волшебной белой ночи, которая приключилась между ними, она исчезла так внезапно, что он никак не мог взять в толк, что случилось. Она растаяла, как легкий туман в вечернем воздухе, как дымка, легко слетающая с предутреннего неба и исчезающая до следующей ночи, такой же белой, летней, теплой, опьяняющей.

Утром он оставил ее спящей, обернулся с порога комнаты, посмотрев, как ровно она дышит под тонкой простыней, тихонько притворил входную дверь, неслышно щелкнул замком и побежал на работу, еще пьяный от ночного счастья. Он знал, что минувшей ночью жизнь его кардинальным образом изменилась, причем навсегда. Впервые с того момента, как он помнил себя, маленького, вечно сопливого, в продуваемой насквозь мазанке, стоящей на окраине Джамбула, посередине казахстанских степей, он знал, что все в его жизни теперь будет хорошо.

Длинными ногами вымеряя километры ленинградских дорог (денег на троллейбус опять не было), он вспоминал отца, худого, всклокоченного, смертельно больного, с нескрываемой нежностью в голосе рассказывающего о своем лучшем друге Васе Истомине. Он твердо знал, что отец был бы просто счастлив, что у его Ади и дочки Василия случилась любовь, что он бы искренне радовался их общим внукам. Жаль только, что ни Генриху, ни Василию так и не удалось дожить до этого светлого дня.

Весь день он работал над панно в новом, только что построенном детском саду, и мазки, оставляемые его кистью, получались ярче, красочнее, шире только от того, что он был счастлив. В первую

очередь следовало, конечно, поговорить с Ирккой. Как бы то ни было, но официально она числилась его женой, и с этим следовало считаться. Он знал, что она не будет стоять на пороге его счастья, препятствовать разводу или, тем паче, устраивать скандал. Много лет назад они заключили деловое соглашение, которое он сам четко соблюдал. Теперь пришла Иркина очередь. И он знал, что она тоже выполнит свои обязательства по отношению к нему.

Вечером из телефонной будки, расположенной рядом с детским садом, он набрал домашний номер Анны, чтобы договориться о встрече. Ее не было дома. Это обстоятельство его удивило, но не встревожило, утром у Анны была консультация перед экзаменом, после которого она вполне могла пойти с сокурсниками в кафе или просто погулять по ленинградским улицам.

Не заезжая домой, он отправился к ней, точнее, к дому Анзора. Ему никто не открыл. До десяти вечера он сидел на лавочке перед входом в парадное, уже заметно волнуясь, не случилось ли с Анной какой-нибудь беды. Потом он посмеялся над собой, решив, что она заночевала у подруг в общежитии, где они отмечали успешную сдачу экзамена, и поехал домой. Но ни завтра, ни послезавтра он так и не смог застать ее дома. Телефон молчал. Дверь никто не открывал. Обеспокоенный уже всерьез, Адольф поехал в институт, где ему довольно равнодушно сообщили, что студентка первого курса Анна Истомина бросила учебу, забрала документы и по семейным обстоятельствам уехала домой.

Адольф ломал голову, что же такого могло случиться у нее дома, и ругал себя последними словами, что за полгода их знакомства не догадался взять у Анны точный адрес деревни, в которой она жила.

Через пять дней возвратился из поездки в Грузию Анзор. Вечером он, тоже немало встревоженный, показал Адольфу, каждый день навещавшемуся по заветному адресу, оставленное Анной при отъезде письмо. В нем девушка благодарила дядю Анзора за все доброе, что он для нее сделал, писала, что вынуждена уехать домой, и отдельно настоятельно просила не давать ее домашнего адреса ни Гураму, ни Адольфу.

– Да что случилось-то между вами? – горестно восклицал Анзор, размахивая листком бумаги в линейку, на котором аккуратным Аниным почерком были написаны слова, понятные в отдельности, но

складывающиеся в совершеннейшую белиберду по смыслу. – Не собиралась она институт бросать! Ей же так учиться нравилось! Вы что, поссорились, что ли? И вы – это кто? Ты и Анна? Ты и Гурам? Анна и Гурам? Хотелось бы мне понять, что тут произошло, пока меня не было.

– Мне бы тоже хотелось, – искренне недоумевая, ответил Адольф. – Дядя Анзор, мы не ссорились. Никто и ни с кем. Честное слово. Пожалуйста, дайте мне ее адрес. Я должен с ней поговорить.

– Раз она просит, чтобы адреса я вам не давал, значит, я и не дам, – сурово ответил Анзор. – Сам напишу Марусе, матери ее, и выясню, что случилось. Или съезжу. Вот только сначала врачу показаться надо. Живот у меня болит, зараза, просто спасу нет. Думал, пройдет в Грузии, ан нет, только хуже стало. А я врач, привык с непонятными симптомами на месте разбираться. Так что Марусе напишу, обследование пройду, а по осени и съезжу. Учти, если узнаю, что кто из вас Аннушку обидел, не сносить вам обоим головы!

Ждать до осени Адольф никак не хотел. В совершенно лишенном смысле письме Анны упоминался Гурам. Это было странно. Но его присутствие в прощальной записке ставило Адольфа перед необходимостью поговорить с Гурамом. Они никогда особо не дружили, лишь время от времени пересекались в общей компании. После новогодней ночи Адольф был искренне благодарен судьбе, что именно в такой компании он встретил Анну. Однако самого Гурама с зимы ни разу не видел.

Его домашнего адреса он не знал, поэтому, немного поразмыслив, поехал в университет.

– А Гурам Анзорович оформил научный отпуск за свой счет. Уезжает куда-то. Сказал – срочно, – охотно рассказала Адольфу девушка, разбирающая документы в большом шкафу, стоящем за дверью с надписью «Кафедра философии». Было видно, что ей до смерти наскучило ее занятие и что она рада оторваться от тяжелых пыльных папок и поболтать с симпатичным бородатым мужчиной, одетым в стильный свитер грубой ручной вязки.

– Уехал? Он тоже? – глупо спросил Адольф, чувствуя, что впадает в отчаяние от того, что последняя ниточка, связывающая его с Анной, оборвалась, а последняя попытка узнать, что же случилось, оказалась безуспешной.

– Наверное, пока еще не уехал. Он говорил, что первого июля уедет, а сейчас же еще июнь. – Девушка видела, что незнакомец чем-то сильно расстроен, и ей хотелось ему помочь.

– Девушка, – Адольф бросился перед ней на колени так резко, что она в испуге отшатнулась. – Пожалуйста, дайте мне его домашний адрес! Вы же знаете, где он живет. Поверьте, это очень важно. Это практически вопрос жизни и смерти для меня!

Адольф искренне верил в то, что сейчас говорил. Ему даже не пришло в голову, что адрес Гурама ему вполне может дать Анзор, ведь под запретом был только адрес Анны, но он находился в таком сумеречном состоянии сознания, что уже практически ничего не соображал. Животный ужас, что Анна потеряна для него навсегда, изгонял из головы мысли, разрушал логику. Сердце билось в его груди неровными болезненными толчками, и выглядел он так дико, что кафедральная незнакомка смотрела на него уже не с сочувствием, а, пожалуй, с испугом.

– Вы не переживайте так, – выговорила она наконец. – Хотите, я вам воды налью?

– Нет, не хочу.

– Гурам Анзорович на Васильевском острове живет. Я вам сейчас адрес на бумажке напишу. Хорошо?

– Да, спасибо. – Адольф дышал как загнанный конь. Даже бока у него ходили так же тяжело, как у скакуна, только что преодолевшего тяжелый путь к финишу. Выхватив из рук девушки бумажку, он рванул к двери и лишь с порога, вспомнив, обернулся: – Как вас зовут?

– Наташа.

– Спасибо вам, Наташа. Вы действительно очень меня выручили.

Всю дорогу до дома Гурама, которую он прошел пешком, его не отпускала мысль, что того не окажется на месте. Но, видимо, все невезение, отпущенное на его долю, уже было исчерпано. Гурам открыл дверь сразу, после первого же звонка. И дома он был один, чему Адольф несказанно обрадовался. Интуиция, чрезмерно развитая интуиция настоящего художника, подсказывала ему, что разговор между ними не будет предназначен для Нины, женщины, на которой был женат Багратишвили.

– Ты? – Открыв дверь, Гурам отступил в глубь небольшой прихожей. Его глаза были скрыты полутьмой коридора, однако Адольф

мог голову дать на отсечение, что в них плещется ненависть. Это его удивило. Не было на свете ничего такого, что им приходилось бы делить. Или все-таки было?

– Я. Ты знаешь, что Анна уехала?

– Да, знаю. Отец сказал, – плечи Гурама поникли, но глаза продолжали смотреть все с тем же странным выражением.

– Она оставила записку, в которой попросила твоего отца не давать ее адрес ни тебе, ни мне. Гурам, ты знаешь, что случилось, почему она уехала? И почему больше не хочет нас видеть? Нас обоих.

– Так и будешь в коридоре стоять? – осведомился Гурам. – Проходи вон в кухню. Садись, а то в ногах правды нет.

– Гурам! Ты что-то знаешь? – Адольф в несколько шагов пересек небольшой коридор и оказался в чистой, уютной, вкусно пахнущей грузинскими специями кухне. – Говори! Не мытарь ты мне душу!

– Она уехала, потому что ты ее обманул, – Гурам встал у окна, опершись на широкий крепкий подоконник и сложив руки на груди.

– Я? Когда? В чем?

– Она очень честная девочка. И очень правильная. Она уехала, потому что узнала, что ты женат и у тебя есть ребенок.

– Что за глупости! Ирина разведется со мной сразу, как я попрошу. Мой брак ничего не значит, и ты про это знаешь. Кроме того, постой, а откуда она узнала, что я женат? Кто ей сказал?

– Я.

– Но зачем?

– Затем! – Гурам тяжело задышал. – Я влюбился в нее сразу, как увидел. Я с ума сходил, думая о ней ночами. А она сказала, что никогда не будет моей, потому что я женат на Нине, потому что есть Вахтанг. Я знал, что этого не изменить, но продолжал надеяться, что когда-нибудь она полюбит меня и сможет стать моей. А тут появился ты, казахстанский ублюдок! Ты влюбил ее в себя! Ты увел ее у меня из-под носа! Ты сорвал с ветки этот персик, который созрел не для тебя, а для меня! И при этом, о боже, ты тоже женат! У тебя тоже есть сын! Каково ей было про это узнать, как ты думаешь?

– Ты сказал ей, что я женат, чтобы отомстить за то, что она полюбила не тебя? Ты разрушил ее и мою жизнь только потому, что женщина, в которую ты якобы влюблен, предпочла другого? Гурам

Багратишвили, гордый грузинский горец, ты так легко признаешься в том, что ты подонок?

– А ты сволочь! Ты ничем не лучше меня! Почему ты не признался ей сразу, что живешь с Ириной? Почему полгода молчал? Ты должен был рассказать ей об этом до того, как потащил ее в постель в квартире моего отца!

– Да! Должен был! В этом ты прав! – Адольф уже орал, не осознавая, что они стоят друг напротив друга, сжав кулаки. – Я просто не готовил ничего заранее! Я не знал, что тем вечером так случится! Я живу чувствами, а не разумом! Я знаю одно. Нам было хорошо. И это главное. И к этому мой брак десятилетней давности не имеет никакого отношения. А теперь она уехала и написала, что не хочет меня видеть! Выходит, из-за тебя! Это нечестно.

– А мне видеть, как вы заходите в дом отца, а потом ждать на лавочке, когда ты выйдешь, и понять, что ты остался у нее на ночь, честно? Я ее люблю! Понял, ты? Она моя! Я это доказал. Она стала моей уже после тебя, понял? И я сделаю все, чтобы она осталась моей на всю оставшуюся жизнь!

– Что ты сказал? – не веря собственным ушам, спросил Адольф. – Повтори, что ты сказал. Что значит она стала твоей?

– А то и значит, – Гурам вдруг гадко улыбнулся. – Ты ушел, а я пришел. И она была моей. И потом решила уехать. И теперь я уезжаю тоже. К ней. Ясно тебе?

– Этого не может быть, – Адольф с размаху врезал кулак в челюсть стоящего напротив Гурама. Тот не ожидал нападения, покачнулся и чудом не упал, но все-таки удержался на ногах и кинулся в драку.

Минут десять они отчаянно мутузили друг друга, хотя драться оба совсем не умели. Белая пелена перед глазами Адольфа становилась все шире и шире. Она поглощала измазанное кровью лицо Гурама, вертящуюся аккуратную кухоньку с перевернутой теперь мебелью, дневной свет, льющийся из незашторенного окна.

«Она была моей. После тебя. И она будет моей. Она уехала, а я теперь еду к ней», – шипела пелена, и, вскрикнув, Адольф вдруг потерял сознание. Очнувшись, он увидел встревоженное лицо Гурама, склонившегося над ним.

– Ну что, петух, пришел в себя? – спросило лицо разбитыми губами. – Или «Скорую» вызвать?

– Не нужно мне «Скорую», – тихо ответил Адольф. – «Скорую» вызывают к живым, а ты меня убил.

– Вот только патетики не надо, – Гурам поморщился и подвинулся, давая Адольфу встать. Руки он ему предусмотрительно не предложил, да и не принял бы тот его руки.

– Не надо, – согласился Адольф, кое-как отряхнул одежду и пошел к двери, не оглядываясь на своего противника. – Ничего не надо. Ничего и не будет. Теперь уже никогда. Будьте счастливы. Оба.

Наши дни

Предстоящий разговор с майором Буниным отчего-то страшил Василису, хотя вообще-то она была не робкого десятка. Решив не откладывая неприятное на потом, а с ходу разделаться с неизбежным и уже потом приятно проводить вечер в компании с детективом из коллекции Вальтера, она пошла на кухню, достала из высокого холодильника, напоминающего космический аппарат, пакет с холодным апельсиновым соком, щедро плеснула его в высокий стакан, который тут же запотел, и отхлебнула.

«Впору виски пить, – мрачно подумала она, глядя в широкое окно. – Чувствую, влетит мне сейчас по первое число. Ну да ладно, чему быть, того не миновать».

Набрав номер, она начала считать гудки, малодушно надеясь, что майор не возьмет трубку. Однако надеждам этим не суждено было сбыться.

– Слушаю вас, Василиса Александровна, – сказала трубка густым, очень мужским, чуть усталым голосом, и Василиса даже подпрыгнула, услышав его. Холодный сок выплеснулся из стакана и залил белую футболку, оставив солнечные брызги.

– Ч-черт. Простите, Иван Александрович, это я не вам, – быстро сказала она, вздохнув резко, как перед прыжком в воду. – Вы там меня не потеряли? А то я в отъезде.

– Это я уже понял, – благодушно ответил майор. – Позвонил вам как-то на работу, там сказали, что вы в отпуске. Ну, думаю, улетела наша птичка. Теперь не поймает.

– Вы в любой момент могли позвонить мне на мобильник. Из того, что вы этого не сделали, я могу предположить, что не так уж вам была нужна.

– Да я шучу, Василиса Александровна. Иногда хочется посмеяться, отвлечься от наших кровавых будней. Вы-то зачем мне звоните?

– Сказать, что я уже почти неделю живу в Авдеево.

– Где? – В голосе Бунина послышалась растерянность.

– В деревне Авдеево. Под Сергиевом Посадом. Там, где нашли тело Вахтанга Багратишвили, – наслаждаясь производимым эффектом, сказала Василиса.

– Василиса Александровна, вас что, в детстве не пороли совсем? Зачем вы туда поперлись? Вы понимаете своим куриным мозгом, что это может быть опасно?

– Права оскорблять меня вам никто не давал, – быстро парировала Вася. – Я все прекрасно понимаю, именно поэтому я сюда и поперлась, как вы изволили выразиться.

– Господи, почему, ну почему следователь не взял с вас подписку о невыезде! – простонал майор. – Вы хоть понимаете, что не только подвергаете опасности себя, но и можете сорвать всю операцию по поимке преступника?

– То есть вы уже тоже пришли к выводу, что убийца здесь, в Авдеево?

– Это с самого начала было понятно. Мало кто поедет далеко от дома, чтобы совершить убийство. Труп нашли в Авдеево, значит, и убийца находится где-то поблизости.

– А его сообщник в нашем городе.

– А вы откуда знаете?

– Ну, хоть у меня и куриный мозг, но два и два я сложить могу. Я узнала, что Вахтанг ехал к Вальтеру Битнеру, но того тут в этот момент не было. Только убийца, выманивая Вахтанга на встречу, мог знать о том, что Битнер в Германии, и только его сообщник из нашего города мог знать, что Вахтанг вообще собирается отправиться в Авдеево.

– В логике вам действительно не откажешь, – Бунин вдруг засмеялся, и Вася подумала, что буря, пожалуй, пролетела мимо.

– А вы в курсе, что в Авдеево живет Наталья Игнатьевна Волохова, которая с детства знала семьи Битнеров и Багратишвили? –

И Василиса рассказала внимательно слушающему ее Ивану все, что ей удалось узнать за последние несколько дней.

– Многое из того, что вы рассказали, для меня внове, – честно признался Бунин. – Некоторые недостающие кирпичики встали на место. Но сути дела это не меняет. Василиса Александровна, сегодня же уезжайте из Авдеево. Схема преступления ясна, убийство почти раскрыто, и мне бы не хотелось, чтобы следующим трупом стал ваш.

– Вы знаете, кто убийца?

– Догадываемся. Вот только с доказательствами пока туговато.

– Так, может, я могу помочь?

– Лучшее, что вы можете сделать, это убраться оттуда, – в голосе Бунина вновь прорезался металл.

– Я не могу сейчас уехать, – поколебавшись, сказала Вася. – Но, честное слово, мне ничто не угрожает. Я переехала со съемной квартиры в дом к своему новому знакомому. Тут надежные замки, высокий забор и бронированные окна.

– Знакомому? Вальтеру Битнеру?

– Да, – Василиса неловко замолчала.

– Да ладно, не смущайтесь. Он с вами?

– Уехал на пару дней в Питер, по делам.

– А до этого вы где жили?

– В соседнем с Волоховой доме. У женщины пожилой, тети Ангелины.

– Да уж, то, что вы переехали к Битнеру, это хорошо, – сказал Иван. – Если уж вы твердо намерены дождаться его возвращения, то сидите тихо и не высывайтесь из дома. Я, конечно, распоряжусь, чтобы за вами приглядели, но убийца тут на своей территории, так что лучше поберегитесь, хорошо?

– Хорошо, – Вася пожала плечами, хотя он точно не мог этого видеть. – Я не думаю, что представляю для кого-то хоть малейшую угрозу. Если только монетой, так никто, кроме Вальтера, не знает, что я ее нашла.

– Какую монету? С изображением Петра Второго? – резко спросил Бунин.

– А вы и это знаете? – в свою очередь, удивилась Вася. – Да. Я нашла ее в лесу. Неподалеку от того места, где обнаружили тело Вахтанга.

– А нам про монеты рассказал отец вашего убитого друга. Так что вы правы. Багратишвили действительно ехал к Битнеру. Он должен был отдать эти монеты. И после его смерти они пропали. Василиса Александровна, пожалуйста, поверьте, что все происходящее – не шутка и не игра. Вы находитесь в реальной опасности. Поэтому немедленно уезжайте домой.

– Да уже и автобусы не ходят, – засмеялась Вася. – Так что до утра я точно не могу тронуться с места. Вы же не хотите, чтобы я шла пешком, одна на дороге? Иван Александрович, я никому не открою дверь. Не волнуйтесь.

– Будем надеяться на лучшее, – вздохнул он и отключился.

Василиса с удовольствием приняла душ. За пять дней, которые она провела в доме Ангелины, она успела соскучиться по городским бытовым удобствам, и сейчас, намыливая тело пахучим гелем для душа, с усмешкой думала о том, насколько же быстро отвыкла от деревенской жизни.

Замотавшись в найденный в ванной комнате тяжелый банный халат, принадлежащий Вальтеру, Василиса вытащила с книжкой полки в гостиной детектив Агаты Кристи, убедилась, что главной героиней является именно мисс Марпл, сходила еще за одним стаканом апельсинового сока, уселась в глубокое кожаное кресло и погрузилась в чтение. Ей было уютно, вот только беспокойно. Часы пробили одиннадцать часов, и она вздрогнула от их боя, показавшегося ей предвестником беды.

«Нет, в такой ситуации читать детективы – это безумие, – подумала она. – И так страшно, а я еще ужастики читаю. Преступления, совершенные более полувека назад в старой доброй Англии, ничем не отличаются от действий того человека, который сейчас ложится спать в одном из домов Авдеево. И так, Вахтанга убили из-за монет. Понять бы еще, кто именно знал о том, что они у него есть...»

Отбросив книжку, она поднялась в спальню и вышла на балкон. Белая ночь, очередная в этом году, уже вступила в свои права. Воздух пах летним разнотравьем, откуда-то доносился лай собак, но деревня уже утихала, успокаивалась на ночь. Не было слышно голосов переговаривающихся за забором соседей, не кричали петухи, пастух уже провел по пыльной улице трех коров, которых держали на всю

деревню, протарахтел и уехал прочь мотоцикл, шурша шинами по гравийной дороге.

Вообще-то дом Битнера стоял на отшибе, и ездить тут на мотоцикле было совершенно некому. Подумав об этом, Вася мимолетно встревожилась, но тут же успокоилась. У Натальи Волоховой не было мотоцикла, а по мнению Васи, основная угроза могла исходить именно от нее.

Стоять на балконе с мокрой головой было прохладно. Вася поежилась, поплотнее запахнулась в халат, хотя вечер и оставался полетному теплым, ушла в комнату и, соблюдая меры предосторожности, плотно заперла балконную дверь.

С минуту она разглядывала широкую и обстоятельную кровать, на которой обычно спал Вальтер. Ночевать в этой кровати, хранившей запах его тела, без него самого ей не хотелось. Поэтому она не стала откидывать красивое стеганое покрывало, выполненное в стиле пэчворк какой-то рукастой умелицей, грустно подумав о том, кто мог быть этой самой умелицей, вышла из спальни, сбежала на первый этаж, отворила дверь в маленькую комнатку для гостей, где стоял диван, нашла в шкафу комплект постельного белья, подушку и одеяло, скинула халат, юркнула в обустроенную ею постель в чем мать родила и тут же крепко заснула.

Проснувшись Вася от непонятного запаха, не сразу сообразив, что пахнет гарью. Вылетев из гостевой комнаты, она заметалась по первому этажу, пытаясь понять, что горит. Однако здесь все было в порядке. Поднявшись по лестнице, на которой запах ощущался гораздо сильнее, Вася открыла дверь спальни и тут же захлопнула ее. В спальне полыхал пожар.

Быстрее лани Вася сбежала на первый этаж, схватила одеяло, которым укрывалась, огнетушитель, стоящий у входной двери, и снова бросилась вверх. Она не знала, как вызвать пожарных в богом забытой деревне Авдеево, но спасти прекрасный дом Вальтера Битнера было необходимо, поэтому она смело ворвалась в спальню, сдернула горящие льняные шторы, бросила их на пол, скинула с кровати начавшее уже загораться покрывало, накинула сверху свое одеяло и принялась яростно топтать эту кучу, попутно поливая огнетушителем горящий стул, стоящий у окна, и прикроватную тумбочку.

Тонкое обоняние, с детства доставлявшее ей немало хлопот и очень мешающее работе в медицине, сейчас сослужило добрую службу. Проснулась Вася вовремя, а потому минут через пять очаг пожара был локализован. Убедившись в этом окончательно, она перевела дух, оглядела себя с ног до головы, чтобы убедиться, что на ней нет ожогов, боль от которых притуплена воздействием бушующего в ее крови адреналина, увидела, что тушила пожар абсолютно голый, смутилась, что ее хорошо видно в окно, на котором теперь нет штор, сбегала в свою комнату, чтобы натянуть джинсы и майку, а затем вернулась в спальню, чтобы немного подумать.

Она должна была спать именно здесь. В комнате, расположенной на втором этаже, где не было защитной брони на окнах. Кто знал, что она спит в этой комнате? Кто бросил промасленную и подожженную тряпку, предварительно разбив окно камнем? Камень и обрывки сгоревшей материи она нашла на полу у подоконника. Кто понадеялся на то, что она не проснется ни от звука разбитого стекла, ни от запаха гари и погибнет в огне?

Ответа на эти вопросы у нее не было. Открыв окно нараспашку, чтобы выветрился гнусный запах гари, Вася спустилась на первый этаж, зажала в руке телефон, прихватила найденный в одном из ящиков кухонного гарнитура топорик для разделки мяса, импортный и острый, и вышла во двор.

Непослушными пальцами она набрала оставленный ей Битнером номер телефона.

– Привет, полуночница, – услышала она знакомый и уже до боли родной голос. – Звонишь узнать, как я добрался? Вот только что въехал в город. Ночной летний Питер прекрасен. Ты это знала?

– Подожди, – она вдруг почувствовала, что ее начинает бить крупная дрожь. Застоявшийся адреналин теперь выходил из ее крови, толчками ударяя в голову. – Подожди, Вальтер. Я только что потушила пожар в твоём доме.

– Ты умудрилась поджечь дом? – спросил он, еще не понимая всей серьезности ее слов, но тут же сменил веселый тон. – Вася, Васенька, что случилось?

– Кто-то разбил окно в спальне и бросил туда промасленную тряпку. Я проснулась от запаха гари и успела все потушить до того, как начался серьезный пожар.

– Подожди, – теперь уже сказал он. – Ты что, хочешь сказать, что боролась с огнем сама? В одиночку?

– А кого я должна была позвать? – спросила она и вдруг расплакалась. – Телефонов я никаких не знаю, дом твой на отшибе, пока я бегала бы за помощью, все бы сгорело к чертям собачьим!

– Да и хрен с ним, с домом! – заорал Вальтер так сильно, что она в испуге отнесла трубку подальше от уха, чтобы внезапно не оглохнуть. – Ты же могла пострадать! Ты что? Разве так можно? Нужно было хватать документы и телефон и бежать подальше.

– Ага, а там, подальше, меня бы ждал человек, который устроил поджог, – всхлипывая, подхватила Вася. – Вальтер, я думаю, он хотел выманить меня на улицу, подальше от дома. Не надеялся же он действительно, что я в одночасье сгорю в пламени? Он не может убить меня в доме или даже во дворе, у тебя же тут камеры везде натканы, я же вижу. Он как раз хотел, чтобы я побежала за помощью, и тогда, на улице, он бы меня и прикончил.

Собственная догадка так ошеломила Васю, что она в ужасе замолчала.

– Пожалуй, ты права, – тихо сказал голос Вальтера в трубке. – Поэтому ни в коем случае не выходи за ворота. Ты слышишь меня? Ни при каких обстоятельствах! А лучше всего вообще сиди дома. Возьми в прикроватной тумбочке ключ от спальни и запри дверь снаружи. Обойди по периметру весь второй этаж и вообще запри все двери. Сиди на первом этаже, потому что там никто не сможет влезть в окна. А камеры действительно включены.

– Вальтер, кто в деревне знает о том, что они есть? Волохова?

– Да все знают. Я эту информацию распространил максимально широко, чтобы неповадно было влезать, когда меня дома нет. Так что это секрет Полишинеля. Ты сейчас где?

– Во дворе.

– Быстро иди в дом. Запри все, что я сказал. Продержись до завтрашнего вечера, ладно? В полицию я сообщу. Утром подпишу контракт и сразу выеду к тебе. Хорошо?

Васе вдруг стало обидно, что даже в такую минуту он не забыл о своем чертовом контракте.

– Хорошо, – сухо сказала она и отключилась.

Из духа противоречия она не пошла в дом сразу, а обошла двор по периметру, едва касаясь рукой толстого кирпичного забора с острыми металлическими пиками наверху. За баней на одной из пик что-то висело. Приглядевшись, Василиса обнаружила, что это женский пуховый платок. Белый, связанный тонкой ажурной вязью из белого пуха оренбургский платок. Этот платок был ей знаком. Он висел на спинке стула, на котором сидела Вася в доме у Натальи Волоховой.

Глава 15. Последняя просьба

Иногда надо по-настоящему хорошо узнать человека, чтобы понять: он тебе совсем чужой.

Наталия Орейро

1986

Анзор Багратишвили умирал. Он знал это совершенно точно, со всей определенностью, продиктованной многолетним врачебным опытом. Еще два года назад, идя на первое обследование, он уже знал, что у него, скорее всего, рак желудка. Боли, беспокоившие его последнее время, были нехорошими. Поэтому, узнав о диагнозе, поставленном после обследования, он только пожал плечами. Ничего нового. И так все понятно.

От операции он отказался, изучив результаты анализов и рентгеновский снимок. Поздно было делать операцию. Отстраненно и холодно, как будто речь шла не о нем самом, а о совершенно постороннем человеке, обычном пациенте, он понял, что жить ему осталось год, максимум полтора.

На самом деле он протянул два года, но дни, отпущенные ему природой, неумолимо текли мимо, как вода сквозь пальцы. Лежа на высокой постели в больничной палате той самой Александровской больницы, в которой когда-то работал его друг Вася Истомин, он равнодушно смотрел, как входят и выходят врачи, как ставят капельницы и делают уколы медсестры, как моют полы санитарки.

Сознание его было затуманено наркотиками, которые ему кололи. Зато боли почти не было. Лишь иногда она подкрадывалась чуть раньше назначенного времени и тогда вцеплялась в его незащищенное тело, разрывая живот на куски длинными острыми когтями. Как у Фредди Крюгера в фильме ужасов. «Кошмар на улице Вязов». Кажется, так назывался этот фильм, который ему приносил смотреть на видеокассете сын Гурам.

Мальчик его тревожил. Пожалуй, все два года болезни он гораздо больше беспокоился о Гураме, чем о себе. С сыном что-то происходило, но вот что, от отца он держал в секрете. Пожалуй,

началось это после отъезда Анны. Тогда Анзор как раз принялся ходить по врачам, был занят собственными проблемами и пока еще не поставленным официально, но вполне понятным ему диагнозом, поэтому разобраться, что именно произошло между Анной, Адольфом Битнером и сыном, ему было недосуг.

Потом выяснилось, что Гурам уезжает. Это известие ошарашило Анзора как обухом по голове. Его мальчик оставил престижную работу и жену с ребенком и на год собрался в Гори, чтобы, как он говорил, в тишине поработать над докторской диссертацией.

Вообще-то решение было вполне разумным, поэтому пугало Анзора не само желание уехать, а та поспешность, с которой было принято это решение. Отъезд сына был похож на бегство. Плакала у его больничной кровати невестка Нина, умоляющая свекра уговорить Гурама остаться в Ленинграде, но тот и слушать ничего не хотел, а использовать свою болезнь как козырь Анзору было стыдно.

Он очень долго не говорил своему мальчику, что смертельно болен. До тех пор не говорил, пока необратимость скорой смерти не стала очевидной настолько, что скрывать ее дальше было уже невозможно. Точнее, он бы молчал до последнего, но Гураму написала Нина, и мальчик, надо отдать ему должное, сразу вернулся, чтобы быть рядом с отцом.

Уже почти год Гурам снова работал в университете, успешно готовился к защите докторской диссертации, которую действительно написал в Гори. Насколько мог оценить Анзор, в семье у него тоже все наладилось. Нина была счастлива, что муж вернулся. Маленький Вахтанг, дедова радость, собирался в первый класс.

Еще до того, как совсем ослабеть, Анзор привел в порядок все дела с наследством, составил завещание, отписав квартиру Вахтангу, выбросил все бумаги и памятные безделушки, которые накопились у него в течение жизни и были дороги как память о молодости, годах, проведенных на фронте, или умершей жене, но казались бесполезным хламом всем остальным, отнес в церковь ненужную одежду, оставив лишь костюм, предназначенный для похорон.

Одно только несделанное дело мучило его. Когда-то, много лет назад, он решил передать десять монет из сокровищ Багратиона потомкам Генриха Битнера, сохранившего их в лихие военные годы. Однако сначала он мотался по гарнизонам и просто физически не мог

найти Магду Битнер, а потом, уже живя в Питере и периодически сталкиваясь с сыном Генриха и Магды Адольфом, почему-то так и не собрался выполнить себе же данное обещание. Руки не доходили.

Сейчас, стоя на пороге вечности, он собирался исправить это досадное недоразумение, однако с работы Адольф уволился. С квартиры, на которой жил вместе с женой, съехал, а письма, отправленные на новый адрес, данный ему Ириной, возвращались нераспечатанными.

Анзор хотел было съездить по этому адресу, но уже не смог. А потому, лежа сейчас на больничной кровати, понимал, что придется обращаться за помощью к Гураму, хотя тот и не обрадуется необходимости общаться с Битнером.

«И какая кошка между ними пробежала?» – размышлял старик, периодически впадая в полудрему.

Хлопнула дверь, и в палату вошел Гурам.

– Привет, пап. Как ты сегодня? – спросил он, выкладывая из шуршащего пакета в прикроватную тумбочку баночки с детским фруктовым пюре. Ничего другого измученный болезнью желудок Анзора уже не принимал.

– Скриплю потихоньку, – Анзор попытался улыбнуться, но внезапная боль пронзила его живот, вместо улыбки запечатлев на лице жуткую гримасу.

– Позвать сестру? – Гурам рывком открыл дверь в коридор, готовый бежать за помощью.

– Нет, не сейчас. Подойди ко мне, мой мальчик. Я должен с тобой поговорить.

– Да, папа. – Гурам, оставив открытой дверь, подошел к кровати, поставил рядом металлический больничный стул и сел, нежно сжав в ладони худую, кожа да кости, ставшую совсем старческой руку отца.

– Помнишь, много лет назад я рассказывал тебе историю про клад Багратиона?

– Конечно, папа. Те десять монет, что ты мне тогда дал, я бережно храню. Это же целое состояние.

– Правильно, сынок. Не расставайся с ними, даже если тебе придется совсем туго. Это наследственные сокровища Багратионов. Когда-нибудь ты передашь их Вахтангу, а он – своим детям. Но дело в том, что у меня дома, в верхнем ящике стола, лежат еще десять таких

же монет. Много лет назад я должен был отдать их Адольфу Битнеру, но так и не собрался. Теперь это должен сделать ты.

– Я? – Гурам даже отшатнулся, представив возможность новой встречи с Адольфом.

– Ты, сынок. Пообещай мне, что в самые ближайшие дни, пока я еще жив, ты найдешь Адольфа и передашь ему эти монеты. Когда-то их сберег для меня его отец, Генрих. Эти деньги его по праву. Поэтому ты должен заставить его их взять.

– Папа, то, о чем ты просишь, невозможно. Мы с Адольфом поссорились. Сильно поссорились. Я не могу с ним встретиться. Да и он не станет со мной разговаривать и ничего от меня не возьмет.

– Не от тебя, а от меня. Со мной-то он не ссорился, – старик заметно разволновался, по лицу его пошли крупные, неровные красные пятна, хотя само лицо было бледным, очень бледным. – Считай, что это последняя просьба твоего умирающего отца. Ты просто обязан ее выполнить. Ты мужчина из древнего рода Багратионов. Обещай мне. Здоровьем Вахтанга клянись.

– Да брось ты, папа!

– А я говорю, клянись! – Анзор вдруг начал задыхаться, пытаясь тонкой рукой раздрать рубашку на шее, чтобы пропустить в легкие немного воздуха, но, захрипев, вдруг привстал и снова упал на подушки.

– Папа, тебе плохо? Я обещаю. Я все сделаю. Я встречу с Адольфом и заставлю его взять эти монеты, даже если мне придется для этого силком затолкать их ему в глотку. Папа, подожди, я сейчас, я быстро!

Подбежав к по-прежнему распахнутой двери, он увидел удаляющуюся по коридору спину в белом халате.

– Помогите! – крикнул он. – Мой отец умирает!

Женщина лет тридцати пяти – тридцати восьми повернулась на его крик.

– Что вы хотите? – поспешно и как-то заметно волнуясь, спросила она.

– Вы врач?

– Медсестра, – она пожала плечами. – Можно сказать, потомственная.

– Пожалуйста, помогите, моему отцу плохо.

Женщина развернулась на тонких каблуках, зачем-то одернула на себе халат и зашла в палату Анзора. Тот, вытянувшись струной, лежал на постели. Светлая улыбка освещала его лицо, как будто он расслышал и понял обещание Гурама.

– Ваш отец умер, – равнодушно констатировала женщина, наклонившись к кровати и взяв неподвижную руку Анзора, чтобы попытаться нащупать пульс. – Пойду скажу врачам.

– Умер? Как умер? Этого не может быть! – Гурам упал на колени перед кроватью с неподвижным телом отца, уткнулся в простыню лицом и горько заплакал.

Наши дни

Остаток ночи больше был похож на кошмар. Обойдя весь дом, Вася заперла двери всех комнат на втором этаже, заложила большим кованым засовом входную дверь, перетащила постель на кожаный диван в гостиной, потому что в маленькой гостевой комнатке у нее тут же начался приступ клаустрофобии, и кое-как уснула, вздрагивая и просыпаясь от малейшего шума.

Сквозь сон ей чудились шаги по двору, она вскакивала с дивана и бежала к окнам, чтобы попытаться разглядеть злоумышленника, подкрадывающегося к ней аки тать в ноши. Но во дворе, освещенном ярким фонарем, который она включила, несмотря на белые ночи, было пустынно.

Вася снова возвращалась на диван, но тут ей слышались шаги наверху, и она вскакивала, сжимая в руке топорик для разделки мяса, который предусмотрительно положила под подушку, однако шаги стихали, как будто их и не было. И Вася снова погружалась в полусон. По-настоящему она заснула только под утро, провалилась в черный омут, из которого вынырнула с чугунной головой, не понимая, где находится.

Оглядевшись, она узнала гостиную дома Вальтера Битнера, вытащила из-под подушки топорик, от спанья на котором и болела голова, посмотрела на часы и ужаснулась. Они показывали полдень. Так долго Вася не спала даже в далеком детстве.

Вскочив с дивана, она быстро привела комнату в порядок, умылась, сварила себе кофе, осторожно оглядела через бронированное окно двор и, убедившись, что там по-прежнему никого нет, позволила

себе открыть входную дверь, чтобы расположиться с чашкой на крылечке.

Капризный июнь сегодня снова нахмурил брови. На улице было прохладно, градусов шестнадцать, не больше. Ветер гнал по серому небу лохматые, не причесанные с утра тучи. В воздухе пахло скорым дождем. У Васи в кармане зазвонил телефон, и она, посмотрев на экранчик, радостно нажала на кнопку вызова.

– Привет, соня, выспалась?

– Привет, Вальтер. – Она вдруг так обрадовалась, услышав его голос, что у нее даже сердце заколотилось. – А ты откуда знаешь, что я долго спала? Ты же раньше не звонил.

– А зачем мне звонить девушке, если девушка сладко спит? – спросил он.

– Неправда, ты не мог этого знать, – обиженно сказала Вася. – Ты просто ни капельки не волнуешься, что вокруг твоего дома и меня в нем ходит преступник. Ты был на своем подписании договора и про меня совсем забыл.

– А вот и нет. Васька, ты же сама сказала, что у меня повсюду камеры. Ты разумно поступила, что легла спать в гостиной. У меня камеры на спутник выведены, чтобы я в Питере в любой момент мог посмотреть, что с домом. Так что я на планшете кнопку нажал и все совещание любовался, как ты дрыхнешь.

Василисе стало так стыдно, что она покраснела. Щеки вспыхнули жаром, и она даже приложила к ним свободную ладошку. В том, что он смотрел на нее, спящую, было что-то настолько интимное, что она начала дрожать.

– Не страдай. Ты во сне не чесалась и вообще не делала ничего неприличного, – жизнерадостно сообщила трубка. – Кстати, сообщаю тебе, что уже закончил все свои дела и целый час двигаюсь по направлению вон из города. Так что часов через шесть-семь приеду. Если пробок не будет, конечно.

– Приезжай, – Вася радостно улыбнулась. Жар со щек схлынул, как будто его и не было. Ни малейшего стеснения не испытывала она в связи с этим человеком с самых первых минут их знакомства, а значит, и сегодня стесняться было совершенно нечего. – Приезжай, Вальтер! Ты даже представить себе не можешь, как я тебя жду! И вовсе не потому, что чего-то боюсь.

– Вот и умница. Дверь все-таки запри. И из дома без нужды не выходи. Смотри телевизор, читай книжку. Если станет скучно, звони.

– Позвоню, – пообещала Вася. – А ты про креветки помнишь? Ты мне обещал королевские креветки на гриле.

– Помню, – он засмеялся, но тут же стал серьезен. – Я вообще всегда про все помню. Особенность характера. Все, целую, до встречи.

Вася отключила телефон, забрала с крыльца чашку с остывшим кофе и, напевая, вернулась в дом. Настроение у нее было великолепное. Она приготовила лазанью из найденных на кухне припасов, открыла бутылку красного вина, с удовольствием поела, чувствуя, что аппетит разыгрался не на шутку, вымыла посуду, затем, подумав, быстро протерла в доме пол, нашла и повесила в спальне новые шторы, предварительно вымыв закопченное окно, и, как могла, постаралась ликвидировать следы ночного происшествия.

Как это ни странно, спальня пострадала не сильно. Светлые пастельные обои не закоптились, натяжной потолок лишь у самого окна был покрыт грязными черными разводами, но в целом комната выглядела вполне пристойно.

Довольная результатами своих трудов, Вася быстро приняла душ, снова захотела есть, соорудила себе огромный бутерброд с сыром и, бросив взгляд на часы, с удовлетворением отметила, что уже шесть вечера. По ее расчетам, Вальтера оставалось ждать часа два, максимум три.

Во дворе по-прежнему было тихо, поэтому она налила в высокий пузатый бокал еще вина и снова устроилась на крыльце, решив, что всегда успеет заскочить в дом, если это вдруг понадобится.

Стук в калитку застал ее врасплох. Она судорожно дернулась, облилась вином, вскочила со ступенек и замерла на крылечке, готовая в любую секунду обратиться в бегство. Стук повторился, теперь он был более настойчив.

– Эй, кто-нибудь дома? Хозяева, ау... – послышался незнакомый ей мужской голос.

– Кто там? – крикнула она раньше, чем сообразила, что лучше бы было не отвечать вообще.

– Мне нужно поговорить с хозяином дома. Я приехал к Вальтеру Битнеру. Меня зовут Гурам Анзорович Багратишвили.

– Сейчас, – закричала Вася и со всех ног бросилась к воротам. – Сейчас, не уходите, я вам открою. Вы ведь отец Вахтанга, да?

– Да, я отец Вахтанга, – сказал ей полный мужчина в стильных позолоченных очках, когда она, повозившись с замком, отворила калитку. – А откуда вы знаете, то есть знали, – он помрачнел, – моего сына?

– Видите ли, я была его знакомой, – сообщила Вася. – И это я из окна поезда увидела его тело в лесу и сообщила в полицию. Ну, то есть не в полицию. Но это не важно. Вы проходите, пожалуйста, Вальтера нет дома, но он скоро будет.

– А как вас зовут, милое дитя? – Багратишвили вдруг улыбнулся. Стоящая перед ним девушка была похожа на маленькую взъерошенную птичку. Пожалуй, воробья.

– Меня зовут Василиса Истомина, – представилась Вася, и он, услышав ее имя, вдруг пошатнулся и, возможно, упал бы, не подхвати она его под руку.

– Как вы сказали? – прошептал он. – Василиса Истомина? То есть дочь Анны?

– Ну да, – сказала слегка сбитая с толку Вася. – Я понимаю, что это странное стечение обстоятельств, при котором я, Вахтанг и Вальтер сошлись в одной точке, но честное слово, еще совсем недавно я и понятия не имела, что наши семьи были знакомы.

– Это судьба, – пробормотал Гурам и все-таки вошел во двор, позволив Васе быстро запереть калитку. – Я ехал сюда, на место, где у меня убили сына. А встретил вас, дочь Анны. Если бы вы знали, как я виноват перед ней!

Несмотря на прохладный вечер, на лбу у него выступили бисеринки пота. Васе вдруг стало его жаль.

– Пойдемте в дом, – сказала она и снова взяла его под руку. – Пока не приехал Вальтер, я напою вас чаем, и вы мне все расскажете, хорошо? Про вас и про мою маму.

– Машина, – пробормотал вдруг гость. – Мне бы машину загнать во двор.

– Я не умею открывать ворота, – честно призналась Вася. – Вальтер приедет и все организует. Тут тихо, дом на отшибе стоит, так что ничего вашей машине не угрожает.

– Хорошо, – он устало провел рукой по лбу, как будто отгоняя какие-то тягостные воспоминания, и, не оглядываясь по сторонам, прошел за Василисой в дом.

Она вскипятила чайник, заварила свежего чаю, разлила его в две большие, тяжелые, явно привезенные из Германии чашки и со стуком поставила на дубовый стол на кухне. От этого стука гость вздрогнул и заозирался по сторонам. До этой минуты он как будто не осознавал, где находится, и не проявлял к жилищу никакого интереса.

– Красивый дом, – сказал он вдруг.

– Да, красивый, – согласилась Вася и села на стул напротив Багратишвили. – Гурам Анзорович, расскажите мне все. Почему вы говорите, что виноваты перед моей мамой?

Заметно волнуясь, и то и дело прихлебывая чай, чтобы смягчить горло, Гурам рассказывал сидящей перед ним Василисе о событиях тридцатилетней давности. Он не собирался ничего приукрашивать, поэтому, не жалея себя, признался в совершенном им изнасиловании. Василиса тихо вскрикнула.

– Тогда это было так естественно, как дышать! – воскликнул Гурам. – Но все годы после этого я не мог вспоминать о том, что сделал, без чувства острого стыда. Я в тот момент как будто зарезал лань. Ручную доверчивую лань, которая привыкла есть хлеб с моей ладони, беря его прохладными губами. А я в очередной раз подпустил ее поближе и полоснул ножом по незащитному горлу. Вот так я это вспоминаю.

– Да. Именно так это и выглядело, – раздался жесткий голос от двери, и Василиса, замороженная страшным рассказом, даже подпрыгнула. В дверях кухни стоял Вальтер, но ни она, ни Гурам не слышали ни шуршания шин во дворе, ни шагов в холле. – Здравствуй, Васенька. А вы, как я понимаю, Гурам Багратишвили? Сын дяди Анзора?

– Да. Я приехал к вам, молодой человек. Мне обязательно нужно было с вами переговорить. Видите ли, я знаю, почему убили Вахтанга, и...

– Его убили, чтобы завладеть древними монетами с изображением Петра Второго на аверсе.

– Вы уже это знаете? Откуда? Ведь, насколько я понимаю, Буба, я так звал сына, не успел встретиться с вами?

– Не успел, – согласился Вальтер. – Но Василиса нашла в лесу одну такую монету, и мы смогли связать концы с концами. Мы оба с детства знаем историю клада Багратиона.

– Ну да. Вы только не знаете, что много лет мой отец намеревался отдать треть клада – десять монет – твоему, мальчик, отцу. Он никак не мог собраться, потом заболел и перед смертью взял с меня слово, что это сделаю я. Это было его последнее желание, но я так и не выполнил его, хотя обещал. – Плечи его поникли.

– Отчего же? – насмешливо спросил Вальтер. – Жаба задавила?

– Нет, я никогда не был жаден. Просто после истории с Анной мы с твоим отцом, мальчик, не могли видеть друг друга. Вначале я не мог заставить себя к нему пойти, а потом стало уже поздно. Твоего отца уже не было.

У Василисы сдавило горло. Вальтер, оказывается, потерял отца, которого, судя по всему, очень любил. Ей вдруг стало грустно, что она не сможет познакомиться с этим удивительным человеком.

– И вы никогда не связывались с папой? – спросил Вальтер.

– Нет. Только году примерно в восемьдесят девятом я получил от него письмо. Это было неожиданно, я терялся в догадках, что именно он хочет мне сообщить, и очень волновался, вскрывая конверт.

– И что там было?

– Твой отец писал, что собирается покинуть Ленинград и должен сказать мне, что у Анны есть дочь. Что это будет честно и справедливо – сказать правду, от которой Анна, может быть, будет счастлива. Он писал, что ездил в Константиновское, где и узнал про ребенка. Он был уверен, что ребенок мой.

– Он имел в виду меня? – Василиса не верила собственным ушам.

– Да, – Гурам покраснел, стекла его очков запотели. – Я не понял, что он имеет в виду, сразу написал Анне, но она не ответила, как и до этого не отвечала на мои письма. Тогда я написал ее матери, Марусе, как ее всегда звал мой отец. Я написал, что глубоко сожалею, что обидел Анну, что хочу извиниться за все вольное и невольное зло, которое ей причинил, и что хочу знать, правда ли, что Анна родила дочь, и не мой ли это ребенок.

– И что же? – Василиса вдруг обхватила себя за плечи, чувствуя, что замерзла. Мысль, что стоящий перед ней мужчина, обрюзгший, жалкий, раздавленный горем, – ее отец, была ей неприятна. А уж

известие, что Вахтанг, с которым она два года встречалась и год прожила, как гражданская жена, оказался ее единокровным братом, и вовсе казалось невыносимым. Василису даже замутило от чувства острой гадливости.

– Твоя бабушка ответила, что ребенок есть, что отцовство совершенно точно установлено, что Анна не держит на меня зла, хотя видеть по-прежнему не хочет. А жизнь сложилась так, как сложилась, и пусть я больше их не тревожу. Я начал переводить деньги, но все переводы возвращались обратно. Тогда я предпочел забыть эту историю.

– Вы забыли, что у изнасилованной вами женщины родилась дочь?

– Не суди, девочка. Та история здорово меня поломала. Я не сразу восстановил имя в науке, хотя ушел в нее с головой. Жена меня простила, так что семью я сохранил. Сына вырастил. Но наказание неминуемо. Оно всегда, рано или поздно, настигает того, кто виноват. Я совершил подлость...

– Преступление, – поправил Вальтер.

– Хорошо. Преступление. И взамен судьба у меня забрала сына. Да еще, как в насмешку, так получилось, что его тело нашла именно ты. Его сестра.

Всхлипнув, Василиса бросилась вон из комнаты. Вихрем взлетев на второй этаж, она заперлась в ванной комнате, содрала с себя одежду и залезла под душ. Горячие струи били по ее телу, она судорожно терла себя мочалкой, обильно политой гелем для душа, как будто хотела содрать с себя кожу, а вместе с ней – воспоминания о кровосмесительной связи, в которой она, не ведая того, состояла. Ванная комната постепенно заволакивалась горячим паром. Зеркало, прикрепленное к кафельной стене, перестало отображать зареванное Васино лицо, она делала воду то нестерпимо горячей, то холодной, то снова горячей. Ей не хотелось выходить наружу, спускаться на первый этаж, где сидел ее отец.

– Господи, я так мечтала когда-нибудь познакомиться с человеком, от которого появилась на свет! – Соленые слезы смешивались с потоками воды. – Ну почему, почему все оказалось так? Гнусно, страшно, непоправимо! Ну почему, господи?

Когда она, собравшись с силами, вернулась на кухню, Гурама уже не было.

– Я его отправил домой, – сказал Вальтер. – Решил, что не нужно тебе больше смотреть на его гнусную рожу.

– Он хотел поговорить о смерти Вахтанга.

– Мы все равно ничего не знаем, – Вальтер пожал плечами. – Нет ничего хуже, чем делиться с другими людьми своими неоформившимися подозрениями. Придет время, и он все узнает.

– Вальтер, почему мама никогда мне про все это не рассказывала?

– А чем тут гордиться? Потому и не рассказывала. Васенька, я понимаю, тебе грустно от того, что у тебя такой отец, что ты родилась в результате насилия. Но поверь, мне тоже очень грустно. Я знаю, что мой отец в результате этой истории прожил несчастливую жизнь. Он любил женщину, которая стала добычей другого. Родила этому другому ребенка и оказалась потеряна для него навсегда. Может быть, ты мне не поверишь, но я-то знаю точно. Отец так и не смог смириться с этой утратой.

– А он пытался вернуть маму?

– Пытался. Он ездил в Константиновское, где вы жили. Анну дома не застал. Она жила где-то в другом месте, он решил, что с Гурамом, хотя теперь мы знаем, что это не так. Он видел тебя, ты жила с бабушкой.

– Мама на несколько лет уезжала в Вологду, в медучилище. Она же из-за этого чудовища бросила институт, а работать в медицине все равно хотела. Поэтому, когда мне исполнился год, она уехала учиться, а я осталась с бабушкой Марусей.

– Этого она отцу не сказала. Только что Анна успокоилась после той истории и счастлива, так что не надо беречь прошлое.

– Бабушка взяла на себя смелость решать за маму, – задумчиво сказала Вася. – Мне кажется, это неправильно.

– При прощании она совершила странный поступок: срезала у отца ножницами прядь волос. Он все думал зачем. А теперь, после рассказа Гурама, я понимаю, что она, наверное, сделала генетическую экспертизу, которая и показала, что ты дочь Гурама, а не моего отца.

– Ты знаешь, может, это звучит странно при нынешних обстоятельствах, но я этому рада, – слабо улыбнулась Анна. – У меня живот сводит от одной мысли, что два года я спала с собственным

братом. Это очень противное ощущение. Но если бы этим братом оказался ты, я бы этого просто не пережила.

– Должен тебе сказать... – начал Вальтер, но его перебил телефонный звонок.

– Слушаю, Михалыч, – это наш участковый, – пояснил он Васе, зажав микрофон ладонью. – Дома я. Полтора часа назад приехал. Что? Что ты сказал? Где? Я сейчас приду. Приду сейчас, я сказал. Есть разговор.

Отключившись, он мрачно посмотрел на Василису.

– Что? – одними губами, беззвучно спросила она.

– На другом конце деревни найден Гурам Багратишвили.

– Живой? – холодея, спросила Вася.

– Нет. Убит ударом топора по голове. Так же, как его сын. Его нашли возле его собственной машины. Двигатель заведен, дверь открыта, а он на дороге с раскроенной головой. Вот такие дела. Пойду, надо рассказать, что он к нам приезжал.

– Ты знаешь... – голос у Васи дрожал. – Наверное, будет не очень понятно, что я хочу сказать. Полчаса назад я думала о том, что всегда мечтала узнать, кто мой отец. Но известие о том, что это Гурам, меня не обрадовало. Он мне не понравился. Но найдя его, я тут же его потеряла. И это мне тоже не нравится. И я была последней, кто видел его перед смертью. Вальтер, я как черная метка, приношу семье Багратишвили одни несчастья!

– Ну, положим, последним, кто его видел, была не ты, а я. – Вальтер обнял ее, и она, дрожа, уткнулась ему в плечо. – Точнее, нет. Последним, кто его видел, был убийца. И несчастья приносит именно он. Думаю, что пора уже положить этому конец.

Глава 16. Тайное становится явным

Кто тебе настоящий друг, узнаешь, когда попадешь в скандал.

Элизабет Тейлор

Наши дни

Минувшую ночь Вася снова провела в комнатке для гостей. Вернее, сначала она вместе с Вальтером отправилась на другой конец деревни, где уже работала следственная группа. Тело Гурама Багратишвили еще не увезли. Накрытое белой простыней, оно по-прежнему лежало на обочине дороги, неподалеку от брошенной машины. Вальтер говорил сначала с участковым, а потом с приехавшими из Сергиева Посада сотрудниками уголовного розыска, ни на минуту не выпуская Василису из поля зрения. Затем она тоже старательно рассказала все, что знает.

– Следствие свое ведете, значит, – хмуро отметил усталый, небритый капитан. – Я бы на месте своих коллег из вашего, девушка, города выпорол бы вас хорошенько. Чтобы под ногами не путались. Господи, – он схватил себя за корни волос, сильно дернул, так, что даже кожа на кромке лба покраснела, – ну что эти двое сюда поперлись-то?! Сначала сын, теперь вот папаша. Жили себе, горя не знали, и на тебе, двойное убийство!

– Мы же вам объясняем, – нетерпеливо воскликнула Вася. – Вахтанг Багратишвили поехал к Вальтеру, – она кивнула в сторону неподвижно стоящего Битнера, – чтобы передать ему старинные монеты. А его отец приехал, чтобы разузнать что-нибудь, проливающее свет на гибель сына.

– Разузнал, – с отвращением кивнул капитан. – Теперь на том свете обсудят. В мельчайших деталях. Убери ты ее отсюда, – это уже относилось к Вальтеру, – а то, не ровен час, следующий трупешник ее будет! Убийца-то у нас человек основательный.

– Уберу, – заверил Вальтер. – Завтра же. С утречка проснемся, и я ее лично на поезд отвезу. Правда, не дело.

– Подождите, – Вася потерла лоб, пытаясь поймать за кончик неясную, ускользающую, но очень важную мысль. – Подождите! – Все с недоумением уставились на нее.

– Гурам Анзорович, – она немного споткнулась на имени отца, но быстро овладела собой, – он же тут, в Авдеево, никого не знал. Не мог знать. Он никогда тут не был. И с Вахтангом они в последнее время виделись нечасто. По крайней мере, в наш город он впервые приехал только на похороны. От нас он уехал, собираясь домой, в Питер. Он не мог заехать куда-то еще, потому что ему не к кому было заезжать. Он просто ехал по дороге, понимаете?

– Если честно, не очень, – признал капитан, но Вальтер тронул его за рукав, чтобы не мешал.

– Ну вот представьте. Вы едете в машине по ночной дороге после неприятного, тяжелого разговора, который вас расстроил. Зачем вы будете останавливаться? Ведь он же остановился и вышел из машины, вернее, даже не вышел, а выскочил. Что его заставило?

– Почему именно выскочил?

– Потому что он не заглушил мотор и не закрыл дверцу! – горячо сказала Вася. – Если бы он остановился, потому что его попросили подвезти, то не покидал бы салона. Если бы вышел для разговора, то выключил бы зажигание и закрыл дверь.

– А ведь она права, – медленно сказал Вальтер. – Ай да Вася! Посмотри, капитан, как машина брошена. Посредине дороги. Он не парковался. Он выскочил наружу, потому что кого-то или что-то увидел.

– Преступник мог его выманить, – неуверенно сказал капитан, – к примеру, разлечься посреди дороги. И покойник, то есть в то время он еще не был покойником, вышел, чтобы посмотреть, что случилось. Тут-то его и ударили топором.

– Не сходится, – Вася покачала головой. – Никто не знал, что он у нас, поэтому никто не мог его ждать на дороге, заранее приготовившись к убийству. Я думаю, все было иначе. Он ехал, а навстречу ему кто-то шел. И он этого человека узнал. И выскочил из машины, чтобы окликнуть. А убийце эта встреча была совсем не нужна. Она выдавала его с головой, поэтому он Гурама Анзоровича сразу и убил.

– То есть кто-то гулял в ночное время по деревенской дороге с топором в руках? – язвительно спросил капитан.

– Во-первых, вон, под простыней, доказательство, что да, – спокойно ответил Вальтер. – А во-вторых, этот человек не гулял, он шел к моему дому, чтобы выманить на улицу Васю и убить ее. Я вернулся внезапно. Меня не должно было быть до следующего вечера.

– И кто про это знал?

– Я специально, выезжая из Питера, позвонил Наталье Игнатьевне Волоховой, чтобы сказать, что меня еще сутки не будет. А сам поехал, чтобы посмотреть, что получится. Но приезд Гурама спутал все карты. И мне, и убийце.

– Еще один Пинкертон, мать вашу! – выругался капитан. – Вы бы так налоги платили, как за полицию работаете.

– Я плачу налоги, – ровным голосом сообщил Вальтер. – В общем, скорее всего, Вася права. Убийца встретил Гурама совершенно случайно и прошел бы мимо, к моему дому, и мы бы его уже поймали, если бы Гурам через стекло автомобиля его или ее не узнал.

– Он мог знать Волохову? – дрожащим голосом спросила Вася, которую начала бить дрожь от мысли, что на нее была объявлена охота.

– Не знаю, – честно сказал Битнер. – Они оба много лет жили в Питере.

– Ладно, разберемся, – капитан снова уныло крикнул. – А ты, парень, завтра с утра пораньше бери ее в охапку и увози отсюда. Охрану к ней не приставить, и так работать некому, но дожидаться удара топором тоже не следует. У нас преступник видишь какой основательный.

Василиса не стала спорить. Больше всего на свете ей хотелось оказаться дома. Рассказать маме все, что она узнала от Вальтера и Гурама, обсудить дела давно минувших дней, поплакать вместе и жить дальше. Она знала, что никогда не сможет забыть те события, которым стала невольной свидетельницей. Ей было жаль Вахтанга и жаль Гурама, однако она была благодарна судьбе за то, что, несмотря на всю трагичность произошедшего, узнала тайну своего рождения, а главное – встретила Вальтера. Сулит ли эта встреча радость до конца жизни или горькое разочарование? Это ей пока было неизвестно, но сейчас этот человек находился рядом. Надежный, умный, основательный,

смотрящий на нее ласковым внимательным взглядом светлых, как небо при восходе солнца, глаз, и она была счастлива.

За бурными событиями вечера и ночи Битнер не успел вставить в спальне целое стекло взамен разбитого, поэтому она и осталась ночевать в гостевой комнате, а он постелил себе на кожаном диване в гостиной. Накануне отъезда домой это было совсем некстати, но Василиса постеснялась навязываться, понимая, что после долгой дороги за рулем, а затем кошмарных ночных событий он, наверное, устал и хочет выспаться.

«Ничего, жизнь длинная. Мы еще успеем побыть вместе», – сказала она сама себе, пытаясь подавить разочарование, и тут же провалилась в сон.

Проснувшись, она быстро оделась и вышла на кухню, залитую утренним солнцем. Ночью шел дождь, с улицы пахло свежестью, день обещал быть нежарким. Вальтера, как выяснилось, не было дома. На столе стояла тарелка с испеченными им оладьями, чему Вася мимолетно улыбнулась, и лежала записка. «Пошел к деду Михею за стеклом. Скоро буду. Никуда не ходи. Выезжаем в одиннадцать. Собери вещи», – гласила она.

Часы показывали десять. Василиса с удовольствием отведала оладий со стоящим на столе свежим медом. Выпила большую кружку кофе. Быстро собрала свою дорожную сумку и снова посмотрела на часы. Было без двадцати одиннадцать, и она решила, что вполне успеет добежать до тети Ангелины попрощаться. В конце концов квартирная хозяйка была добра к ней, и уезжать, не сказав «спасибо» и «до свидания», было как минимум невежливо. Портить отношения с жителями Авдеево Вася не хотела. Она знала, что еще обязательно вернется сюда, когда история с убийством окажется позади. Вернее, что будет приезжать сюда часто-часто. И жить в большом, похожем на скалистый утес деревянном доме Вальтера, отгороженном от всего света высоким забором.

Сполоснув чашку, Вася зашнуровала кроссовки и выбежала на улицу. На середине пути ей вдруг стало страшно. Вальтер велел ей никуда не уходить, а она нарушила запрет, да еще и шла в дом, соседний с жилищем Волоховой.

– Ладно, Ангелина, в случае чего, не даст меня в обиду, – решила она. – Не поворачивать же обратно. В конце концов удаленную

битнеровскую улочку, на которой никого не было, я уже прошла. А на центральной улице вон людей сколько. Тут мне точно ничего не угрожает.

Людей вокруг действительно было довольно много. У магазина, к примеру, собралась довольно большая толпа. Судя по обрывкам разговора, люди обсуждали ночное происшествие. Увидев Васю, все они, как по команде, замолчали и повернули голову в ее сторону. Василисе сразу же стало неуютно.

«Подумайте, какие мы стали нежные! – фыркнула она себе под нос. – Как будто я и не в деревне выросла. Деревенских повадок не знаю».

Свернув в знакомый проулок, она толкнула калитку, вошла в Ангелинин двор и поднялась на крылечко. Дверь была отперта, но в доме никого не оказалось.

– Ау, тетя Ангелина! Есть кто-нибудь? – позвала Вася и, пригнувшись, чтобы не стукнуться о притолоку, вошла в кухню, где на столе лежал накрытый полотенцем свежий пирог, но не было ни души.

По узкому коридорчику Вася прошла в комнату, которую снимала. Там, на незастеленной кровати, стояла большая спортивная сумка, из которой торчали какие-то вещи.

«Кому-то еще Ангелина комнату сдала, – догадалась Вася. И тут же встревожилась. – Интересно, кто это сюда, в глушь, приехал и когда? Может быть, это именно тот человек, которого и узнал Гурам на ночной дороге?»

Вася притворила дверь и прошла в горницу. В прикрытое светлой кружевной занавеской оконце увидела соседский двор. Из дверей своего дома выходила Наталья Волохова. Внимательно посмотрев за забор, в сторону дома Ангелины, она решительно направилась к калитке. Вася инстинктивно отпрянула от окна и вдруг заметила, что в правой руке Наталья Игнатьевна держит топор.

Сердце совершило кульбит и ухнуло куда-то в пятки. Она поняла, что ее проникновение в дом не осталось незамеченным и теперь Волохова идет ее убивать. Спасаться бегством было поздно. Вася заметалась по маленькой комнатке в поисках хотя бы какого-то оружия, которым могла бы попробовать защититься, и тут вспомнила, что из верхнего ящика буфета, стоящего у стены, ее квартирная хозяйка как-то доставала большие портновские ножницы. Одним

прыжком, уже слыша звук открывающейся двери, она прыгнула к буфету, вытасила несмазанный, заедающий ящик, сунула в него руку, чтобы нашарить спасительные ножницы, и замерла. Ее пальцы наткнулись на что-то круглое. Заглянув в ящик, Василиса увидела россыпь серебряных монет. На нее смотрел знакомый с детства гордый профиль Петра Второго.

– Тебя что, не учили, что по чужим шкафам лазать неприлично? – услышала она знакомый голос и подняла глаза. Перед ней стояла Ангелина, а за ее спиной – Катька, реквизиторша из областного драмтеатра, вздох рассказывавшая Васе про Вахтанга, его жену, любовниц и внебрачного ребенка.

– Привет, Васька, – небрежно бросила Катерина. – Что смотришь? Удивлена? Это мамка моя. Я к мамке приехала.

– Ты дочь тети Ангелины? Та самая, что хотела за Вальтера замуж выйти? – глупо спросила Василиса, как будто именно это сейчас было самое важное.

– Да в гробу я видала эту немецкую сволочь! – Глаза Катерины вдруг полыхнули огнем ненависти, Вася даже отшатнулась, чтобы ненароком не опалило. – Не ровня я ему, видите ли. Подумаешь, цаца какая. Я вот только понять не могу, почему и он, и Вахтанг мне тебя предпочли. В тебе ведь ни кожи ни рожи. Плюнуть не на что, плоскодонка. – И она с удовольствием оглядела свой пышный бюст.

– А у тебя и с Вахтангом роман был? – догадалась вдруг Вася. – И он ради меня тебя бросил, что ли?

– Ничего он меня не бросал. Он с нами спал с обеими одновременно. Я ж за ним из города в город ездила, как пришитая.

– Зачем? От большой любви, что ли?

– Какой любви! Тю, малахольная, – она выразительно посмотрела на мать. – Знала я, что монеты у него ценные есть. Вон, от маманьки знала. И все надеялась, что они как-то мне перепадут. А он про них молчал, зараза.

– А вы откуда знали про монеты? – Вася перевела взгляд на Ангелину. Та недобро усмехнулась.

– Ну, так-то ты про это рассказать уже никому не успеешь, так что могу твое любопытство потешить на прощание. Катька, бери белье и беги на реку, чтобы тебя как можно больше народу видело. Ты тут ни при чем. Всем, кого увидишь, говори, что мать в лес по чернику ушла

поутру. Так оно и было, туес с черникой у меня в бане припрятан, так что я, как с тобой управлюсь, его возьму, задами пройду, на улице всем покажусь и тело твое и найду. Ой, как же я убиваться-то буду по тебе, по касаточке!

– Вы сумасшедшая? – спросила Вася, краем глаза видя, как Катька послушно берет таз с мокрым бельем, надевает резиновые ботики, стоящие у входа и, стрельнув в нее глазами, выходит из дома. – Вам доставляет наслаждение людей убивать?

– Что ж я, нелюдь какой? – возразила Ангелина. – Не доставляет, конечно, но куда же деваться, коли ты все разузнала? Мне в тюрьму неохота. А шанс все исправить у меня еще есть.

Глядя Василисе прямо в глаза, как удав смотрит на кролика (гипнотизирует, подумалось вдруг Васе, которой почему-то было совсем не страшно), она медленно и с видимым удовольствием рассказывала ей историю своего преступления.

Ангелина была той самой медсестрой, которая подслушала предсмертный разговор Анзора Багратишвили с сыном Гурамом. Она знала, что в их доме хранятся ценные монеты, что половина предназначена Адольфу Битнеру, но понятия не имела, что с этим знанием делать.

Со временем она все реже вспоминала эту историю и задумалась о монетах лишь после того, как ее дочка Катенька с гордостью рассказала о своем новом романе – со студентом-режиссером Вахтангом Багратишвили, пришедшим в театр, где она работала, на практику.

Вахтанг был чуть младше Катерины, но не остался равнодушен к ее буйным прелестям и разнузданному темпераменту.

– Ты его, доча, непусти, – посоветовала ей мать. – У него в семье большие ценности имеются. Клад Багратиона. Наследственный. Будешь всю жизнь как у Христа за пазухой.

Катька старалась изо всех сил, но вести ее под венец Вахтанг не торопился, а затем неожиданно женился на бледной и тощей Нине Веденеевой, вцепившейся в него мертвой хваткой. Мать Вахтанга, тоже Нина, почему-то увидела в совпадении имен знак судьбы, невестку приняла благосклонно и брак сына всячески оберегала от распада, несмотря на то что он оказался бездетным.

К Нине Вахтанг быстро охладел, продолжал встречаться с Катькой, не брезговал и другими женщинами, а затем уехал по распределению в маленький провинциальный театр. Верная жена последовала за ним. И неверная, но надеющаяся оторвать свой куш Катерина тоже отправилась следом.

В областной театр драмы, расположенный в городе, где жила Василиса, она тоже приехала вместе с Вахтангом. Нина, которой надоели вечные измены мужа, осталась на прежнем месте, и в душе у Катьки вновь распустились цветы надежды. Вахтанг проводил с ней много времени, но тут судьба-злодейка подсунула ему Василису, с которой он сначала просто встречался, а потом и вовсе съехался.

Катька затаила злобу. В первую очередь ее бесила тощая выскочка-докторица, взявшаяся невесть откуда и легким мановением руки вытащившая рыбку, которую Катерина прикармливала много лет. Правда, вскоре в город приехала простившая мужа Нина, ненавистная докторша осталась с носом, и Катька корчилась от смеха, видя, как та страдает. Она специально подкарауливала Василису, чтобы рассказать детали очередного романа Вахтанга. Ей нравилось наблюдать, как плещется в глубине чужой души кислота отчаяния и ревности. В эти минуты она чувствовала себя победительницей.

Ее собственный роман с режиссером то затихал, то разгорался с новой силой. Про клад, о котором ей давным-давно рассказывала мать, она и думать забыла. Но однажды, войдя в кабинет Вахтанга, она обнаружила его сидящим за столом и разглядывающим серебряную монету, которую он задумчиво крутил в пальцах.

– Что это? – как можно непосредственнее спросила Катерина.

– Это клад Багратиона, – ответил он, притянул ее к себе и усадил на ручку своего кресла. – Это мое наследное богатство, бережно сохраненное предками и передаваемое из поколения в поколение. Когда-то в моей семье хранилось тридцать таких монет.

– А сейчас?

– А сейчас двадцать, но десять из них уже много лет не наши. Мой дед принял решение отдать их потомкам одного человека, который в годы войны и после нее помог нашей семье сохранить этот клад.

– Тогда почему монеты до сих пор у тебя?

– Ой, это длинная история, – Вахтанг легко погладил ее по груди, встал из-за стола и прошелся по комнате. – Дело в том, что наши семьи много лет враждуют. На следующем после дедов поколении что-то сломалось, отцы рассорились, а потому монеты так и остались непередаанными. Моего отца это много лет мучает, вот он и попросил меня найти сына того человека, с которым он разругался, и все-таки вернуть ему монеты.

– Нашел? – затаив дыхание спросила Катька.

– Да, живет в деревне Авдеево. Это под Москвой, недалеко от Сергиева Посада. Вот, надо бы туда выбраться как-нибудь.

– Так у меня же там мама живет! – не веря своим ушам, воскликнула Катя. – Хочешь, я ее попрошу найти этого человека и договориться с ним о вашей встрече? Как его зовут?

– Мама? Ты же из Питера, – в свою очередь, удивился Вахтанг.

– Ой, ну мама родом из тех мест. На пенсию туда вернулась. Это не важно. Она там всех-всех знает.

– Ну, тогда, если вам обоим нетрудно, помогите мне найти этого человека. У него запоминающееся имя, так что вы не можете его не знать, раз местные. Его зовут Вальтер Адольфович Битнер.

– Валера? – Катя испуганно захлопнула рот. – То есть я хотела сказать, что, конечно, мы с мамой знаем Битнера. Та еще сволочь, скажу я тебе. Не удивлена, что твой отец с ним в ссоре. Но мы тебе поможем. А монеты эти сколько стоят?

– Дорого, Катька, – он снова засмеялся, видя блеск в ее глазах. – Десять монет где-то миллионов на пять сейчас потянут, а может, и дороже.

– И не жалко тебе такое богатство в чужие руки отдавать? – поинтересовалась Катерина, как завороченная глядя на блестящую монету, которую Вальтер оставил на гладкой поверхности стола.

– Жалко не жалко. Вопрос чести это, Катька. Дед такое решение принял, а отец ему пообещал. Перед смертью деда пообещал. Типа клятвы умирающему это, Катька.

Через несколько дней схема идеального преступления была продумана в деталях. Ангелина от имени Вальтера написала Вахтангу письмо с приглашением приехать в гости в его дом в Авдеево. Специально был выбран именно тот день, когда Битнера не было в стране. Это Ангелина заранее выяснила у Натальи Волоховой.

Вахтанга она поджидала у дома Вальтера. Сообщила, что хозяин задерживается и предложила переночевать в гостевом домике, якобы расположенном в лесу. Там она и совершила убийство, ударив ничего не подозревающего гостя топором по голове. После этого она обыскала его небольшую сумку, нашла монеты, о которых мечтала не один десяток лет, а затем, никем не замеченная, вернулась домой.

Ангелина была уверена, что ее никто не заподозрит. Между ней и Вахтангом не было никакой связи. О том, что Катерина ездит к матери именно в Авдеево, в театре никто не знал, потому что дочка любила представляться питерской «штучкой», а о деревенском происхождении матери даже не заикалась. При любом разбирательстве полиция однозначно выходила на след Вальтера Битнера и никого, кроме него.

– Все бы получилось, если бы тебя сюда не принесло, – мрачно сказала Ангелина, с ненавистью глядя на Василису. – Ты начала землю рыть, прошлое выяснять. Если бы не ты, ни Битнер, ни Волохова и не подумали бы искать следы случившегося преступления в прошлом. Валерка-то никогда про Вахтанга этого слыхом не слыхивал.

– Ну а Гурама вы зачем убили?

– Да нужен он мне был больно! Да вот в недобрую минуту я ему на дороге попалась. Я как раз к Валеркиному дому шла, думала посмотреть, не одна ли ты там, красавица моя шустрая. А тут он навстречу. Меня фары осветили, я повернулась вслед посмотреть, что это за машина такая, и, видать, жест-то был аккурат такой, как я тогда в больничном коридоре повернулась, когда папаша его помирал. В общем, узнал он меня и быстро свел воедино – что и про клад я тогда слышать могла, когда отец его к праотцам отправлялся, и здесь не просто оказалась. Выскочил из машины, схватил меня за плечи да как заорет: признавайся, мол, это ты на Бубу убийц навела! В общем, тюкнула я его по голове. Да и огородами домой вернулась. Катька уже приехала, так что могла подтвердить, что я весь вечер и всю ночь из дома не выходила.

– То есть вам обоим так легко лишить человека жизни? – с горечью спросила Вася. – И вашу дочь не пугает, что вы уже двух человек убили?

– Ну, она, когда про Вахтанга узнала, не рада была, что и говорить. Она ж думала, я его опою снотворным да монеты и скраду по-тихому. Но мне нужно было, чтобы комар носа не подточил. Он бы

быстро смекнул, кто денежки увел. Да и знал он, что я Катькина мать. Вычислил бы нас на раз. А так – нет человека, нет проблем. И тебя сейчас не будет.

– Вы ж тут от кровищи ничего не отмоете, – мрачно сказала Вася. – Тут же не улица. В половые щели зальется, и никогда от улик не избавитесь.

– Да что ж я, дура, тебя в доме порешить? – удивилась Ангелина. – Сейчас я тебя оглоушу, тихонько в лес на тележке отвезу, а там уж и закопаю. Ты ж уехать собиралась, вот, значит, и уехала.

Краем глаза Вася заметила, что входная дверь за спиной Ангелины начинает тихонько приоткрываться. Щель была еще чуть заметной. Видимо, стоящий за дверью человек очень старался, чтобы она не скрипнула. Василиса постаралась не изменить выражения лица и глаз, чтобы не выдать входящего.

– И что, неужели вы верите, что останетесь безнаказанной? – спросила она, чтобы отвлечь Ангелину. – Так ведь не бывает.

– Да брось ты. Все бывает, – Ангелина засмеялась неприятным скрипучим смехом. – У нас власть миллионами ворует, тысячами убивает, и ничего. Все сходит с рук. А нам, простым людям, за лишней копеечкой погнавшимся, сразу в аду гореть? Не-е-ет. Не будет этого.

– Лишнюю копейку зарабатывают, а не разбойничают, – устало сказала Вася. Она уже видела, что человек, вошедший в комнату, это Наталья Волохова, и испытала острое разочарование. Пожилая женщина вряд ли могла справиться с озверевшей от запаха близкой крови Ангелиной.

Соседка сделала еще несколько шагов, предательски скрипнула половица под ее ногами, Ангелина резко обернулась на звук и тут же упала как подкошенная, получив удар обухом топора по голове.

– Мама! – взвизгнула Василиса и отпрыгнула в сторону. Волохова, присев, подняла Ангелине веко, проверила, что она без сознания, и перевела взгляд на Васю.

– Что мама? – спросила она. – Не бойся, не убила я ее, оглушила только. Тащи бельевую веревку со двора, будем ей руки вязать, пока не очнулась.

– Не надо веревку! – Дверь распахнулась, и в дом ввалилась толпа народу, среди которой Вася краем глаза заметила авдеевского участкового, взлохмаченного майора Бунина, взявшегося невесть

откуда, еще каких-то людей в форме. Она видела только Вальтера и никого, кроме Вальтера. Тяжело дыша, он бросился к ней, подхватил на руки и прижал к себе.

– Цела? Я ж чуть с ума не сошел, когда обнаружил, что тебя дома нет! Думаю, куда ты могла деться? Бросились мы с ребятами тебя искать. Люди у магазина и сказали, что ты к Ангелине пошла. Вот честное слово, я думал, что Иван Александрович меня убьет, что я за тобой не уследил! А я бежал и думал, что, если с тобой что случится, я тоже жить не смогу.

– Наталье Игнатьевне спасибо, – сказала Вася и тихо заплакала. – Она меня спасла, хотя и вы уже близко были, но кто знает, как бы Ангелина себя повела. Она ж как раненый зверь, уже не осознавала, по-моему, что делала.

– Вся семья у них такая была. Гнилая! – с нажимом сказала Волохова. – Как ее мать моего отца до тюрьмы и смерти довела, я вам рассказывала. А Гелька – вылитая Клавка в молодости. Жадная, распутная, злая. Ей ради собственной выгоды человека убить ничего не стоило. Я это всегда знала.

Часа через два суматоха улеглась. Ангелину и Катюку увезли в отделение, снимать показания, взбаламученная волнениями последних недель деревня потихоньку успокаивалась, люди расходились по домам.

– Давайте я вас на машине домой захвачу, – предложил Бунин Василисе. – Вы же собирались сегодня ехать.

– Не знаю, – Вася даже растерялась. – Теперь же опасность позади. Может, я бы осталась? Хотя мне на работу через два дня...

– Поезжай, – Вальтер успокаивающе положил ей ладонь на плечо. – Поезжай домой, отдохни от всех событий, поделись впечатлениями с мамой и выходи на работу. А я приеду. Обещаю. Дней через пять приеду. Будем знакомиться с твоей мамой и в Константиновское съездим обязательно, к деду твоему на могилу.

– Хорошо, – Василиса слабо улыбнулась. – Ты прав. Мне надо раньше тебя приехать, чтобы маму предупредить, а то ее удар хватит. Так что я действительно с Иваном Александровичем поеду. А ты приезжай, когда сможешь. Я буду тебя ждать. И мама тоже.

Через три часа она уже стояла на пороге маленькой маминой квартирki.

– Ну что, гулена, наездилась? – Как всегда, Анна встречала дочь с мягкой улыбкой, освещающей ее все еще красивое, несмотря на возраст, лицо. – Я, признаться, волновалась за тебя почему-то.

– Ой, мамочка, сколько ж я всего узнала! И о твоём прошлом, и о своём, – воскликнула Вася, входя в квартиру и скидывая кроссовки.

– Что ты имеешь в виду? – Лицо Анны застыло.

– Мамуль, я теперь все знаю. И о том, как у тебя был роман с Адольфом Битнером, и про то, как Гурам Багратишвили тебя изнасиловал, и почему ты институт бросила, и как меня родила. И то, что Гурам – мой отец, я знаю, я даже с ним познакомиться успела перед тем, как его убили. Да, мама, ты же не знаешь, его убили! Мне его жалко, конечно, хотя он и противный все-таки дядька был. Ой, мама, сколько же мне тебе надо рассказать! Почему ты столько лет молчала и мне не рассказывала, что Гурам – мой отец? А еще я в Авдеево, в деревне, в которую ездила, познакомилась с сыном Адольфа Вальтером. Мама, он такой замечательный, я тебе даже передать не могу! Он скоро приедет, и я вас познакомлю. Он тебе тоже понравится, мама. И ты знаешь, все-таки во мне есть твои гены, потому что я в него влюбилась, как ты в Адольфа. Ой, мам, налей мне чаю, и я тебе сейчас все-все расскажу.

Василиса тараторила, не в силах скрыть свои эмоции. Она видела, что лицо мамы становится все бледнее и бледнее, но не могла остановиться, продолжая выплескивать все скопившиеся в ней новости.

– Да, чай, пожалуй, это хорошо, – неожиданно перебила ее Анна и, повернувшись, пошла в сторону кухни. – Доченька? А с чего ты взяла, что я родила тебя от Гурама?

– Как? – Василиса даже опешила. – Он сам мне сказал. А ему наша бабушка Маша. А что? Разве я не его дочь?

– Нет, – Анна с жалостью посмотрела во взволнованное дочкино лицо. – Меня, конечно, жизнь и так здорово наказала, но от самого страшного уберегла. От насильника я не забеременела. А твой отец – Адольф Битнер, человек, которого я любила.

Наши мечты сделаны из бетона.

Они кажутся совершенно неподъемными. Для их воплощения нужно физическое здоровье, огромная тягловая сила, большой подъемный кран, который заставит нас встать с дивана и сделать первый шаг к тому, чтобы мечта стала целью.

Наши мечты сделаны из чугуна.

На каждом этапе пути к реализации цели они виснут на ногах стопудовыми гирями, не давая сделать даже малюсенький шагжок. Мы не можем не то чтобы бежать к исполнению мечты, мы не можем ни идти, ни ползти. Даже лежать в направлении мечты нам тяжело.

Наши мечты сделаны из хрусталя.

Они разбиваются при малейшем неловком движении, и никакая на свете сила уже не сможет собрать вместе их острые, ранящие в кровь осколки.

Наши мечты сделаны из тончайшего, самого легкого на свете лебединого пуха.

Они улетают от нас при незаметном дуновении ветерка. И как бы мы ни старались, мы не можем догнать их, уносимые в воздушном потоке прочь, прочь.

Наши мечты сделаны из снов.

Они приходят к нам по ночам, заставляя надеяться на несбыточное, а утром улетают от нас, гонимые звонком будильника.

Наши мечты заставляют нас вставать утром, наращивать мускулы, бережнее относиться к действительности, чтобы не упустить, не разбить, удержать.

Наши мечты. Благодаря им мы живем.

Глава 17. Грехи отцов

Я всегда верила: если желаешь чего-то всем сердцем и всей душой, то обязательно это получишь.

Вивьен Ли

1987

Сойдя с автобуса, Адольф медленно брел по тропинке, которая вилась по краю поля. Стояла золотая осень, деревья, точь-в-точь по Пушкину, стояли одетые в багрец и золото. Пшеничное поле справа от дорожки тоже было золотым от налившихся спелых колосьев. Пахло солнцем и теплой еще землей, пар от которой стелился вдоль дорожки, заботливо укутывая ноги.

Тропинка то ныряла в лесок, под кроны деревьев, то возвращалась обратно к полю, то пряталась между кустами, то взбегала на холм, то спускалась в низину. На остановке Адольфу посоветовали ориентироваться на видный издалика купол церкви. Церковь с колокольной стояла в Константиновском рядом с домом Анны, и, шагая по дорожке, он не сводил с нее глаз в предвкушении долгожданной встречи.

– Дурак, – шептал он, покусывая сорванную еще у остановки травинку. – Какой же я дурак! Надо было сразу ехать. Как я мог поверить, что она с Гурамом! Это же невозможно! Просто она уехала, и он уехал, и я решил, что это взаимосвязано. А на самом деле нет. Она просила не давать мне ее адрес. Но что, если на самом деле она ждала, что я ее найду? А я даже не попытался. Гордыня выиграла. Бросил ее одну. Скотина я! Сейчас увижу, упаду в ноги. Все отдам, лишь бы простила. Анна, Анечка, не могу я без тебя жить!

К тому, что Анны не окажется дома, да что там дома, вообще в Константиновском, он был не готов. Дверь в большой дом, стоящий действительно совсем рядом с заброшенным храмом, купол которого уже начал опасно крениться, открыла молодая еще, красивая женщина, неуловимо напоминающая Анну, хоть и не похожая на нее.

«Мать», – догадался Адольф и поздоровался:

– Добрый день, меня зовут Адольф Битнер, я друг вашей дочери. Могу ли я ее увидеть?

– Друг, говоришь? – Женщина вдруг нехорошо, зло сощурилась, и лицо ее, на которое легла тень злобы, в одночасье перестало казаться красивым. – Ну-ка, шагай во двор, друг! Там будем разговаривать.

– Хорошо. – Битнер сделал шаг назад и оказался в сенях. – А Анна выйдет?

Женщина, которую, кажется, звали Марией Александровной, вышла на улицу и с силой толкнула его в грудь. Не ожидая удара, он пошатнулся и с удивлением посмотрел на нее.

– Анна выйдет! – передразнила она его. – Нет здесь Анны, милочка твой. В Вологде она живет. Учится там, в медучилище. Ты же ей не дал институт закончить, а работать надо, жить как-то надо, так что пришлось ей в училище поступать. Уж коли мечта стать врачом не сбылась, так хоть диплом медсестры получит.

– Я-то в чем виноват? – глупо спросил Адольф. – Я люблю вашу дочь, честное слово. Больше жизни люблю. Вы мне помогите ее найти, и я уверен, что все будет хорошо.

– Да ну, ты уверен? – Она снова прищурилась, теряя свою красоту. – Вот до тебя у нее все было хорошо. И сейчас уже тоже нормально. Нечего тебе в ее душу сумятицу вносить, понял? Всей нашей семье от вашего рода всю жизнь ничего, кроме вреда, не было, – добавила она с непонятной Адольфу горечью.

Дверь открылась, и на улицу вышла маленькая девочка в коротком желтом платице с вышитыми на нем голубыми незабудками. Светлые волосы на голове девчушки завивались в крупные колечки. Взгляд серых глаз был не по годам серьезным и внимательным. Девочка ела крупную ярко-алую бруснику, которую доставала маленькими пальчиками из эмалированной кружки. На вид малышке было года два.

– Ты кто? – требовательно спросила она, увидев незнакомца.

– Васенька, домой иди, – переполошилась Мария Александровна. – Холодно на улице, а ты в одном платице.

– Сейчас, – девочка покладисто кивнула. – Я сейчас пойду домой, бабушка. Мне просто интересно, как зовут этого дядю.

– Меня зовут Адя, – сказал Битнер, присев перед ней на корточки и накинув ей на плечи шарф, который он размотал с собственной шеи. Имя Адольф он посчитал для такой малютки слишком сложным.

– Дядя Адя, дядя Адя, – девочка запрыгала на одной ноге, а затем, как была, в его шарфе, скрылась за порогом дома.

– Это дочь Анны? – волнуясь, спросил Адольф у молчаливо наблюдавшей за этой сценой Маруси.

– Да, – после продолжительного молчания нехотя сказала она.

– То есть у Анны есть семья, есть ребенок? – уточнил Адольф, чувствуя, как обрывается что-то в его душе, лопается натянутый трос, на котором болталась душа последние три года, и сердце тяжелым камнем летит в бездонную пропасть, из которой не может быть возврата.

– Есть у нее ребенок. А у этого ребенка отец. Это что-то меняет?

– Да. Я не хочу быть лишним и мешать Анне.

– Вот это правильно. Мешать ей не надо. Поэтому уезжай-ка ты, мил человек, туда, откуда приехал.

Адольф повернулся, чтобы уйти. Он понимал, что со стороны похож сейчас не на сорокачетырехлетнего здорового мужика, а на старца, еле волочащего ноги по деревенской тропинке. Он и чувствовал себя старым, совсем старым, как только может чувствовать себя человек, у которого нет будущего, а все счастье и надежды на него остались в прошлом.

– Постой! – вдруг остановил его строгий окрик Маруси. Он с надеждой повернулся к ней. – Стой на месте. Я сейчас.

Маруся сбегала в дом и выскочила обратно во двор, неся в руках большие портновские ножницы. Не понимая, что она собирается делать, он стоял и просто смотрел, как она подходит к нему и отхватывает этими ножницами здоровенную прядь его длинных, кольцами сбегавших на плечи волос.

– Что это вы делаете? – удивленно воскликнул Адольф, внезапно испугавшись, что эта женщина не совсем нормальна и что оставлять на ее попечение маленького ребенка небезопасно.

– На память, – коротко хохотнула она и ловким движением спрятала прядь в карман. – Теперь все. Иди себе подобру-поздорову. И не возвращайся. У Ани все хорошо. И никакие Битнеры нашей семье не нужны.

Через несколько дней Маруся, собрав внучку, приехала в Вологду, к дочери.

– Ой, мамочка! – обрадовалась Анна. – Как же ты собралась? Но здорово-то как, что ты это придумала! Я по Васеньке так соскучилась, что сил нет. Доченька, солнышко, иди сюда. Ой, мам, как подумаю, что еще целый год учиться, а сентябрь только начался, так выть хочется.

– Ничего, еще вся жизнь впереди, намилиуетесь, – довольно холодно сказала Маруся. – Аня, Васенька кашляет немного. Хочу сводить ее анализы сдать. У тебя еще много занятий сегодня?

– Одна пара, – Анна взволнованно переводила взгляд с матери на дочь. – Вася заболела?

– Нет, ничего серьезного. Просто кашляет.

– Тогда почему анализы надо здесь сдавать? А не в Погорелове?

– Потому что здесь лаборатории лучше, – ответила Маруся. – В общем, вещи я тебе оставляю. Тут банки, огурцы, брусника моченая, тебе пригодится. Ты занимайся, а мы часа через два вернемся.

Через месяц Маруся попросила соседа, с оказией ехавшего в Вологду, забрать результат генетической экспертизы, на которую она тайком от дочери сдала кровь Василисы и волосы Адольфа. Отцом ее внучки был Адольф Битнер, в этом не оставалось никаких сомнений. Лишь спустя несколько лет она созналась дочери в том, что сделала.

– Я никогда и не сомневалась в том, что Вася его дочь, – сказала Анна, побледнев лицом. – Я это чувствовала с первых дней, как ее носила. Мама, почему ты мне не сказала, что Адя приезжал? И да, я теперь понимаю, откуда Вася выкопала это имя для своей куклы. Я-то уж, грешным делом, думала, что это мистика какая-то.

– Не сказала, потому что не нужен он тебе, – отрезала Маруся. – Мы и без него хорошо живем.

– Ты хорошо, а я плохо, – тихо сказала Анна. – Раз он приезжал, значит, хотел меня видеть. И я все эти годы так и не могу его забыть. Мама, ты как хочешь, а я поеду в Ленинград, найду его, скажу, что у него дочь растет.

– Да что в этих Битнерах такого, что вы, как заколдованные! – закричала вдруг Маруся. – Отец твой всю жизнь ее любил. Всю жизнь, до самой смерти! Я всегда знала, что я замена, эрзац. Что только тело его со мной, а душа – с ней, хоть она и умерла давным-давно. Теперь ты вот. Жить, видите ли, без него не можешь.

Утерев брызнувшие слезы, она внимательно посмотрела на Анну и вдруг, в одночасье успокоившись, добавила:

– Впрочем, делай что хочешь. Твоя жизнь. Не моя. И ребенок все-таки его. Может, с отцом-то оно и лучше.

Назавтра Анна уже выезжала в Ленинград. Вернулась она спустя два дня, тихая и подавленная. Адреса Адольфа она не знала, но в Союзе художников ей сказали, что три месяца назад Адольф Битнер уехал в Германию. Насовсем.

Наши дни

Вася была уверена, что ее жизнь кончилась.

Каждое утро она за волосы вытаскивала себя из постели, брела в ванную, не глядя в зеркало, чистила зубы, принимала душ, вытягивала из шкафа джинсы и первую попавшуюся кофточку, шлепала на работу, дежурила, разговаривала с пациентами, утешала родственников, что-то обсуждала с коллегами. Но в глубине души она была мертва и вечером не могла вспомнить ничего из того, что делала или о чем говорила в течение дня.

Если не выпадало ночного дежурства, а оно выпадало почти всегда, потому что ей нужно было занять чем-нибудь голову, чтобы не сойти с ума от отчаяния, то она возвращалась домой, комом забрасывала одежду в шкаф и ложилась на диван, свернувшись клубочком.

«Все-таки поза эмбриона – самая естественная для человека, – лениво думала она, чтобы хоть о чем-то думать. – Когда я сворачиваюсь клубком, как в материнской утробе, мне становится легче дышать. А если я вытягиваюсь во весь рост, то становится так больно, что терпеть практически невозможно».

– Это надо пережить, – почти каждый вечер говорила ей мама, – поверь мне, девочка моя, это просто надо перетерпеть, дождаться, пока переболит. Я знаю, я через это прошла. Сначала кажется, что боль никогда не уйдет, что она раздавит, сломает грудную клетку, выдавит сердце и легкие. Но это не так. Ты просто живи пока по принципу маленьких шагов. Утром встала, наметь план до обеда, затем до вечера и так далее. С каждым маленьким шажочком тебе будет становиться легче, а боль станет ослабевать.

– А когда она совсем пройдет? – спросила Василиса, чувствуя, что у нее перехватывает горло.

– Не знаю, Васенька, – печально сказала мама. – У каждого свой срок. Кому-то хватает пары месяцев, кому-то пары лет.

– Мамочка, но ведь бабушка так и не разлюбила деда, хотя его нет в живых уже больше тридцати лет. И ты, сознайся, ты же до сих пор жалеешь, что так вышло с моим отцом.

– Жалею, – помолчав, сказала Анна. – Но болеть у меня это уже не болит. Я живу, практически не вспоминая об этом. Научила себя не помнить за столько-то лет. Так, иногда глухая тоска накатит, а потом отступает. И потом, у меня ведь есть ты.

– А у меня ничего от него нет, – с прорвавшимися слезами сказала Вася. – Не было его в моей жизни, нет и не будет больше никогда. Наверное, нам стоит общаться, в конце концов у нас общий отец. Но я не могу его видеть... братом.

Забыть не получалось еще и оттого, что Вальтер беспрестанно звонил ей. По десять-пятнадцать раз в день она вздрагивала от телефонного звонка и, еще не глядя на экран, знала, что звонит он. Она не брала трубку, потому что не понимала, как сказать о свалившемся на них обоих горе. В том, что для него это тоже горе, она почему-то была уверена, хотя ни разу за все их недолгое знакомство он не сказал ей, что любит, или хотя бы, что она ему небезразлична. Но при всем своем скромном жизненном опыте Вася читала эту любовь в его глазах, поступках, том, как он смотрел на нее, как он ее обнимал.

Василиса отдавала себе отчет, что ею движет трусость, да еще, пожалуй, обычная бабская слабость, не позволяющая взять трубку и сказать правду. Каждый день она давала себе честное слово, что завтра ответит и все объяснит, но уходящая ночь оставляла после себя новый день, и все повторялось заново.

Отработав пять дней первой после отпуска рабочей недели, Вася чувствовала себя так, словно отпахала год. В субботу у нее был выходной, поэтому, промаявшись от жестокой бессонницы всю белую ночь, нахально напоминающую о себе даже сквозь плотно задернутые шторы, она около пяти утра провалилась в глубокий, без сновидений, сон, в котором хоть ненадолго была лишена мучительных раздумий и ранящих воспоминаний.

Дверной звонок так бесцеремонно вырвал ее из nirваны беспомыслия, что она глухо зарычала, осознав, что проснулась.

Дверь она открыла, не глядя в глазок. В последнее время она все делала на автомате, не задумываясь о причинах и последствиях, а потому просто распахнула металлическую дверь, повернув собачку замка, и только после этого подняла глаза на стоящего на пороге человека. Это был Вальтер Битнер.

В несколько секунд пережив адреналиновый выброс, связанный с тем, что она видит самого дорогого для нее человека, понимает, что наступает неизбежное выяснение отношений и что после этого у нее не останется даже призрачной надежды на счастье, она молча отступила в маленькую прихожую, безвольно опустил руки вдоль тела. Вальтер шагнул внутрь, невольно заполнив собой тесное пространство, в котором вдруг сразу кончился воздух.

Глаза его метали пламя. Было видно, что он сердит, причем настолько, что Вася вдруг даже испугалась.

– Ну, может быть, ты объяснишь мне, что происходит?! – спросил он голосом, не предвещающим ничего хорошего. – Это что, в вашем роду так принято? История повторяется?

– Какая история? – пискнула Вася.

– Какая? Да та самая! Уже вторая женщина из семейства Истоминых без объяснения причин бросает мужчину из рода Битнеров и уезжает в несусветную даль после того, как им было невообразимо хорошо вместе. Какая муха, позволь узнать, тебя укусила? Почему ты не берешь трубку? Если ты не хочешь меня видеть, я готов уважать твой выбор, но ты бы хоть объяснила мне почему? Или я тебе был нужен только для распутывания преступления? А как убийство раскрыли, так доктор Ватсон больше не нужен Шерлоку Холмсу?

От плохо контролируемого бешенства у него раздувались ноздри, как у породистого скакуна. Васе вдруг стало на секунду смешно от того, насколько он величественен в гневе, но только на секунду. Затем ее накрыла ставшая привычной за последнюю неделю тоска. Вальтер стоял перед ней, такой достигаемый, такой красивый и такой любимый, что она вдруг заплакала. Крупные слезы текли у нее из глаз, скатывались по щекам, капали на майку летней пижамки со смешными зайчиками-плейбоями на груди. При других обстоятельствах она, пожалуй, застенялась бы стоять в пижамке перед мужчиной своей мечты, но сейчас ей было совершенно на это наплевать. Она просто про это не думала.

– Мы не можем быть вместе, – прошептала она, слизывая слезы. – И это не потому, что я этого не хочу. Просто ты мой брат.

– Что?

– Мой отец – не Гурам Багратишвили. Мама родила меня от твоего папы. Я твоя сестра. Оказывается, бабушка действительно отрезала у твоего отца, когда он приезжал в Константиновское, прядь волос, чтобы провести генетическую экспертизу. Так что сомнений быть не может. Она просто не хотела, чтобы родители были вместе. Она ненавидела Битнеров, потому что всю жизнь ревновала к Анне, сестре твоего деда.

Вальтер вдруг резко и шумно выдохнул. Василиса просто физически почувствовала, как с его плеч падает тяжелая ноша. Он сделал большой шаг вперед и прижал ее к себе. Заплакав еще горше, она тут же уткнулась в это родное плечо, к которому успела привыкнуть. Плечо брата.

– Скажи мне, это единственная причина, по которой ты не хотела меня видеть? – спросил он, целуя ее волосы.

– А этого мало?

– Вполне достаточно, особенно если учесть, что никакой я тебе не брат.

– В смысле? – Вася оторвала свое залитое слезами лицо от его промокшей насквозь тенниски и испытующе посмотрела ему в лицо.

– В самом прямом. Дурочка ты моя, что ж ты мне сразу этого не рассказала? Хотя я тоже болван, хотел же тебе все рассказать еще в тот вечер, когда приезжал Гурам, да отвлекся на его убийство. Видишь ли, Адольф Битнер мне не родной отец, хотя мы с ним всегда нежно любили друг друга. Он женился на моей матери, когда она уже была беременна.

И он рассказал не верящей своему счастью Василисе семейную историю. Когда Адольф приехал в Ленинград, ему был всего двадцать один год. Единственным адресом, который он знал, был адрес Веры, женщины, поселившейся в домике Истоминых во время войны. Туда он и отправился. Вера охотно сдала ему бывшую комнату Василия Истомина.

Другого жилья он и не искал, потому что ему так было удобно. Он отдавал Вере деньги, а она убирала его комнату, готовила еду и стирала его нехитрое белье. Дочери Веры Ирине было уже двадцать семь

лет. Девушка она была крупная, веселая и разбитная, жила отдельно от матери и лишь временами появлялась в маленьком домике на Печорской улице.

С Адольфом у нее сразу установились дружеские отношения, лишённые, впрочем, даже малейшего намека на интимность. Ему никогда не нравились женщины старше его, тем более что богатый житейский опыт был написан у Ирины на лице, и это убивало его возможное влечение на раз. Ирина же относилась к нему покровительственно, потому что считала желторотым юнцом. Ей нравились солидные состоятельные мужчины, с помощью которых она мечтала пробиться в жизни.

Шли годы, а женское счастье никак не складывалось. Ирина меняла любовников, которые пользовались ее молодым еще, крепким и упругим телом, но вовсе не стремились бросать свои семьи. Ирина старела, полнела, тяжелела, мрачнела на глазах.

В семьдесят четвертом году вернувшийся с работы Адольф застал ее бурно рыдающей на кухне. В доме пахло валерьянкой, и Битнер вдруг встревожился, что пожилой уже Вере могло стать нехорошо.

– Где мама? – спросил он у Ирины.

– Ушла, – глотая слезы, сказала та. – Не хочет меня видеть. Сказала, что не вернется, пока я не уйду.

– Почему?

– Потому что я беременна, – ответила, как выплюнула, Ирина. – Господи, столько лет береглась, и на тебе! Кто ж знал, что эта сволочь, даже узнав о ребенке, не захочет уйти от жены? А аборт теперь уже делать поздно. Вот мать и лютует.

– Ты что, Ирка, какой аборт, тебе уж сороковник почти, – заметил Адольф. – Ты разве совсем детей не хочешь?

– Но не так же, – Ирина подняла на него перекошенное, мокрое лицо. – Мать-одиночка почти в сорок лет. Это же позор. Да и тяжело. Если я дома засяду, работать кто будет?

– Да какой позор-то, Ир? – поморщился Адольф. – Не те сейчас времена.

– Да? Ты уверен? Я, между прочим, как ты знаешь, в милиции работаю. Точно выгонят за аморалку.

Тут-то в голову Адольфу и пришла мысль, со стороны казавшаяся безумной.

– Ирка, а давай я на тебе женюсь, – предложил он. – И ребенка признаю.

– Адя, ты что? Головой ударился? – Ирина с недоумением посмотрела на него. – Тебе-то это зачем? Ты что, все эти годы пылал ко мне безответной любовью?

– Нет, не пылал, – честно признался Адольф. – Но мне уже за тридцать, жениться я не собираюсь, потому что подходящей женщины никак не встречу, а так хоть тебе помогу. Мне ж не жалко.

– А если встретишь? Ну, подходящую женщину?

– Так разведемся, делов-то, – рассмеялся Адольф. – Ребенок уже родится, отец у него будет, и твоя репутация не окажется подмоченной. Соглашайся, Ирка! У тебя же все равно выбора нет.

Свадьба состоялась через месяц. В первую брачную ночь Ирина, откинув одеяло на своей кровати, хлопнула рукой, приглашая Адольфа лечь рядом. Он подошел, поцеловал ее в лоб и тщательно подоткнул одеяло.

– Нет, Ирка. Ты же мне как сестра. Брак у нас фиктивный, ради ребенка. Таким и останется.

Родившегося мальчика назвали Вальтером. Адольф, сам того не желая, искренне его полюбил.

– Я всегда считал его своим настоящим отцом, хотя знал правду о браке родителей, – рассказывал Вальтер Васе. – Адольф жил вместе с нами, содержал семью, ко мне относился как к родному сыну.

Когда случилась эта история с твоей мамой, он моей все рассказал и попросил развода. Она дала беспрекословно, соблюдая условия давнего договора. Он несколько лет помыкался по Питеру, потом съездил в Константиновское и принял решение эмигрировать. Сказал, что Питер без Анны ему не нужен, и уехал. Но связи со мной не прерывал. Я частенько к нему ездил, а потом основал свою российско-немецкую фирму, во многом благодаря его связям, кстати.

– Как интересно все получается! – задумчиво сказала Вася, крепко его обнимая. – Все разъяснилось, но спустя тридцать лет. Теперь все знают, что мама не бросала Адольфа, что она всю свою жизнь его любила, что он готов был на все, чтобы ее вернуть, но из-за вмешательства бабушки они так и не встретились. Гурам разрушил их жизнь, но это и ему не принесло счастья, а теперь он мертв и сын его

тоже, и, может быть, эти смерти – искупление той его давней, непомерной вины.

– Не говори так, – попросил Вальтер. – Ты ведь совсем не злая.

– Мы сейчас пойдем к моей маме, и я вас все-таки познакомлю. Она будет рада узнать всю правду до конца, только жаль, что это все равно уже ничего не изменит. Слишком поздно. Жизнь прожита вдали друг от друга, и отца уже не вернешь. А значит, она все-таки потеряла его навсегда.

– С чего ты взяла, что мой, точнее, твой отец умер?

– Как? – Василиса не верила собственным ушам. – Гурам сказал, что пытался его найти, но его уже не было.

– Так в стране не было! Он жив-здоров. Живет в Дюссельдорфе. Как переехал туда в девяностом году, так и обосновался. Он художник, довольно известный. По крайней мере, у него до сих пор проходят персональные выставки, и его картины продаются по всему миру. Так что ты с ним обязательно познакомишься.

– Вальтер! – Василиса схватила его за руку и приготовилась бежать. – Быстрее пошли к маме! Она должна как можно скорее это узнать!

– Ты так и собираешься идти? В пижаме? – уточнил он серьезно, хотя глаза его смеялись. – Я думаю, что твоя мама вполне может подождать еще хотя бы полчаса. А вот я ждать уже не могу. Я должен стащить с тебя эту пижаму прямо сейчас. Я слишком долго тебя не видел.

Эпилог

Как ни крути, женщина в жизни мужчины только одна. Все остальные – лишь ее тени.

Коко Шанель

Рейс SU 6243 Санкт-Петербург – Дюссельдорф вылетал из Пулково в полдевятого утра. Собственно, в Питер Василиса и Анна приехали за два дня до вылета. Вальтер без усталости водил их по улицам родного города, по дорогим для них местам, которые обе открывали для себя заново. Съездили в Петергоф, сходили в Эрмитаж, провели могилу Анзора Багратишвили. На этом и закончилась их нехитрая культурная программа.

– Работать-то где будешь? – хитро улыбаясь, спросил Вальтер у Василисы. – Или я совсем тебя не знаю, или ты уже решила, что в Александровской больнице.

– Ну да, если возьмут, – кивнула Вася.

Ей все еще не верилось, что она переедет в этот прекрасный город, на родину деда. Место, с которым у всех членов ее семьи было связано столько тягостных и прекрасных воспоминаний.

– Возьмут, – успокоил ее Вальтер. – Ты же прекрасный врач, Васенька. А у меня есть друг, школьный, он как раз там заведующий одним из отделений.

– Хитрюга ты! – засмеялась Вася и тут же стала серьезной. – Я так волнуюсь, что мы бабушку не уговорим сюда переехать. Как она там одна будет? Мама-то в Дюссельдорфе наверняка останется.

– Да погоди ты! – испуганно отмахнулась Анна. – Зачем я Аде такая? Старая...

– Разве вы старая? – искренне удивился Вальтер. – Вы красавица, Анна Васильевна! И я совершенно точно знаю, что если мой отец не умрет от разрыва сердца сразу, как вас увидит, то совершенно точно уже никуда вас не отпустит.

– Да бог с тобой! – теперь уже всерьез рассердилась Анна. – Типун тебе на язык, разве ж такими вещами шутят?

– Не расстраивайтесь, Анна Васильевна, у моего отца, – он покосился на Василису, – у нашего отца отменное здоровье. Ему ни за что не дать его семидесяти трех лет. И, кроме того, вы же медик, вы должны знать – от счастья не умирают.

Взмыл в небо самолет, под крыльями которого раскинулся земной шар – настолько маленький, что для того, чтобы проделать путь от безнадежной пустой жизни до исполнения многолетней мечты, потребовалось всего три часа.

И вот уже Анна стояла по ту сторону паспортного контроля и с замершим сердцем смотрела на идущего к ней сквозь толпу высокого, худощавого, совершенно седого человека с белой бородой и невероятным взглядом льдистых серых глаз. И не было между ними ни последних тридцати лет, ни интриганки-судьбы, которая развела их когда-то.

– Так-то я его дочь, которую он видел только один раз, совсем давно, и не зная, что он мой папа, – немного сварливо, чтобы скрыть волнение и надвигающиеся слезы, сказала Василиса. – А он меня глазами даже не ищет.

– Подожди. Вы еще успеете познакомиться, – Вальтер тихонько взял ее за руку, глядя, как Анна вдруг пошла, все убыстряя шаги, а затем побежала навстречу Адольфу. Подпрыгнула, как много лет назад, повисла на шее. – В его жизни она всегда была самой главной. Прости ему это.

– А в твоей? – Вася лукаво посмотрела на него.

– А в моей теперь всегда будешь только ты, – серьезно ответил он. – Я же тебе говорил, что так уж на роду написано, что Битнерам и Истоминым суждено быть вместе.

Конец

14 советов, как изменить свою жизнь и стать счастливее

1. Не бойся расставания с прошлым. Отпусти его от себя.
2. Не бойся перемен. Попробуй начать завтрашний день не так, как обычно. Ломай привычные схемы.
3. Не ищи легкий путь к своей мечте. Чем больше препятствий придется преодолеть, тем гарантированнее результат.
4. Составь список всего, что тебе не нравится в своей жизни. Перечисли все неудавшиеся проекты. А теперь удавшиеся.

Проанализируй пути их внедрения. Ответь на вопрос, что именно привело к успеху. Извлеки уроки из прошлого, чтобы не повторить ошибок в будущем.

5. Конкретизируй свои цели. Составь их список, а затем разбей его на более мелкие задачи, по правилу «маленьких шагов».

6. Каждое утро начинай с того, что говори себе: «Я справлюсь». Не допуская даже тени пессимизма.

7. При любой степени занятости выделяй по 15 минут утром и вечером на разговоры с любимым человеком. В ходе этих разговоров концентрируйся только на нем.

8. Никогда не начинай выяснять отношения перед тем, как лечь в постель. Даже если речь идет всего лишь о сне.

9. Веди учет своих доходов и расходов. Всегда откладывай часть заработанного в «свинью-копилку».

10. Периодически делай подарки самой себе. Просто так, без повода.

11. Четко планируй время для отдыха. Один выходной на неделе и несколько дней отпуска после трех месяцев работы – не прихоть, а жизненная необходимость. Организму нужно время на восстановление.

12. Перестань пить кофе. Чистая вода гораздо лучше.

13. Не иди к своей цели «по головам». В конечном счете от этого не выиграешь, а проиграешь.

14. Просто поверь в себя.